

элизабет чандлер

Поцелуй Ангела

НАВЕЪИ ТРОЪ

...ответ знает только первая любовь...

Со дня гибели Тристана проходит месяц. Единственное, что помогает его бывшей девушке Айви выйти из глубокой депрессии, — музыка и младший брат. Она по-прежнему отказывается верить, что в семнадцать лет можно встретить новую любовь. Тристан делает все возможное и невозможное, чтобы он, призрак, мог достучаться до Айви и предупредить ее об опасности. Но Айви больше не верит в ангелов-хранителей... пока ее не начинает преследовать убийца Тристана.

Элизабет Чандлер

Навеки твой

Посвящается всем, приложившим руку к этой книге

«На этот раз я достучусь до нее! — объявил Тристан. — Я должен предупредить Айви, должен сказать ей, что авария не была случайностью. Лэйси, ты ведь сможешь мне? Ты же знаешь, я еще плохо разбираюсь в этих ангельских делах».

«Это точно», — ответила Лэйси, облакачиваясь на надгробие Тристана.

«Ты пойдешь со мной?»

Лэйси внимательно осмотрела свой маникюр, хотя ярко-лиловый лак, украшавший ее длинные ногти, больше не мог ни облечь, ни обколоться, как не могли ни отрасти, ни растрепаться густые темные волосы Тристана.

«Ладно, — нехотя согласилась она, наконец. — Думаю, что смогу на часок выбраться на вечеринку у бассейна. Только не жди, что я буду любезной гостьей и милым ангелочком, понял?»

Айви стояла у края бассейна. Она уже вся покрылась гусиной кожей от брызг холодной воды, то и дело случайно попадавших на ее тело. Вот две девочки промчались мимо, удирая от парня с водяным пистолетом. Миг спустя все трое вместе обрушились в воду, обдав Айви целой волной ледяной воды. Случись это год назад, она бы дрожала и молилась своему водяному ангелу. Но ангелов не существовало. Теперь Айви точно знала об этом.

Прошлой зимой, когда Айви неуклюже болталась на вышке для прыжков над школьным бассейном, оцепенев от знакомого с детства ужаса, она горячо молилась Ангелу воды. Но спас ее не ангел, а Тристан.

А потом он научил ее плавать. Пусть от страха Айви клацала зубами в первый день, и во второй, и в последующие, но постепенно она полюбила прикосновение воды, сквозь которую тащил ее Тристан. И полюбила Тристана — несмотря на то, что он не верил в ангелов.

Тристан был прав. Но теперь он умер — так же, как ее вера в ангелов.

— Хочешь искупаться?

Резко обернувшись, Айви увидела собственное лицо в облаке вьющихся золотистых волос, отраженное в стеклах солнцезащитных очков Эрика Гента. Он только что вылез из бассейна, его мокрые полосы были зачесаны назад, так что просвечивала кожа головы.

— К сожалению, у нас тут нет трамплина для хай-дайвинга, — сказал Эрик.

— Ничего страшного, — ответила Айви, привычно заглушив боль в груди. — Бассейн все равно замечательный.

— В этой части очень мелко, — продолжал Эрик и, сняв очки, повесил их на грудь. Глаза у него были светло-голубые, а ресницы такие светлые, что их почти не было видно.

— Я могу плавать... в любой части, — сухо ответила Айви.

— Вот как? — Эрик слегка приподнял уголок губ. — Тогда дай знать, когда будешь готова, — сказал он и отошел к другим гостям.

Айви и не ждала от него особой любезности. Несмотря на то, что она и обе ее лучшие подруги получили приглашение на эту вечеринку, они не входили в узкий круг сливок Стоунхилла. Айви была уверена, что оказались здесь исключительно по требованию Грегори — лучшего друга Эрика и ее сводного брата.

Она подняла глаза от бассейна и окинула взглядом шезлонги, ища своих подруг. В самой гуще блестящих бронзовых тел и выгоревших на солнце волос сидела Бет, в огромной шляпе и свободном балахоне до пят. Она оживленно болтала с Уиллом О'Лири, еще одним близким приятелем Грегори. Каким-то загадочным образом странноватая Бет Ван Дайк, никогда не стремившаяся попасть в избранный круг школьных знаменитостей, и мега-крутой Уилл, неизменно находившийся в центре всеобщего внимания, в последнее время стали близкими друзьями.

Сидевшие вокруг девушки прилагали все старания, чтобы подставить себя солнцу — и глазам Уилла — с самой выгодной стороны, но О'Лири не обращал на них никакого внимания. Он оживленно кивал Бет, которая, судя по всему, излагала ему захватывающий сюжет своего очередного рассказа.

Айви еле заметно приподняла брови. Неужели Уиллу действительно нравятся произведения Бет, под чувственным пером которой любые стихотворения, романы и даже исторические очерки, вроде биографии шотландской королевы Марии Стюарт, написанной для урока истории, неизменно превращались в страстные и откровенные любовные истории? Эта мысль заставила Айви улыбнуться.

Как раз в этот момент Уилл поднял глаза и поймал ее улыбку. На миг лицо его озарилось. Может быть, всему виной было солнце, отражавшееся от бассейна, но Айви впервые увидела, как неизменная сдержанность Уилла растаяла. Через мгновение он спрятал лицо в тень циклопической шляпы Бет.

Айви сделала шаг назад — и уперлась в чью-то холодную мускулистую грудь. Вместо того чтобы отойти, невидимый купальщик склонил голову к ее плечу и коснулся губами уха.

— Кажется, у тебя появился обожатель, — шепнул Грегори.

Айви не отстранилась. Она уже привыкла к выходкам своего сводного брата, к тому, что он слишком тесно прижимается к ней и неожиданно появляется в самое неподходящее время.

— Обожатель? И кто же он?

За последний месяц она очень сблизилась к Грегори, хотя еще в апреле ни за что не поверила бы, что такое возможно.

Тогда они с Грегори оба были в шоке от предстоящей свадьбы их родителей, а поэтому злились, дулись и не понимали друг друга. В свои семнадцать лет Айви уже самостоятельно зарабатывала и присматривала за младшим братом, а Грегори колесил по Коннектикуту на своем бимере в компании таких же модных и богатых юнцов, презиравших всех, кто не соответствовал их жизненным стандартам.

Но все эти различия оказались ничтожными после того, как их объединило нечто несравненно большее — самоубийство матери Грегори и гибель Тристана. Постепенно Айви узнала, что когда люди живут под одной крышей, они невольно делятся друг с другом своими чувствами, и она, к своему собственному удивлению, сумела открыть Грегори свое сердце. Он был рядом с ней в то страшное время, когда она едва выжила после смерти Тристана.

— Обожатель, — с улыбкой повторила Айви. — Мне кажется, ты начитался романов Бет! — Она отошла от бассейна, и Грегори, как тень, последовал за ней.

Айви быстро поискала глазами Сюзанну Голдстейн, свою самую старую и самую лучшую подругу. Ради спокойствия Сюзанны Айви предпочла бы, чтобы Грегори не прижимался к ней так близко. И не шептал бы ей на ухо, словно они секретничают.

Сюзанна охотилась за Грегори с самого начала зимы, и Грегори охотно поощрял ее устремления. Недавно Сюзанна призналась, что они стали официально встречаться, но Грегори в ответ на расспросы только улыбался и отмалчивался.

Вздыхнув, Айви легонько коснулась руки Грегори, чтобы отстранить его, но как раз в этот момент стеклянные двери распахнулись, и из них вышла Сюзанна. На миг она остановилась, обводя глазами сцену — сапфировый овал бассейна, мраморные статуи и цветочные террасы. Разумеется, эта пауза позволила всем парням рассмотреть Сюзанну во всей ее красе. И было на что посмотреть! Со своей роскошной гривой черных волос и в крошечном купальнике, больше похожем на украшение, чем на предмет одежды, Сюзанна затмевала всех девушек, включая давних участниц узкого кружка Грегори и Эрика.

— Если у кого-то тут и есть обожатели, — сказала Айви, — то это у Сюзанны. Надеюсь, у тебя хватит ума и прыти оказаться первым, пока двадцать парией не выстроились в очередь за ее вниманием.

Но Грегори только расхохотался и отвел золотистую прядку со щеки Айви. Разумеется, он прекрасно знал, что Сюзанна на них смотрит. Они с Сюзанной играли в свои игры, и Айви часто оказывалась между двух огней.

Сюзанна с кошачьей грацией двинулась к ним вдоль края бассейна и в мгновение ока очутилась рядом, хотя со стороны казалось, будто она всего лишь лениво прогуливается по саду.

— Классный купальник, — похвалила она Айви.

Айви растерянно опустила глаза на свой скромный совместный купальник. Сюзанна сама помогала ей выбирать его, причем уговаривала купить что-нибудь гораздо более открытое. Ах, ну как же она не догадалась! Этот комплемент был лишь предлогом, чтобы привлечь внимание Грегори к... украшению Сюзанны.

— Он сногшибательно на тебе сидит, — продолжала Сюзанна.

— Я только что как раз говорил ей об этом! — с деланным восторгом поддержал Грегори.

На самом деле они не сказали ни слова по поводу купальника. Эта была откровенная ложь, чтобы заставить Сюзанну ревновать. Айви сердито посмотрела на Грегори, но тот только расхохотался.

— Ты взяла солнцезащитный крем? — спросила Сюзанна. — Представляешь, я забыла свой!

Айви тоже нисколько в это не поверила. Сюзанна придумала этот трюк еще в нежном двенадцатилетнем возрасте, когда Айви проводила каникулы в пляжном домике Голдстейнов.

— Я уже чувствую, как у меня обгорает спина, — промурлыкала Сюзанна.

Айви молча взяла с шезлонга свою сумку. Она прекрасно знала, что Сюзанна запросто могла бы загорать на куске кровельного железа и ничуть не обгореть.

— Вот, возьми. У меня много.

Она передала флакон Грегори и хотела отойти, но сводный брат поймал ее за руку.

— А как же ты? — вкрадчиво спросил он, понижая голос.

— Что я?

— Разве тебя не нужно намазать?

— Нет, спасибо.

Но Грегори не собирался так просто ее отпускать.

— Ах, Айви, мы-то с тобой знаем, что ты забываешь про самые простые вещи, — промурлыкал он, принимаясь растирать лосьон по ее плечам и тыльной части шеи.

Голос его стал шелковистым и нежным, как и прикосновение пальцев. Потом Грегори попытался просунуть палец под бретельку ее купальника. Айви молча вернула бретельку в прежнее положение. На этот раз она по-настоящему разозлилась. Разумеется, Сюзанна вся кипела — и на этот раз совсем не от солнца.

Айви решительно вырвалась из рук Грегори и надела солнцезащитные очки, чтобы спрятать под ними свое бешенство. После этого она развернулась и быстро отошла, оставив сладкую парочку дразнить и мучить друг друга в одиночестве.

Они оба использовали ее в своих целях. Зачем? Неужели нельзя избавить ее от этой роли?

«Ты просто ревнуешь, — невесело усмехнулась она про себя. — Ревнуешь, потому что они вместе, а Тристан никогда не вернется».

Отыскав свободный шезлонг подальше от толпы, Айви опустилась на сидение. Парень и девушка, сидевшие рядом, с любопытством наблюдали, как Сюзанна ведет Грегори к двум незанятым лежакам в уединенном уголке сада. По пути они перешептывались о чем-то, а Грегори на ходу размазывал крем по роскошному телу Сюзанны.

Айви закрыла глаза и стала думать о Тристане, об их планах вместе съездить на озеро, заплыть на самую середину и лежать там, чтобы солнце сверкало на пальцах их рук и ног. Она думала о том, как Тристан целовал ее на заднем сидении машины в ту страшную ночь аварии. Никогда еще его поцелуи не были такими нежными как в ту ночь. Тристан касался ее лица с каким-то восторгом, почти с благоговением. Он так обнимал ее, что Айви чувствовала себя не просто любимой — бесценной...

— Ты так и не зашла в воду?

Айви открыла глаза. Было ясно, что Эрик не оставит ее в покое до тех пор, пока она не докажет, что не боится воды.

— Я как раз подумала об этом, — ответила Айви, снимая очки. Эрик молча подждал ее у края бассейна.

Айви была рада, что он не нагрузился на собственной вечеринке. Впрочем, возможно его приставучесть объяснялась именно трезвостью. Временно оставшись без алкоголя и наркотиков, Эрик развлекал себя тем, что дразнил людей, метя в самые уязвимые места.

Айви вошла в воду. Когда она окунулась по шею, ее снова охватил старый страх перед водой.

«Настоящая смелость заключается в том, чтобы посмотреть в лицо своим страхам», — однажды сказал ей Тристан.

Постепенно Айви успокоилась и с каждым новым гребком чувствовала себя все более уверенно. Проплыв бассейн в длину, она остановилась в глубоком секторе и стала ждать Эрика. Честно говоря, пловец он был никудышный.

— Неплохо, — оценил Эрик, поравнявшись с ней. — Для начинающей, разумеется.

— Спасибо, — ответила Айви.

— Ты даже не запыхалась.

— Думаю, я в хорошей форме.

— Совсем не запыхалась, — задумчиво повторил Эрик. — Знаешь, когда мы с Грегори были маленькими, то придумали одну забавную игру.

Эрик помолчал, и Айви поняла, что сейчас он предложит ей сыграть. Она не

испугалась, но пожалела, что этот разговор возник не в мелкой части бассейна, где деревья не скрывали солнца, а кругом было гораздо больше народу.

— Игра заключалась в том, чтобы как можно дольше задержать дыхание, — продолжал Эрик. При этом он ни разу не посмотрел на Айви: он вообще редко смотрел людям в лицо. — Нужно нырнуть под воду и сидеть там, сколько выдержишь, в то время как второй участник считает секунды.

Признаться, игра была довольно глупая, но Айви решила сыграть, чтобы поскорее избавиться от Эрика.

Эрик быстро нырнул, выставив над поверхностью левую руку, чтобы Айви могла засечь время по часам. Он просидел под водой ровно одну минуту и пять секунд, а потом вынырнул и жадно вдохнул.

После этого настала очередь Айви. Она набрала в легкие побольше воздуха и нырнула. При этом она медленно считала про себя — одна тысяча один, одна тысяча два, одна тысяча три — решив, во что бы то ни стало побить результат Эрика. Сидя под водой, Айви смотрела на свои волосы, медленно колыхавшиеся вокруг нее. Вода в бассейне была сильно хлорированной, и ей очень хотелось закрыть глаза, но она чувствовала, что лучше этого не делать. Айви не доверяла Эрику.

Наконец она вынырнула на поверхность.

— Потрясающе! — оценил Эрик. — Одна минута и три секунды.

Айви насчитала минуту и пятнадцать секунд.

— А теперь следующий этап, — объявил Эрик. — На этот раз нырнем вместе и посмотрим, кто из нас чемпион! Будем соревноваться, как большие. Идет?

Айви неохотно кивнула и решила, что после этого сразу же вылезет из бассейна. Эрик посмотрел на часы.

— На счет три! Раз, два... — он вдруг схватил Айви за руку и потянул вниз.

Она не успела задержать дыхание. Айви рванулась, но Эрик не отпускал. Она начала вырываться, но он схватил ее за руки выше локтей.

Айви начала задыхаться. Она наглоталась воды, когда Эрик утянул ее под воду, и теперь беспрерывно кашляла, пытаясь прочистить легкие — и от этого еще сильнее захлебывалась. А Эрик крепко держал ее под водой.

Она попыталась ударить его ногой, но он ловко уворачивался, улыбаясь ей плотно сжатыми губами.

Айви поняла, что Эрику все это нравится. Он находит это забавным. Да он ненормальный!

Она принялась вырываться. Желудок у нее сжимался от спазмов, колени взлетели вверх, ей казалось, что ее легкие вот-вот лопнут от недостатка кислорода.

Внезапно лицо Эрика перекосилось. Он вдруг стремительно рванулся к бортику бассейна, увлекая за собой Айви. А потом неожиданно отпустил ее.

Они оба вынырнули на поверхность, отплевываясь и жадно хватая ртами воздух.

— Ты придурок! Тупой придурок! — крикнула Айви, но приступ кашля не дал ей закончить.

Эрик молча подтянулся на бортик. Лицо у него было белое, пальцы судорожно прижаты к боку. Когда он отпустил руку, Айви увидела на коже Эрика алые отметины и тонкие кровавые царапины, словно кто-то хорошенько прошелся по его боку и спине длинными острыми ноготками.

Эрик быстро стрельнул по сторонам своими светлыми близорукими глазами, а потом посмотрел на Айви. Лицо его было перекошено, словно он до сих пор сидел под водой.

— Это была просто игра, — сказал Эрик.

В это время кто-то окликнул его с противоположного конца бассейна. Люди потихоньку начали перемещаться внутрь. Эрик медленно встал и побрел к дому, а Айви осталась стоять в бассейне, делая глубокие вдохи, чтобы прийти в себя. Она знала, что должна остаться здесь. Она должна успокоиться, выровнять дыхание и проплыть несколько метров. Тристан помог ей преодолеть былой страх перед водой, и она не позволит Эрику забрать у нее этот подарок. Айви оттолкнулась и поплыла.

Она доплыла до противоположного края бассейна и повернулась, чтобы сделать еще один заплыв, но тут Бет наклонилась и схватила ее за ногу. Обернувшись, Айви увидела, что ее подруга опасно балансирует на самом краю бассейна, а ее чудовищная шляпа свалилась ей на глаза. К счастью, вовремя подошедший Уилл схватил Бет сзади и спас ее от падения в воду.

— Что случилось? — спросила Айви, улыбаясь Бет и бросая быстрый многозначительный взгляд в сторону Уилла.

— Все идут внутрь смотреть видео, — радостно сообщила подруга. — Это записи, которые делали в этом году в школе и после уроков — на баскетбольных матчах и... — Бет резко замолчала.

— На соревнованиях по плаванию, — закончила за нее Айви. Может быть, ей стоит еще раз посмотреть, как Тристан плывет баттерфляем?

Бет отошла от края бассейна и повернулась к Уиллу.

— Я немного побуду тут.

— Не нужно оставаться здесь ради меня, Бет, — попросила Айви. — Я...

— Нет, послушай, — перебила ее Бет. — Когда все уйдут внутрь, я наконец-то смогу обнажить свое прекрасное белоснежное тело, не боясь, что окружающих поразит снежная слепота.

Уилл негромко рассмеялся и что-то шепнул на ухо Бет.

Уилл был славным парнем, хотя Айви понимала, что у него есть все основания недолюбливать ее, особенно после той ужасной сцены в кафе. Тогда Уилл рисовал ангелов, один из которых оказался как две капли воды похож на Тристана, обнимавшего Айви. Она тогда взбесилась и порвала рисунок в клочья.

— Иди внутрь и посмотри записи вместе со всеми, — приказала Айви. — Я хочу немного поплавать.

На этот раз Уилл наклонился и посмотрел на нее.

— Нельзя плавать одной, Айви.

— Тристан тоже всегда так говорил.

Уилл ответил ей долгим взглядом своих загадочных глаз, говоривших на своем собственном языке. Айви подумала, что его глаза похожи на карие озера, в которых так легко утонуть. У Тристана глаза тоже были карие, только немного светлее, и все-таки чем-то похожие. Может, именно поэтому Айви так тянуло к Уиллу?

Айви быстро отвернулась и затаила дыхание. Легкая бабочка, трепеща разноцветными крыльями, опустилась ей на плечо.

— Мадам Баттерфляй, — неосторожно сказала Бет. Айви поняла ее. Они все в этот момент думали о Тристане.

Айви попыталась согнать бабочку, но к ее изумлению, хрупкое создание лишь хлопало крылышками, явно не собираясь покидать облюбованное место.

— Она приняла тебя за цветок, — с улыбкой сказал Уилл. Глаза его сияли.

— Наверное, — ответила Айви, и ей вдруг нестерпимо захотелось поскорее оказаться подальше от него и Бет. Оттолкнувшись от бортика, она поплыла.

«Это невероятное ощущение, честное слово. Ты даже не представляешь, что такое плыть по озеру, в кольце зеленых деревьев, когда небо перевернутой голубой чашей парит у тебя над головой! Ты просто лежишь на поверхности воды, а солнце сверкает на кончиках пальцев у тебя на руках и ногах...»

Воспоминание было настолько свежо, что ей показалось, будто голос Тристана прозвучал наяву. Как могло случиться, что перевернутая голубая чаша небес осталась на своем месте, а не разлетелась на тысячу осколков, как ветровое стекло машины в ночь аварии? Айви до сих пор не могла поверить в то, что все в мире осталось по-прежнему.

Она вспомнила, как лежала на спине в бассейне, чувствуя под собой сильные руки Тристана, когда он учил ее плавать. «Не сопротивляйся, плыви вместе с водой», — говорил он.

Айви не сопротивлялась. Она просто закрыла глаза и представила, что лежит посреди озера. Когда она снова открыла глаза, он смотрел на нее, и его лицо согрело ее, как солнце.

«Я плыву», — прошептала Айви тогда и повторила это снова.

«Ты плывешь».

«Плыву».

Они читали это слово по губам друг друга, их лица были совсем близко, так близко, что...

— Отдай сейчас же!

Айви так быстро подняла голову, что ноги ее ушли вниз. Она поспешно смахнула воду с глаз.

Дверь домика при бассейне распахнулась, и Грегори выбежал на лужайку, неся в руках какую-то маленькую черную тряпку. С волос его разлетались клочья пышной белой пены. Следом за ним к бассейну выскочил Эрик, держа в одной руке огромную шляпу Бет — как оказалось, свое единственное прикрытие — а во второй сжимая длинный кухонный нож.

— Ты труп, Грегори!

— Догони и отбери! — захохотал Грегори, размахивая над головой плавками Эрика. — Ну, вперед! Покажи свою прыть!

— Да я сейчас...

— Конечно, конечно, — дразнил Грегори. Внезапно Эрик остановился.

— Я до тебя доберусь, Грегори, — пригрозил он. — И сделаю это тогда, когда ты меньше всего будешь этого ожидать.

Лэйси сидела за столиком кафе, нежно улыбалась Тристану и выглядела до ушей довольной собой. Судя по всему, она милостиво простила Тристану то, что тот вытащил ее из дома при бассейне на открытой вечеринке Эрика. Сцепив большие пальцы, она радостно замахала пальцами, изображая крылышки.

«Скажи, что посадить бабочку на плечо твоей Айви было высшим пилотажем?»

Тристан посмотрел на ее мерцающие пальцы с длинными ноготками и выдавил нечто среднее между гримасой и улыбкой. Когда он в первый раз увидел Лэйси Ловитт, то подумал, что ее черные с лиловым отливом ногти и торчащие во все стороны короткие волосы цвета фуксии объяснялись почти двухгодичным зависанием между мирами — как выяснилось, непомерно долгий срок для такой разновидности ангелов. Но потом Тристан узнал, что Лэйси была в восторге от своих ногтей и волос, и что она выкрасила их после своего последнего голливудского фильма, как раз перед авиакатастрофой.

«Бабочка была очень милая, — начал Тристан, — но...»

«Ага, ты хочешь узнать, как я это сделала? — перебила Лэйси. — Что ж, думаю, мне придется научить тебя работе с силовыми полями!» — Лэйси с жадностью проводила глазами проплывающий мимо поднос с десертом, хотя ни она, ни Тристан, разумеется, не могли ими полакомиться.

«Но...» — сделал еще одну попытку Тристан.

«Ох, ну какой же ты недотепа! Так и не догадался, откуда я узнала про бабочку? — воскликнула Лэйси. — Так бы сразу и сказал! Говорю же, я читала в местной газете все статьи про Тристана Каррутерса, великого пловца и героя Стоунхилла! Мне ли не знать, что ты плаваешь баттерфляем, то есть бабочкой! И я догадалась, что, увидев бабочку, твоя Айви сразу подумает о своем парне».

«На самом деле я хотел спросить другое. Неужели нельзя было оставить пирожные в покое?»

В половине пятого вечера в уличном кафе было совсем немного посетителей, но Тристан уже знал, что Лэйси Ловитт ничего не стоит создать хаос на пустом месте. Два пирожных и взбитые сливки — вот все, что понадобилось ей, чтобы устроить кавардак на вечеринке Эрика.

«То есть, мне кажется, это очень старый трюк, правда? Если не ошибаюсь, он был старым еще во времена “Трех уродов”»^[1].

«Ну-ну, выше нос, Нытик! — хмыкнула Лэйси. — Всем гостям понравилось мое выступление. Ладно, ладно, — добавила она, — буду честной девочкой. Некоторым гостям это очень понравилось, а ничтожное меньшинство, вроде Сюзанны, подняло шум из-за своих причесок. Но лично я повеселилась от души».

Тристан покачал головой, вспомнив, как Лэйси быстрее молнии носилась по дому, незаметно устраивая потасовки и скандалы. Она ликовала вовсю, стаскивая с Грегори плавки, когда Эрик стоял рядом.

«Теперь я понимаю, почему ты никак не можешь закончить свою миссию», — горько сказал Тристан.

«Ну ладно, прости-и-и-и меня! — протянула Лэйси. — И не забудь напомнить мне об этом в следующий раз, когда будешь умолять пойти с тобой и помочь поговорить с Айви!»

— Она резко вскочила из-за столика и выбежала из кафе.

Тристан уже привык к драматическим выходкам Лэйси, поэтому молча встал и полетел за ней по Мэйн стрит.

«Просто не понимаю, как у тебя хватается наглости осуждать меня за то, что я немного повеселилась! Позволь тебя спросить, где ты был, когда твоя драгоценная Айви начала разевать рот, как золотая рыбка, на дне бассейна? Кто привел в чувство этого придурка Эрика?»

«Ты, — признал Тристан. — Но ты прекрасно знаешь, где я был в это время».

«Разумеется знаю! Ты был страшно занят тем, что проваливал Уилла!»

Тристан кивнул. Это была правда, и ему было ужасно стыдно.

Они с Лэйси медленно брели по тротуару мимо витрин, укрытых от солнца яркими полосатыми тентами. Роскошный антиквариат, композиции из засушенных цветов, великолепные альбомы по искусству и дизайнерские обои демонстрировали вкусы богатого населения Стоунхилла. Тристан шел, как живой, аккуратно обходя прохожих. Лэйси беззаботно двигалась сквозь толпу.

«Наверное, я сделал что-то не так, — пробормотал Тристан. — Я очень легко пробрался в Уилла, и когда он смотрел на Айви, я тоже видел ее его глазами. И в какой-то момент он стал испытывать к ней то же, что и я. Но потом он вдруг вышвырнул меня прочь».

Лэйси остановилась перед витриной магазина одежды.

«Наверное, я вел себя слишком напористо, — продолжал Тристан. — Мне было нужно заставить Уилла поговорить с Айви вместо меня. Наверное, он почувствовал мое присутствие... Теперь он меня боится».

«А может быть, он просто боится ее», — рассеянно предположила Лэйси.

«Кого? Айви? С какой стати ему бояться ее?»

«Не ее, а своих чувств к ней».

«Моих чувств к ней!» — поспешно поправил ее Тристан.

Лэйси обернулась и долго смотрела на него, склонив голову. Тристана вдруг страшно заинтересовало выставленное в витрине уродливое черное платье, расшитое пайетками. Он не видел отражения Лэйси в стекле витрины, как не мог больше видеть своего лица. Перед ним было лишь золотое мерцание и нежные переливы цвета. Наверное, именно так видят ангелов верующие.

«Вот как? — медленно переспросила Лэйси. — Мне просто интересно, с чего ты взял, будто ты единственный парень на свете, который...»

Но Тристан не желал говорить об этом.

«Я пробрался в Уилла, и поскольку этот парень отличный передатчик, он сразу начал испытывать мои чувства и думать мои мысли. Ты же сама говорила, что так действуют все люди-передатчики!»

«А тебе никогда не приходило в голову задуматься над тем, почему у тебя так легко получается с Уиллом? Возможно, влюбленному ангелу, вроде тебя, нетрудно выйти на связь с Уиллом именно потому, что он и так испытывает твои чувства и думает твои мысли — по крайней мере, в отношении Айви?»

Это предположение имело смысл, но Тристан решительно отмел его.

«Вообще-то я и в мозги Бет пробирался», — напомнил он.

Стоило Лэйси впервые увидеть Бет, как она сразу определила в ней идеальный передатчик для приема и трансляции посланий из другого мира. Подобно тому, как Тристан

заставил Уилла рисовать ангелов, пытаясь утешить Айви, так и Лэйси побуждала Бет к автоматическому письму, однако из-под пера бедняжки выходила сплошная путанная заумь, в которой никто не мог разобраться.

«Но это было для тебя гораздо сложнее, — парировала Лэйси. — Ты что, забыл, как она тебя нокаутировала? И потом, Бет тоже любит Айви».

Она снова повернулась к витрине.

«Убойное платье, — резюмировала Лэйси и полетела дальше. — Совершенно не понимаю, что все находят в этой девчонке».

«Ты поступила очень благородно, когда спасла ту, на которую тебе наплевать», — сухо заметил Тристан.

Они прошли мимо фотостудии, где работал Уилл, и остановились перед кафе «Челентано», где тот же Уилл неделю назад рисовал ангелов на бумажной скатерти.

«Я ее не спасала, — честно заявила Лэйси. — Эрик просто играл, но мне не понравилась эта игра. Знаешь, в моей жизни было несколько настоящих отморозков, поэтому я тебе так скажу — от этого Эрика девушкам нужно держаться подальше».

Тристан кивнул. Ему предстояло столько всего узнать! После мысленного путешествия в свое прошлое он твердо знал, что кто-то перерезал тормоза на его машине, и смертельное столкновение с оленем не было случайностью. Но кто мог это сделать? И главное — зачем?

«Ты думаешь, это Эрик?» — спросил он.

«Что? Вывел из строя тормоза? — Лэйси накрутила лиловую прядку на длинный черный ноготь. — Видишь ли, между обычным уродом и убийцей есть довольно большая разница. И потом, чем ему могли помешать ты или Айви?»

Тристан поднял руки и бессильно уронил их вдоль тела.

«Не знаю».

«Чем вы могли кому-нибудь насолить? Этот кто-то хотел убить одного из вас. Если мишенью убийцы был ты, значит, Айви теперь в безопасности».

«Но если она в безопасности, зачем меня оставили здесь? В чем тогда заключается моя миссия?»

«Бесить меня своим нытьем, — с готовностью подсказала Лэйси. — Я почти уверена, что ты послан мне за грехи. Да брось, Нытик! Смотри веселей! Может быть, ты ошибся со своей миссией, только и всего».

Она проскользнула сквозь дверь пиццерии, а потом игриво подскочила и позвонила во все три колокольчика над притолокой. Двое парней в футболках и перепачканных травой шортах изумленно уставились на дверь.

Тристан знал, что Лэйси научилась материализовывать кончики пальцев, которыми и дергала за веревку колокольчиков. Она позвонила еще раз, и парни, не видевшие ни ее, ни Тристана, уставились друг на друга.

Тристан улыбнулся, а потом покачал головой.

«Ты распугаешь всех клиентов».

Лэйси взлетела на стойку рядом с Дэннисом Челентано. Он как раз раскатывал тесто, ловко переворачивая его в воздухе, но во время очередного подбрасывания послушная заготовка для пиццы почему-то не захотела возвращаться обратно на стол. Тестяной блин завис в воздухе, как мокрая салфетка. Некоторое время Дэнис, разинув рот, смотрел на такое чудо, а потом принялся наклоняться в разные стороны, пытаясь понять, за что зацепилось тесто.

Тристан понял, что тесто для пиццы может повторить судьбу пирожных, брошенных в лицо гостям вечеринки.

«Будь умницей, Лэйси».

Лэйси аккуратно опустила тесто обратно на стойку, оставив Дэнниса и посетителей изумленно хлопать глазами.

«Когда ты рядом, — с некоторым разочарованием заметила она, — я могу запросто заработать нужное количество золотых звезд и в два счета закончу свою миссию!»

Тристан очень в этом сомневался.

«Может, все будет еще быстрее, если ты поможешь мне с моей? — предположил он. — Кажется, ты говорила, что в прошлое можно путешествовать не только в собственном сознании, но и в чужой памяти? Значит, я могу увидеть свое прошлое в чужих воспоминаниях?»

«Нет, дорогуша, — покачала головой Лэйси. — Я говорила, что я могу это сделать».

«Научи меня!»

Она отрицательно помотала головой.

«Ну пожалуйста, Лэйси!»

«Ни за что!»

Они дошли до конца улицы и остановились перед старой церковью, обнесенной низкой каменной стеной. Лэйси легко вскочила на стену и пошла по ней.

«Это слишком опасно, понимаешь? И потом, я не уверена, что это тебе поможет. Допустим, тебе удастся пробраться в мозги Эрика, и что ты там увидишь? Да у этого парня все извилины давно окислились и перепутались! Короче, пользуясь словарем наркомана Эрика, это было бы «плохое путешествие» в прямом смысле слова».

«Научи меня! — взмолился Тристан. — Если я хочу выяснить, кто перерезал тормоза, мне придется вернуться в ту ночь в памяти каждого из тех, кто мог что-то знать или видеть. Я проверю всех — включая Айви».

«Айви! Да ты никогда не сможешь пробраться в ее мозги! Эта цыпочка намертво закрылась и от тебя, и от всех остальных».

Лэйси помолчала, дожидаясь, чтобы Тристан весь обратился в слух, затем медленно подняла одну ногу, как гимнастка, делающая упражнение на бревне. Даже после смерти она ничуть не утратила любви к сценическим эффектам.

«Я сама попыталась установить контакт с Айви на вечеринке, — продолжала Лэйси. — То еще удовольствие, скажу тебе. Просто не представляю, как ты мог ладить с этой девочкой при жизни!»

«Послушай, разве ты не можешь дать мне совет, не отпуская постоянные шуточки по поводу „этой девочки“?»

«Конечно могу, — легко согласилась Лэйси и снова пошла по стене. — Но это будет совсем не так весело».

«Тогда я снова попробую пойти на контакт с Филиппом, — пробормотал Тристан себе под нос. — И с Грегори...»

«А вот это — зря. Грегори — слишком крепкий орешек для твоих зубов. Ты вообще доверяешь этому парню? Впрочем, глупый вопрос, — фыркнула Лэйси, прежде чем Тристан успел ответить. — Ты ведь не доверяешь никому, кто положил глаз на твою душечку Айви».

Тристан быстро вскинул голову.

«Грегори встречается с Сюзанной!»

Лэйси весело расхохоталась.

«Какой ты наивный! Довольно необычное качество для качка-спортсмена, но вызывает жалость».

«Научи меня, — в третий раз попросил Тристан, хватая ее за руку. Ангелы — не люди, и руки их не проходят друг сквозь друга, поэтому он держал ее крепко. — Я боюсь за нее, Лэйси. По-настоящему боюсь».

Она долго смотрела на него сверху вниз.

«Помоги мне».

Лэйси посмотрела на свои длинные пальцы, зажатые в руке Тристана. Потом очень медленно вытащила руку, наклонилась и потрепала Тристана по макушке. Тристану было неприятно, что Лэйси опекает его, как маленького, и страшно не нравилось умолять ее о помощи, однако он понимал, что пройдет немало времени, прежде чем он сможет сам научиться всем этим ангельским фокусам.

«Ладно, ладно, не канючь. Но слушай внимательно, потому что я не буду повторять дважды». Тристан кивнул.

«Первым делом найди крючок. Это должно быть нечто такое, что твой объект видел или делал в ту ночь. Самый лучший крючок — это предмет или действие, имеющие непосредственное отношение к ночи аварии. Но все не так просто, как кажется. Тут очень легко ошибиться, а твоя задача состоит в том, чтобы интуитивно избежать всего, что объект может воспринять, как угрозу. Понимаешь? Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы у него в голове сработала тревожная сигнализация».

Лэйси осторожно перешла через развалившуюся часть стены.

«Это все равно как задать поиск по слову в библиотечном компьютере. Если сделаешь запрос по слишком общему термину, то получишь кучу ненужного мусора».

«Это очень просто!» — уверенно кивнул Тристан.

«У-тю-тю, — насмешливо присвистнула Лэйси, поднимая брови. — После того, как найдешь крючок, просто входи в этого человека, как ты это делал с Бет или Уиллом, только гораздо осторожнее. Если объект почувствует, что ты рыщешь у него внутри, и что-то покажется ему странным, он мгновенно насторожится. А в этом случае он ни за что не пустится в воспоминания».

«Они даже не почувствуют, что я пробрался им в сознание!»

«У-тю-тю, — снова хмыкнула Лэйси. — Будь очень терпелив. Крадись, прячься, выжидай время. — Она стала медленно красться по стене. — И медленно-медленно, осторожненько-осторожненько заставляй объект сосредоточиться на образе, который ты используешь в качестве крючка. При этом не забывай, что смотреть на этот образ ты должен глазами объекта, а не своими собственными».

«Конечно! — Все оказалось проще простого. Наверное, он и сам мог бы до этого додуматься! — А потом?»

Лэйси легко спрыгнула со стены.

«Потом — суп с котом».

«Суп?»

«Потом начинается самое веселье!»

«Расскажи мне обо всем подробно, чтобы я знал, чего ожидать! Каково это?»

«Наверное, ты и сам можешь до этого додуматься?»

Тристан резко остановился.

«Ты умеешь читать мысли?»

Лэйси повернулась и посмотрела ему прямо в глаза.

«Нет, но я отлично умею читать лица. А уж твоё лицо для меня и вовсе детская книжка с картинками».

Он отвернулся.

«Я тебе нужна, но ты не принимаешь меня всерьёз. Знакомая история. При жизни вокруг меня крутилась куча людей, вроде тебя. Как-никак, я была звездой».

Тристан не нашёлся, что ответить.

«Слушай, вообще-то у меня есть собственная миссия. Мне нужно смотаться в Нью-Йорк, вернуться к самому началу и выяснить, наконец, что я должна выяснить. Благодаря тебе я опоздала на поезд».

«Прости», — потупился Тристан.

«Проехали. Я понимаю, что ты ничего не можешь с собой поделывать. Да, вот ещё что. Если ты вдруг закончишь свою миссию до моего возвращения, можно я временно попользуюсь твоей могилкой? Ты же знаешь, у меня нет своей, ведь мой самолет валяется на дне Атлантики, а тебе могила все равно не понадобится, если ты...»

«Конечно, конечно!»

«Хотя, может, я закончу свою миссию первая!»

После двух лет ничегонеделанья? Тристан сильно в этом сомневался, однако не стал спорить.

«Знаешь, твоё лицо похоже на книжку для полуслепых, с огромными буквами. Моя мама читала такие».

Лэйси расхохоталась и помчалась в сторону станции, находившейся на краю города, между рекой и горами.

Тристан повернулся в другую сторону и побрёл по дороге, ведущей на вершину холма, где стоял особняк Бэйнсов. Может быть, ему удастся застать дома Филиппа? В отличие от Айви, её младший брат продолжал твердо верить в ангелов. Он видел мерцание Тристана, хотя не понимал, что это такое. Но самое удивительное, что Тристана видела также Элла — любимая кошка Айви.

Тристану однажды даже удалось материализовать кончики пальцев и погладить Эллу. Пока это был предел его возможностей: погладить кошку, поднять листок бумаги. Его убивало собственное бессилие. Юноше страшно хотелось прикоснуться к Айви, набраться сил, чтобы обнять её по-настоящему.

Ничего, сейчас он заберётся в дом, и будет ждать, когда Айви вернется с вечеринки. А заодно понаблюдает за Грегори. И постепенно выяснит, в чём же сознании хранится необходимый ему ключ к прошлому и как — пожалуйста, ну, пожалуйста, помогите ему сделать это! — можно достучаться до Айви.

Сюзанна отвела рукой свисающую ветку, давно нуждавшуюся в ножницах садовника, и грациозно растянулась на шезлонге. На ней был золотой шелковый халат и зеленое с золотом полотенце, намотанное на голову в виде тюрбана. Все в этой комнате — от большой круглой ванны до диванных подушек, роскошного ковра и тяжелых шелковых занавесок — было либо зеленым, либо золотым.

Когда Айви впервые переступила порог «зеленой» комнаты в доме Сюзанны, она разинула рот и вытаращила глаза. Ей было тогда семь лет. Королевская ванна, элегантная детская и обитые бархатом коробки, в которых обитало сразу двадцать семь кукол Барби, мгновенно убедили Айви в том, что она попала в покои настоящей принцессы. Держалась Сюзанна тоже по-королевски. Она оказалась замечательной принцессой, которая с радостью делилась своими игрушками и вела себя с очаровательной непосредственностью.

В тот день Айви и Сюзанна отстригли себе по несколько прядок волос, чтобы соорудить парички для кукол. Двадцати семи куклам, как вы понимаете, потребовалось немало волос. Айви была уверена, что после этого случая ее больше никогда не пригласят во дворец к принцессе, но вскоре миссис Голдстайн стала регулярно заезжать за ней и привозить в гости, поскольку Сюзанна со всей определенностью заявила, что хочет играть с Айви больше, чем иметь деньги на карманные расходы и собственного пони.

Сюзанна со вздохом поправила тюрбан и открыла глаза.

— Ты согрелась, Айви?

— Все замечательно, — кивнула Айви. Она завезла Сюзанну домой с вечеринки и тут же сменила мокрый купальник на футболку и шорты. Сюзанна одолжила ей розовый атласный халат, совершенно необходимый в доме, где кондиционеры работали на полную мощность.

Переодевшись, Айви снова почувствовала себя придворной дамой в покоях принцессы.

— Замечательно, — повторила Сюзанна и, приподняв длинную загорелую ногу, пошевелила пальмами. Вдруг она весьма неграциозно ударила пяткой по свисающей ветке и с хохотом уронила ногу на шезлонг. После того, как она приняла душ и вымыла из полос взбитые сливки с остатками пирожных, ее настроение заметно улучшилось.

— Он... замечательный. Скажи мне правду, Айви, — попросила Сюзанна. — Грегори часто думает обо мне?

— Откуда же я знаю, Сюзанна?

Подруга повернулась и посмотрела ей в лицо.

— Ну, хорошо... Он говорит обо мне?

— Говорит, — осторожно ответила Айви.

— Много?

— Видишь ли, он не может много говорить о тебе со мной. Грегори знает, что ты моя лучшая подруга, поэтому я передам тебе каждое его слово — и если не сделаю этого добровольно, ты вытянешь из меня нее под пытками, — усмехнулась Айви, подняв глаза на Сюзанну.

Сюзанна села и сбросила с головы полотенце. Спутанная грива блестящих черных волос рассыпалась по ее плечам.

— Грегори так любит флиртовать! — вздохнула она. — Он заигрывает со всеми — даже

с тобой.

Айви не стала обижаться на слово «даже».

— Ну, еще бы, — просто ответила она. — Он ведь знает, что тебя это бесит. И ему нравится играть с людьми.

Сюзанна опустила голову и улыбнулась Айви из-под растрепанных прядок мокрых волос.

— Ты же знаешь, — продолжала Айви, — что вы оба даете Бет тонны сюжетов для ее писаний. Я уверена, что она напишет пять книжек для издательства «Арлекин» прежде, чем мы окончим школу. На твоём месте я бы заранее обговорила бы с ней процент отчислений с гонораров!

— Хм-м-м, — загадочно улыбнулась Сюзанна. — А ведь я только начала!

Айви расхохоталась и встала.

— Ладно, мне пора идти.

— Ты уже уходишь? Постой! Мы еще не обсудили девчонок на вечеринке!

Вообще-то они еще по дороге разобрали по косточкам всех приглашенных девушек и продолжили это важное обсуждение дома, громко выкрикивая язвительные замечания, чтобы переорать грохот душа.

— И не поговорили о тебе, — продолжала Сюзанна.

— Ну, обо мне-то вообще нечего говорить, — сказала Айви. Она сняла халат и принялась складывать его.

— Не о чем? Как странно... Я слышала совсем другое, — промурлыкала Сюзанна.

— И что же ты слышала?

— Прежде всего, даю тебе честное слово, что когда я это услышала...

— Что услышала? — нетерпеливо перебила Айви.

— ...я им прямо сказала: я знаю эту девочку всю свою жизнь, поэтому мне как-то не очень верится.

— Да во что тебе не верится?

Сюзанна взяла щетку и принялась расчесывать полосы.

— Или я сказала — совершенно не верится? Не помню.

Айви села. Разговор обещал быть долгим.

— Сюзанна, о чем ты говоришь?

— По крайней мере, я сказала им, что меня очень удивила новость о том, что ты обжималась под водой с Эриком.

У Айви отвалилась челюсть.

— Обжималась? С Эриком? И ты сказала им — не очень верится? Да это просто невозможно! Сюзанна, как ты могла? Ты же знаешь, что я никогда бы такого не сделала!

— Видишь ли, подруга, когда речь заходит о тебе, я теперь ни в чем не уверена. Люди в горе порой способны на самые неожиданные поступки. Им одиноко. Они хотят поскорее забыть и пробуют разные способы... А чем вы с ним занимались?

— Играли.

— В поцелуйчики?

— В одну очень глупую игру, — вздохнула Айви.

— Что ж, я рада это слышать, — протянула Сюзанна. — Не думаю, что Эрик тебе подходит. Он слишком шустрый и в последнее время играет в опасные игрушки. Но это не отменяет того, что тебе непременно нужно снова с кем-то встречаться.

— Нет.

— Айви, жизнь продолжается.

— Жить и встречаться — это совсем не одно и то же, — устало заметила Айви.

— Для кого как, — парировала Сюзанна. — Для меня это синонимы.

Они расхохотались.

— А как насчет Уилла? — поинтересовалась Сюзанна.

— А что с ним такое?

— Ну, он, как и ты, новичок в Стоунхилле, и увлекается искусством — как и ты. Артистический тип. Грегори говорит, что он выставляет на фестиваль совершенно роскошные картины.

Айви сама слышала это от Грегори. Может быть, они с Сюзанной сговорились свести ее с Уиллом?

— Ты ведь больше не сердись на него за то, что он нарисовал тех ангелов? — спросила Сюзанна.

«Точнее, нарисовал Тристана в виде ангела, обнимающего меня», — сухо поправила про себя Айви.

— Нет, конечно, — вслух сказала она. — Я понимаю, что он хотел меня утешить.

— Так дай парню шанс, Айви. Я знаю, о чем ты думаешь. И точно знаю, что ты сейчас чувствуешь. Помнишь, как я страдала, когда умер Лучик? Я тогда сказала маме: «Никаких больше карликовых шпицев. У меня больше никогда не будет другой собаки!» И что получилось? Теперь у меня живет Мята, и я страшно счастлива...

— Я подумаю об этом, ладно?

Айви понимала, что Сюзанна желает ей добра, но разве гибель Тристана можно сравнить со смертью четырнадцатилетней собаки, полуслепой и оглохшей от старости? Айви страшно устала от людей, которые говорили ей чудовищные вещи из самых лучших побуждений.

Через пятнадцать минут она уже ехала домой, и ее старенький «додж» с трудом взбирался по длинной дороге к вершине пригорка.

Несколько месяцев тому назад Айви ни за что не поверила бы, что сумеет так быстро полюбить эту низкую каменную стену, островки деревьев и лужайки, пестревшие полевыми цветами — стену, рощи, лужайки и цветы, принадлежавшие ее отчиму Эндрю.

Огромный белый особняк на вершине холма, с двумя просторными флигелями, двойными трубами и тяжелыми черными ставнями стал для Айви родным домом. Высокие потолки больше не казались ей пугающими, просторный холл и центральная лестница перестали подавлять ее, хотя Айви по-прежнему предпочитала пользоваться черным ходом.

До ужина оставалось еще около часа, и Айви с удовольствием предвкушала, что проведет оставшееся время в своей музыкальной комнате. Прошло ровно четыре недели после смерти Тристана — похоже, никто, кроме нее, не заметил эту дату — и ровно четыре недели, как она не прикасалась к клавишам. Ее девятилетний братишка Филипп часто упрашивал ее поиграть, но стоило Айви сесть за инструмент, как на нее нападало оцепенение. Музыка, все время звучавшая внутри нее, словно застыла.

«Нужно снять этот блок», — думала Айви, въезжая в гараж позади дома.

Оставалось всего две недели до открытия Стоунхиллского фестиваля, и Сюзанна уже давно записала Айви в число участников. Если немедленно не начать практиковаться, им с Филиппом придется исполнить «Собачий вальс» в четыре руки!

Айви постояла перед гаражом, глядя на игравшего под деревом Филиппа. Братишка был настолько увлечен своей игрой, что даже не заметил ее.

Зато Элла заметила. Казалось, кошка с нетерпением поджидала свою хозяйку и теперь вопросительно смотрела на нее своими круглыми зелеными глазами. Она начала мурлыкать еще до того, как Айви почесала ее в любимом местечке за ушами, а потом побежала за хозяйкой.

Войдя, Айви поздоровалась с матерью и поваром Генри, сидевшими рядышком за столом в кухне. Генри сидел с видом мученика, а на лице у Мэгги, самые сложные кулинарные рецепты которой исчерпывались советами на банках с супом, была написана растерянность. Судя по всему, они были заняты составлением меню для готовящегося приема в честь благодетелей колледжа.

— Как прошла вечеринка, милая? — спросила мать у Айви.

— Хорошо.

Генри торопливо вычеркивал блюда из списка Мэгги.

— Цыпленок по-королевски, шоколадный торт со взбитыми сливками! — неодобрительно бурчал он.

— Увидимся за ужином, — сказала Айви. Мама и Генри даже не посмотрели в ее сторону, и она торопливо направилась к черной лестнице.

Западный флигель, где находились столовая, кухня и общая гостиная, был самой оживленной частью дома. Узкая галерея с портретами предков соединяла гостиную с крылом, в котором на первом этаже располагался кабинет Эндрю, а на втором — спальня Грегори.

Айви поднялась на галерею, взбежала по маленькой лесенке наверх и очутилась в коридоре, ведущем в главную часть дома, а оттуда в большой зал, в который выходили двери ее спальни и комнаты Филиппа.

Переступив порог своей комнаты, Айви сразу почувствовала нежный запах. Она изумленно ахнула.

На ее комод, рядом с фотографией Тристана, на которой он был изображен в своей любимой бейсболке и старом школьном пиджаке, стояла ваза с дюжиной нежно-лиловых роз.

Медленно, словно во сне, Айви подошла ближе. Глаза ее мгновенно наполнились слезами, как будто соленая горечь все это время стояла в них, ожидая лишь повода хлынуть наружу.

Тристан подарил Айви пятнадцать лиловых роз после того, как они однажды поссорились из-за ее веры в ангелов — по одной розе для каждой из ее статуэток. Айви пришла в восторг от необычного оттенка цветов, поэтому Тристан подарил ей целую охапку лиловых роз в тот вечер, когда они отправились вдвоем на романтический ужин и попали в аварию.

Возле вазы с розами лежала записка. Каракули Грегори всегда было непросто разобрать, тем более сквозь слезы. Айви вытерла глаза и предприняла вторую попытку.

«Я знаю, что это были самые тяжелые четыре недели в твоей жизни».

Айви подняла вазу и зарылась лицом в душистые лепестки.

После страшной ночи аварии Грегори всегда был рядом с ней. В то время как все остальные уговаривали Айви вспомнить события аварии и поговорить об этом — все они почему-то были уверены, что это поможет! — Грегори единственный не лез ей в душу и не

торопил, давая время найти собственный путь к исцелению. Наверное, собственная утрата сделала его таким понимающим.

Мать Грегори совсем недавно покончила жизнь самоубийством, и он до сих пор не мог оправиться от этого удара.

Записка упала на пол. Айви быстро нагнулась и поняла ее. Она упала снова. Когда Айви попыталась снова подобрать ее, записка слегка надорвалась в ее пальцах, как будто ее что-то удерживало. Айви нахмурилась и бережно разгладила листок бумаги, а потом положила обратно на комод, прижав за уголок тяжелой вазой.

Несмотря на недавние слезы, она испытывала непривычное умиротворение. Возможно, сегодня ей все-таки удастся разбудить застывшую в душе музыку?

— Пойдем, Элла. Мне нужно немножко поиграть.

Кошка послушно посеменила к двери, за которой скрывались крутые ступени, ведущие на третий этаж дома.

Музыкальная комната Айви, занимавшая мансарду с косым потолком и единственным слуховым окном, была подарком Эндрю, который полностью обустроил и обставил ее перед приездом падчерицы. Айви до сих пор не могла поверить в то, что у нее теперь есть собственный, идеально настроенный, кабинетный рояль с новенькими блестящими клавишами. Она продолжала восторгаться звуком новейшей стереосистемы и старомодным фонографом, на котором можно было проигрывать старые джазовые записи, принадлежавшие ее отцу.

В первое время Айви ужасно смущала лавина дорогих подарков, которыми Эндрю щедро осыпал ее и Филиппа. Ей тогда казалось, что это бесит Грегори. Но теперь все это казалось далеким прошлым. Порой Айви с трудом верилось в то, что когда-то она считала Грегори своим врагом, который ненавидит ее за вторжение в его семью, дом и школу.

Элла вбежала за ней в музыкальную комнату и вскочила на рояль.

— Ах ты хитрюга! — улыбнулась Айви. — Догадалась, что я буду играть?

Кошка вытаращила глаза и тихонько замурлыкала, глядя куда-то за спину своей хозяйке.

Айви взяла пачку нот и стала перебирать их, ища подходящую композицию. Все равно что, лишь бы разбудить пальцы. Для фестиваля, наверное, стоит выбрать что-нибудь из своих старых программ.

Просматривая ноты классических произведений, Айви случайно наткнулась на сборник песен из бродвейских мюзиклов. Кажется, здесь была какая-то старая медленная мелодия, одна из немногих, которые знал даже заядлый рокер Тристан.

Айви выбрала Листа и открыла ноты, дрожащими пальцами коснулась гладких клавиш и попробовала сыграть гамму. Это было замечательно. Ее пальцы с радостью приветствовали знакомое растяжение, ритмичное чередование высоких и низких нот успокаивало сердце. Айви подняла глаза на первые такты Листовских «Грез любви» и приказала себе играть. На этот раз руки ее сами пришли в движение, словно она никогда не прекращала музицировать. Целый месяц Айви из последних сил держала себя в руках, но теперь она впервые отпустила себя и отдалась кружившей вокруг нее музыке. Мелодия хотела захлестнуть ее, подхватить, закружить, унести с собой, и Айви покорно последовала за ней.

«Я люблю тебя, Айви Лайонс, и когда-нибудь ты в это поверишь!»

Она перестала играть. Ощущение близости Тристана было слишком реальным. Воспоминание было таким ярким — вот он, живой и любимый, стоит за ее спиной в лунном

свете и слушает, как она играет — что Айви не могла поверить в то, что Тристан ушел навсегда. Она уронила голову на клавиши.

— Тристан! Я не могу без тебя, Тристан!

Она рыдала так горько, как если бы только сейчас впервые узнала о его смерти. И еще она поняла, что эта боль никогда не утихнет. Никогда.

Элла подошла к Айви и потыкалась носом в ее макушку. Когда слезы иссякли, Айви протянула руку к кошке и вдруг услышала какой-то звук: три отчетливых ноты. Наверное, Элла случайно наступила на клавиши.

Айви сморгнула слезы, схватила кошку и прижала ее к груди.

— Что бы я делала без тебя, глупая Элла!

Она не выпускала кошку из рук до тех пор, пока не перестала всхлипывать. Тогда Айви бережно опустила Эллу на стул и встала, чтобы вытереть лицо.

Она была на середине комнаты, стоя спиной к роялю, когда снова услышала те же три ноты. На этот раз их точная последовательность была повторена дважды.

Айви повернулась к кошке, которая молча смотрела на нее круглыми глазами. И тогда Айви расхохоталась сквозь слезы.

— Глупышка, ты меня с ума сведешь! Или я совсем спятила, или ты начала учиться музыке!

С этими словами она бросилась по лестнице в свою спальню.

Айви хотелось задернуть занавески и лечь в постель, но она не могла позволить себе этого. Пусть ее боль никогда не утихнет, но она обязана продолжать жить, заставляя себя ходить, говорить, обращать внимание на окружающих ее людей. Она знала, что нужна Филиппу. Вот уже целых три недели братишка не просил ее поиграть с ним в четыре руки. Нужно разыскать его и пригласить сыграть.

Через дверь черного хода Айви видела, как Филипп увлеченно готовит какое-то колдовское зелье под двумя старыми кленами, на одном из которых находился его новый домик. Он уже сложил ветки в аккуратную кучку и водрузил сверху старую кастрюлю.

Интересно, как скоро Филипп надумает поджечь свой костер и устроить пожар на лужайке? И что за магические символы он начертил мелом на подъездной дорожке?

Айви с улыбкой наблюдала за братом, когда шесть нот вдруг снова отчетливо прозвучали у нее в голове. Теперь этот повторяющийся триоль показался ей смутно знакомым, кажется, он был из какой-то давно услышанной песенки. Внезапно слова сами всплыли в ее голове и зазвучали в такт музыке. «Когда ты идешь через бурю...»

Айви запела, медленно припоминая слова:

— «Когда ты идешь через бурю... держи голову высоко. — Она помолчала. — И не бойся тьмы». — Ну конечно, это была песня из мюзикла «Карусель»! Айви очень смутно помнила сюжет этого мюзикла, кажется, в финале умерший мужчина возвращается к своей любимой в образе ангела. Внезапно она вспомнила название песни.

— «Ты никогда не будешь одна», — проговорила Айви вслух.

И тут же зажала ладонью рот. Кажется, она сходит с ума. Сначала ей почудилось, будто Элла играет на рояле, теперь она вообразила зашифрованное послание в пригрезившемся музыкальном фрагменте! И все-таки некстати вспомнившаяся песенка каким-то загадочным образом утешила ее.

Тем временем Филипп распевал собственную песнь над горшком с зеленью. Айви вышла из дома и тихонько приблизилась к брату. Когда он обернулся и помахал ей рукой,

Айви сразу поняла, что Филипп уже сделал ее героиней своей новой игры. Что ж, придется ему подыграть.

— Благородный господин, вы не откажетесь помочь мне? — спросила девушка. — Я заблудилась в густом лесу и вот уже много дней плутаю без дороги. Дом мой остался далеко отсюда, и я давно ничего не ела.

— Присаживайся к огоньку, девочка, — проскрипел Филипп дрожащим старческим голосом.

Айви закусила губу, чтобы не прыснуть со смеху.

— Я накормлю тебя.

— Но скажите, вы ведь не злой колдун? — с наигранным испугом спросила Айви.

— Нет!

— Ох, какое счастье! — вздохнула Айви, усаживаясь возле «костра» и грея руки над воображаемым пламенем.

Филипп поставил перед ней горшок с травой и листьями.

— Я волшебник.

— Ой-ой! — взвизгнула Айви, вскакивая с травы.

Филипп расхохотался, но тут же опомнился и снова напустил на себя важный вид.

— Я добрый волшебник!

— Все вы так говорите!

— Я всегда добрый, только иногда бываю злой.

— Понятно, — покивала Айви. — Но как тебя зовут, добрый волшебник?

— Эндрю.

В первый момент Айви растерялась, но решила сделать вид, будто не видит ничего особенного в этом имени.

— Это твой дом, добрый волшебник Эндрю? — спросила она, указывая на домик на клене.

Филипп важно кивнул.

Большой Эндрю, добрый волшебник, творивший чудеса при помощи кредитных карточек, нанял плотников, чтобы перестроить старый домик, в котором в детстве играл Грегори. Новый домик стал вдвое больше и приобрел узкие деревянные мостки, ведущие на соседний клен, где тоже был устроен настил с перилами. На обоих деревьях были пристроены верхние площадки. С первого клена свисала веревочная лестница, а на ветке второго был привязан толстый канат с узлом на конце. Это было все, о чем только может мечтать маленький мальчик и даже люди постарше — Грегори и Айви убедились в этом, тайком забравшись во владения Филиппа, когда хозяина не было дома.

— Хочешь подняться в мое тайное жилище? — спросил Филипп. — Там ты будешь в безопасности, и дикие звери не растерзают тебя, бедная девочка!

С этими словами волшебник начал ловко карабкаться по веревочной лестнице, и Айви последовала за ним, наслаждаясь физической нагрузкой, трению твердой веревки о ладони и тем, как ветер и вес двух тел раскачивает лестницу. Они взобрались на два уровня выше главного помоста и остановились, переводя дыхание.

— Как здесь прекрасно, Волш!

— И безопасно, — ответил Филипп. — Только серебряные змеи могут забраться сюда.

В пятидесяти ярдах от них тянулась низкая стена, обозначающая конец владений Бэйнса. Дальше земля обрывалась, и начинался крутой склон, усеянный острыми скалами,

колючими кустами и хилыми скрюченными деревьями, которые сгибались в разные стороны, в отчаянной попытке покрепче уцепиться за каменистую почву. Далеко внизу виднелась маленькая железнодорожная станция Стоунхилла, и даже из домика на дереве были слышны свистки поездов, пронесившихся между мостом и горами.

Еще дальше на севере виднелась извилистая полоска синевы, похожая на ленту, отрезанную от небосклона и небрежно брошенную между деревьями, а рядом с ней ползли поезда, ярко сверкая на солнце.

— Что это такое, Волшебник Эндрю? — спросила Айви, указывая рукой.

— Это страшная серебряная змея, — не задумываясь, ответил Филипп.

— Она кусается?

— Только если встать у нее на пути. Тогда она разинет огромную пасть, проглотит тебя и выплюнет в реку.

— Ой!

— Иногда по ночам она забирается на гору, — абсолютно серьезно добавил Филипп.

— Неправда, это невозможно!

— Забирается! — твердо повторил Филипп. — Поэтому нужно вести себя очень осторожно. Нельзя сердить змею.

— Ладно, я буду молчать.

Филипп одобрительно кивнул и предупредил:

— Ни в коем случае не подавай виду, что ты ее боишься! Лучше затаи дыхание и замри.

— Затаить дыхание? — Айви пристально посмотрела на младшего братишку.

— Она сразу заметит, если ты шелохнешься! Серебряная змея следит за тобой даже тогда, когда ты этого не замечаешь. Днем и ночью она не сводит с тебя глаз.

Откуда он все это взял?

— И она может почуять, если ты ее боишься!

Что с ним творится? Что это — просто игра или ее брат чем-то по-настоящему напуган?

У Филиппа всегда было богатое воображение, но сегодня Айви показалось, что его фантазии стали гораздо мрачнее и угрюмее. Скорее бы Сэмми, школьный приятель Филиппа, вернулся из летнего лагеря! У Филиппа теперь было все, о чем только может мечтать мальчик его возраста, но он продолжал оставаться одиноким. Айви тревожило, что ее брат слишком замыкается в своем внутреннем мире.

— Змея никогда до меня не доберется, Филипп, — твердо, почти строго, сказала она. — Я ее не боюсь. Я ничего не боюсь, — добавила Айви, — потому что в нашем доме мы в полной безопасности. Правда?

— Правда, маленькая девочка. Оставайся здесь, — ответил Филипп. — Но никого не выпускай внутрь! Сейчас я схожу в свой второй дом и принесу тебе волшебные одежды. Они сделают тебя невидимой.

Айви улыбнулась. Значит, ей предстоит притвориться невидимкой? Она взяла старенькую метлу и принялась подметать пол.

Внезапно она услышала громкий крик Филиппа. Резко обернувшись, Айви увидела, что он пошатнулся на краю узкого мостка, в шестнадцати футах над землей. Бросив метлу, Айви помчалась к брату, но уже на бегу поняла, что не успеет.

И вдруг Филипп резко выровнялся. Все произошло так стремительно, что Айви не успела глазом моргнуть. Он упал на четвереньки и обернулся через плечо. Лицо его озарилось таким счастьем, что Айви невольно замерла. Она уже не в первый раз заставляла

это странное выражение на лице младшего брата: он весь светился от изумления и радости, приоткрыв рот в смущенной улыбке.

— Что случилось? — спросила Айви, медленно подходя к брату. — Ты оступился?

Филипп покачал головой и поднял незакрепленный конец доски.

Айви наклонилась и внимательно осмотрела ее. Мостик был построен в виде миниатюрной прогулочной дорожки: от дерева к дереву были брошены два длинных, крепко закрепленных бруска, на которые набили ровный ряд коротких дощечек. Эти дощечки с каждой стороны на несколько дюймов выступали за брусы. Но доска, на которую показывал Филипп, была прибита только с одного конца, причем так небрежно, что Айви могла с легкостью вытянуть гвоздь пальцами. С другой же стороны виднелась аккуратная дырочка — и никакого гвоздя.

— Когда я туда наступил, — сказал Филипп, указы мая рукой на доску, — второй конец поднялся.

— Как качели, — пробормотала Айви. — Какое счастье, что ты удержался на ногах!

— Счастье, что мой ангел был рядом, — серьезно ответил Филипп.

Айви с шумом втянула в себя воздух.

— Потому что иногда его не бывает, — продолжал братишка. — Но когда ты где-то рядом, он всегда со мной.

Айви закрыла глаза и замотала головой.

— А теперь он ушел, — сказал Филипп.

«И правильно сделал!» — хотелось крикнуть Айви.

— Филипп, мы с тобой уже говорили об этом, правда? Ангелов не существует. Это всего лишь кучка статуэток...

— Твоих статуэток, — перебил Филипп. — Я о них забочусь!

— Я же сказала тебе! — выдавила Айви. Ее горло перехватило судорогой, голова начала пульсировать болью. — Я же сказала тебе, когда ты попросил у меня статуэтки, что ты никогда не должен заговаривать со мной об ангелах! Разве мы не договаривались?

Филипп понурился и кивнул.

— Ты обещал?

Он снова кивнул.

Айви вздохнула и оторвала доску.

— Немедленно иди сюда. Я проверю каждую доску, а ты пойдешь за мной.

— Но Айви! — умоляюще крикнул Филипп. — Я же видел своего ангела! Я видел, как он ухватился за доску с другого конца и поставил ее на место, чтобы я не упал! Я видел!

Айви стремительно обернулась.

— Да что ты говоришь? Постой, дай-ка я угадаю! У твоего ангела были крылышки и длинная ночнушка, а над головой у него горел свет.

— А вот и нет! Он сам был свет, вот как! Он просто сиял. Я думаю, у него есть какая-то фигура, но я никак не могу ее разглядеть. И еще я не могу увидеть его лицо, — грустно добавил Филипп. Его собственное милое детское лицо было необычайно серьезно.

— Прекрати! — прошипела Айви. — Прекрати, слышишь? Я не желаю больше слышать об этом! Оставь эти сказки для Сэмми, когда он приедет из лагеря!

— Хорошо, — ответил Филипп, крепко поджав губы. Не говоря ни слова, он молча прошел мимо Айви.

Она стала проверять доски мостков и вскоре услышала, как Филипп подметает свой

домик за ее спиной. Внезапно звуки метлы стихли. Айви обернулась через плечо.

Лицо Филиппа снова озарилось счастьем. Он продолжал крепко сжимать в руках метлу, но приподнялся на цыпочки, словно хотел до кого-то дотянуться.

— Спасибо тебе! — беззвучно шепнул он.

Весь вечер Айви беспокойно прослониалась из комнаты в комнату, не в силах ничем себя занять. Она не хотела ни гулять, ни звонить подругам, но и дома ей делать было совершенно нечего. Каждый раз, когда в столовой били часы, мысли ее снова и снова возвращались к ночи, когда погиб Тристан.

Наконец Мэгги и Эндрю отправились спать, и Айви решила подняться в свою комнату и немного почитать. Она жалела, что Грегори не было дома. В последние недели они просмотрели бездну ночных телепрограмм, сидя рядышком на кровати, жуя печенье и смеясь над тупыми шутками ведущих. Интересно, где он сейчас? Наверное, остался помочь Эрику убраться после ухода гостей. Или куда-нибудь поехал с Сюзанной. Можно позвонить Сюзанне и сказать... В последний момент Айви опомнилась и отложила телефон. О чем она только думает? Звонить Сюзанне в разгар свидания?

«Я стала слишком сильно зависеть от Грегори», — впервые подумала Айви.

Она снова медленно спустилась по лестнице и взяла фонарик из кухонного буфета. Может быть, после прогулки ей захочется спать, может, это поможет ей избавиться от мучительного беспокойства? Открыв дверь черного хода, Айви увидела машину Грегори, припаркованную перед гаражом. Значит, он вернулся домой на машине и снова куда-то уехал? Как же она его не заметила? Айви снова захотелось, чтобы Грегори был рядом.

Подъездная аллея, плавной спиралью спускавшаяся по склону горы, была длиной в три четверти мили. Айви прошла ее до конца. После крутого подъема обратно к дому ее тело, наконец, почувствовало усталость, но сознание по-прежнему оставалось возбужденным и беспокойным, как колышущиеся на ветру деревья. Ее терзало неприятное ощущение, будто она непременно должна что-то вспомнить, и не сможет уснуть до тех пор, пока не сделает этого — но она не имела ни малейшего представления о том, что забыла.

Когда Айви вернулась домой, ветер усилился, и в воздухе запахло дождем. На западе полыхнула молния, на миг осветив тучи, похожие на громоздившиеся над склоном горы. Айви обрадовалась непогоде. Возможно, гроза, ливень и молнии помогут ей вытащить на свет то, что было заперто в ее памяти.

В половине второго она легла. Гроза обошла их берег реки стороной, но на западе все небо полыхало молниями. Может, ливень и ветер придут оттуда.

В два часа Айви все еще не спала. Она слышала долгий свисток ночного поезда, который переезжал через мост, мчась к маленькой станции под домом.

«Забери меня с собой, — еле слышно прошептала Айви. — Забери меня с собой».

Ее мысли поплыли следом за одиноким свистком электровоза, и вот уже Айви почувствовала, как ее уносит куда-то, слегка покачивая в такт раскатам грома в далеких горах.

Внезапно грохот стал громче, еще громче — и ближе. Молния разорвала небо. Поднялся ветер, и деревья стали медленно раскачиваться из стороны в сторону, хлеща себя мокрыми ветками. Айви напряженно смотрела сквозь стену дождя. Она почти ничего не видела, но почему-то знала — что-то не так. Она распахнула дверь.

— Кто это? — крикнула Айви. — Кто здесь?

Она была уже снаружи и, сражаясь с ветром, бежала к окну. Кругом полыхали молнии. В черном прямоугольнике окна мелькали тени и отражения. Айви не могла разглядеть

фигуру, стоявшую с другой стороны стекла, но знала, что там кто-то есть — и что это кто-то знакомый.

— Кто это? — снова крикнула она, подходя все ближе к окну.

Внезапно Айви поняла, что уже делала это раньше — где-то, когда-то, возможно, во сне. Или наяву? Ее охватило безумное чувство опасности.

Она попала в сон, в свой старый кошмар, из которого никак не могла выбраться. Но она хотела бежать! Прочь, прочь!

Айви знала, что этот сон закончится чем-то ужасным. Она не помнила, чем, но знала, что впереди ее ждет кошмар.

И тут она услышала громкий гул. Айви резко обернулась. Звук становился все ближе, и вскоре прорвался сквозь рев непогоды. Мимо нее пролетел красный «Харлей Дэвидсон».

— Остановитесь! Остановитесь, пожалуйста! — кричала Айви. — Мне нужна помощь. Я боюсь, мне нужно выбраться из этого сна!

На миг мотоциклист сбавил скорость, а потом снова нажал на газ и умчался прочь.

Айви повернулась к окну. Фигура все еще была там. Что она там делает? Неужели манит ее рукой к себе? Но кто это — или что? Айви прижалась лицом к стеклу. Внезапно стекло взорвалось. Айви пронзительно закричала, когда окровавленный олень, рассыпая осколки, выскочил из окна наружу.

— Айви! Проснись, проснись, Айви! Айви!

Грегори тряс ее за плечи.

— Айви, это всего лишь сон! Проснись! — твердо сказал он.

Грегори был полностью одет. Филипп выглядывал из-за его плеча — маленький призрак в светлой байковой пижамке.

Айви затравленно перевела глаза с одного на другого, потом обессилено обмякла в руках Грегори. Он крепко обнял ее.

— Снова приснился олень? — спросил Филипп. — Олень, который впрыгивает в окно?

Айви кивнула и несколько раз судорожно сглотнула. Как хорошо снова очутиться в сильных и надежных руках Грегори!

— Прости, что разбудила тебя, Филипп. Я не хотела.

— Все нормально, — сказал он, как взрослый.

Айви усилием воли попробовала остановить дрожь в руках. Грегори вернулся, он теперь дома, ей больше нечего бояться...

— Мне ужасно жаль, что это все никак не закончится, Филипп. Я не хотела тебя напугать.

— Я не испугался, — ответил он.

Айви пристально посмотрела в лицо брата и с удивлением поняла, что он, в самом деле, несколько не напуган.

— В моей комнате были ангелы, — сказал братишка.

— В таком случае, почему бы тебе не вернуться к своим гостям? — резко спросил Грегори. Айви почувствовала, как напряглись мышцы его рук. — Почему бы тебе...

— Все нормально, Грегори. Оставь его в покое, — с мягким упреком сказала Айви. — Он справляется, как может.

— Но он расстраивает тебя! — сердито бросил Грегори. — Неужели ты не понимаешь, Филипп? Я ведь миллион раз пытался тебе объяснить, что...

Он резко замолчал, и Айви поняла, что Грегори увидел то же, что и она — упрямый

блеск в глазах Филиппа, и его твердо сжатые губы. На какой-то миг маленький мальчик показался ей сильнее их обоих. Его было невозможно переубедить в том, во что он верил. Айви невольно позавидовала упрямой наивности брата.

Грегори вздохнул и покачал головой.

— Ладно, я позабочусь об Айви. Возвращайся в кровать. Ты не забыл, что завтра у нас большой день? Неужели ты хочешь клевать носом на игре «Янки»?

Филипп вопросительно поднял глаза на Айви, и та кивнула ему.

Тогда он пристально посмотрел куда-то сквозь нее и Грегори, и Айви почему-то невольно обернулась. Разумеется, позади нее ничего не было.

— С тобой все будет в порядке, — уверенно сказал Филипп и отправился досыпать.

Айви снова откинулась на плечо Грегори. Он обнял ее. Его руки были сильными и надежными. Он ласково погладил Айви по волосам, а потом поднял ее лицо за подбородок и заглянул в глаза.

— Как ты?

— Кажется, в порядке.

— Никак не можешь избавиться от этого сна?

Айви видела, что он всерьез озабочен. Она чувствовала, как он пристально смотрит ей в лицо, пытаясь понять, что она чувствует.

— Это был все тот же сон, но только немного по-другому, — сказала Айви. — То есть, к нему добавились новые детали.

Грегори нахмурился.

— Какие детали?

— Гроза. Мне снова приснилось окно и странные тени за стеклом, но сегодня я поняла, что в стекле отражалась гроза. Деревья раскачивались, сверкали молнии... А еще там был мотоцикл, — добавила Айви.

Мотоцикл. Айви пока не могла понять, почему этот мотоцикл внушал ей такой ужас, ведь связанный с ним эпизод ее сна был абсолютно простым и незначительным. Мотоциклист не сделал ей ничего плохого. Он просто не захотел остановиться и помочь.

— Мимо меня промчался красный мотоцикл, — продолжала она. — Я окликнула мотоциклиста, хотела попросить о помощи. Он было сбавил скорость, но потом уехал.

Грегори прижал ее лицо к своей груди и погладил по щеке.

— Думаю, я могу объяснить эту часть. Эрик только что подвез меня домой. У него как раз красный «харлей», ты много раз видела его раньше. Должно быть, ты слышала шум мотора, и этот звук каким-то образом вплеся в твой сон. Так бывает.

Но Айви решительно покачала головой.

— Мне кажется, все не так просто, Грегори, — тихо возразила она.

Рука Грегори замерла. Он перестал поглаживать ее щеку и затих, ожидая, что она скажет дальше.

— Помнишь, какая была гроза в ту ночь, когда твоя мама застре... погибла?

— Когда моя мать застрелилась? — уточнил Грегори, четко выговаривая каждое слово. — Да.

— Я в ту ночь была рядом с ее домом, доставляла заказ из магазина.

— Да, я знаю.

— Мне кажется, что этот вечер каким-то образом попал в мой сон. Но ведь я совершенно о нем забыла! Я думала, что мне продолжает сниться кошмар про Тристана и

аварию: когда олень врезался в ветровое стекло, в окно машины. Но теперь я понимаю, что это не так.

Она помолчала.

— Почему-то у меня в сознании связались эти два события. В ту ночь, когда умерла твоя мать, я никак не могла найти нужный дом. Собиралась гроза. Когда я подошла прочесть название улицы, мимо меня промчался красный мотоцикл. Я замахала ему рукой, и он меня заметил, и даже на миг притормозил, но потом снова прибавил газ и умчался.

Она почувствовала на своем лбу учащенное, прерывистое дыхание Грегори. Он так сильно прижал ее к себе, что Айви слышала грохот его сердца.

— Потом мне показалось, что я нашла нужный дом, вернее, домов оказалось два. В одном из них было огромное окно, и кто-то стоял за ним в комнате, но я не могла хорошо рассмотреть его. Я подумала, что это заказчик, который ждет доставку и высматривает курьера. Но тут дверь соседнего дома раскрылась — и оказалось, что мне нужно было именно туда.

Айви с удивлением чувствовала, как давно забытые детали того грозового вечера медленно оживают в ее памяти.

— Неужели ты не понимаешь, Грегори? Это же то самое окно, к которому я подходила во сне и пыталась заглянуть внутрь! Но зачем я это делала? Какой в этом смысл?

— Ты не знаешь, это не Эрика ты видела той ночью? — вдруг спросил Грегори.

Айви пожала плечами.

— Не знаю... Я помню только красный мотоцикл и красный шлем на мотоциклисте. Но ведь и то, и другое совсем не редкость в нашем районе! И потом, если это был Эрик, то почему же он не остановился?

Грегори ничего не ответил.

— Хотя, мог и не остановиться... — задумчиво продолжала Айви. — То есть, я знаю, что он твой друг, но меня он терпеть не может, — быстро добавила она.

— Насколько мне известно, — очень медленно произнес Грегори, — Эрик по-настоящему любил только одного человека... Он сложный человек, Айви. Эрик запросто может превратить жизнь близких людей в настоящий ад.

Айви с удивлением посмотрела на Грегори. Оказывается, он видел Эрика гораздо более трезво, чем она думала. И все-таки продолжал оставаться ему верным другом — таким же, каким стал теперь для нее.

Она снова расслабилась на груди Грегори. Ее стало клонить в сон, но Айви не хотелось покидать теплое кольцо рук Грегори.

— Как странно, — прошептала она. — Почему смерть твоей мамы и Тристана связались у меня друг с другом в одном сне?

— Ничего странного, — ответил Грегори. — Мы с тобой оба перенесли страшное горе, и продолжаем жить с этим, помогая и поддерживая друг друга. Мне кажется совершенно естественным, что ты связала эти события вместе. — Он снова приподнял ее лицо и пристально посмотрел в глаза. — Разве нет?

— Наверное, — ответила Айви.

— Ты ведь страшно тоскуешь по нему, да? И продолжаешь вспоминать...

Айви уронила голову и улыбнулась ему сквозь слезы.

— Мне нужно почаще вспоминать о том, какое счастье иметь такого друга, как ты. Друга, который все понимает.

«Да это лучше любого голливудского фильма этого лета!» — хихикнула Лэйси.

«Кто тебя сюда звал?» — огрызнулся Тристан.

Он сидел на краю постели Айви и смотрел, как она спит. Он не знал, сколько просидел так. Наконец-то Грегори ушел и оставил ее с ним. Наконец-то Айви спокойно уснула.

После ухода Грегори Тристан изо всех сил старался оставаться в сознании, чтобы хорошенько обдумать услышанное. Бессонная тьма уже не затягивала его так часто, как раньше. Она не наступала так быстро, как в первые дни его посмертного бытия, но Тристан знал, что не сможет слишком долго продержаться без отдыха. Он страшно устал, но не мог заставить себя отказаться от этих мгновений рядом со спящей Айви. Поэтому он нарушил все инструкции Лэйси.

«Меня прислал Филипп», — ответила Лэйси.

«Филипп? Не понимаю».

«Сегодня на Манхэттене я увидела чудесную статуэтку ангела-хранителя — бейсболиста с крыльшками. Представляешь? — Лэйси помахала руками, изображая крылья. — Я не могла пройти мимо этой безделушки и решила подарить ее Филиппу».

«То есть украла статуэтку?» — спросил Тристан.

«А что мне еще оставалось делать, умник? — огрызнулась Лэйси. — Как, по-твоему, я могла за нее заплатить? Короче, я принесла статуэтку в спальню малыша. Он сразу увидел мое сияние и указал рукой сюда. По-моему, он чувствует, что его сестре сейчас не обойтись без ангельской помощи».

«Ты давно здесь?» — спросил Тристан. Он не заметил, как Лэйси очутилась в комнате.

«С того самого мгновения, когда Грегори погладил Айви по волосам и поднял ее лицо за подбородок», — отрапортовала Лэйси.

«Ты это видела?»

«Этот парень — ходячий голливудский штамп, — усмехнулась Лэйси. — Он смотрел все нужные фильмы!»

Слова Лэйси одновременно обрадовали и встревожили Тристана. С одной стороны, ему хотелось верить в то, что Грегори всего лишь разыгрывает романтического героя перед Айви. Ему была невыносима мысль о том, что между ними может возникнуть что-то серьезное. С другой стороны, Тристан опасался, что у Грегори может быть какая-то недобрая причина для этой игры.

«Значит, ты все слышала. Ты была здесь с начала и до конца».

«Ага! — Лэйси вспорхнула на изголовье кровати. Ее карие глаза блестели, как две шоколадные пуговицы, а торчащие во все стороны лиловые волосы казались серебристыми и прозрачными в лунном свете. Она уселась прямо над головой Айви.

«Я не хотела тебе мешать. Ты так глубоко задумался, — серьезно сказала она. — Мне показалось, ты хочешь побыть с ней наедине».

«С каких это пор ты стала такая тактичная? — спросил Тристан, подозрительно глядя на Лэйси. — Да, кстати, ты уже закончила свою миссию? Готова улететь?»

«Закончила? — поперхнулась Лэйси. — Ну... я... нет! — буркнула она, отворачиваясь. — Боюсь, я еще не готова перейти на новый уровень».

«Понимаю, — ответил Тристан. — Как все прошло в Нью-Йорке?»

«Знаешь... не думаю, что стоит рассказывать тебе об этом. Новость все равно появится в утренних газетах!»

«Значит, опять потеряла несколько очков?» — понимающе спросил Тристан.

«Даю тебе фору! — усмехнулась Лэйси. — Воспользуйся, если сможешь!»

Тристан улыбнулся.

«Ты смеешься? Ну, за это мне точно дадут призовые очки! — воскликнула Лэйси, но не успела она дотронуться до губ Тристана кончиком своего длинного ногтя, как улыбка сбежала с его лица. — Ты чем-то очень встревожен».

«Ты же слышала про сон, — ответил он. — Все совершенно ясно. Существует какая-то загадочная связь между смертью Каролины и моей аварией».

«Слушай, расскажи мне про эту Каролину! Как она умерла?» — спросила Лэйси.

«Застрелилась. Выстрел в голову».

«И все уверены, что это самоубийство?»

«Ну да, — осторожно ответил Тристан. — Пистолет нашли у нее в руке, и полиция обнаружила на нем только ее отпечатки пальцев. Она не оставила предсмертной записки, но разорвала фотографии отца Грегори и матери Айви».

Лэйси прыгнула с изголовья кровати и принялась возбужденно кружить по комнате.

«Возможно, кто-то подстроил все так, чтобы это выглядело самоубийством, — очень медленно произнес Тристан. — В тот вечер Айви была в районе, где жила Каролина! Она могла что-то видеть. Лэйси, я все понял! Что если она увидела то, чего не должна была видеть, но...»

«Слушай, я тебе не рассказывала, что снималась в сериале „Перри Мейсон“?» — перебила его Лэйси.

«...но даже не догадывается об этом?» — воскликнул Тристан.

«Ты же знаешь, что Раймонд Берр — наш знаменитый Перри! — уже умер?» — продолжила Лэйси.

«Нужно проверить адрес матери Грегори, — возбужденно воскликнул Тристан. — И адрес, по которому Айви доставляла заказ в ту ночь!»

«Я сама читала некролог! — пояснила Лэйси. — И я сразу же стала искать Раймонда среди ангелов».

«Выслушай меня, Лэйси!»

«Я была уверена, что его непременно должны послать на землю с какой-нибудь миссией!»

«Лэйси, прошу тебя!» — взмолился Тристан.

«Я думала, мы с ним сможем что-нибудь порасследовать вместе».

«ЛЭЙСИ!» — заорал он.

«Понимаешь, Раймонд был бы потрясающим ангелом!»

Тристан в отчаянии уронил голову на руки. Ему нужно было время, чтобы все хорошенько обдумать и решить, как защитить Айви.

«Наверное, он прямиком вознесся на небо», — вздохнула Лэйси.

«Наверное», — пробормотал Тристан. Он почувствовал, как его сознание начинает заволакиваться туманом. Кажется, ему все-таки придется отдохнуть перед тем, как браться за расследование.

«Просто не могу тебе передать, каким это было для меня разочарованием!»

«Только что передала», — устало заметил Тристан.

«Раймонд сказал, что никогда не забудет эпизод, в котором мы с ним сыграли вместе!» — похвасталась Лэйси.

Тристан подумал, что у бедняги Раймонда могло быть немало причин сказать такое.

«Он всегда восхищался моим талантом!»

Айви была в опасности, Тристан никак не мог придумать, как предостеречь ее и, самое главное, от кого, а Лэйси продолжала беспечно щебетать о каком-то умершем актере!

«К чему я все это говорю? — спросила Лэйси. К тому, что я, наверное, смогу помочь тебе в расследовании!»

Тристан сердито уставился на нее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Только на том основании, что ты когда-то сыграла эпизодическую роль в одной серии с другим актером, который изображал из себя адвоката, скатившегося до расследования идиотских телевизионных преступлений?» — язвительно заметил он.

«Если ты собираешься разговаривать в таком тоне, то не жди моей помощи!»

Лэйси решительно прошла к двери, но на пороге выдержала театральную паузу и обернулась через плечо.

Тристан хотел, чтобы она поскорее убралась прочь. Комната Айви была залита нежным светом утра, за окном просыпались первые птицы, окликая друг друга с деревьев. Он хотел продлить эти последние мгновения наедине с Айви.

Тристан повернулся к ней, не в силах побороть желание коснуться спящей.

«На твоём месте я бы этого не делала», — заметила Лэйси.

«Ты понятия не имеешь о том, что я собираюсь сделать», — прошептал Тристан.

«Скажите пожалуйста, какая загадка! — усмехнулась Лэйси за его спиной. — Ты слишком устал».

«Оставь меня в покое, Лэйси».

«Я просто хочу тебя предупредить».

«Оставь меня в покое!»

Лэйси исчезла.

В то же мгновение Тристан протянул руку. Айви спокойно спала под его бесплотной ладонью. Ему мучительно хотелось дотронуться до нее, еще раз почувствовать тепло и нежность ее кожи.

Собрав все свои силы, Тристан сосредоточился на кончиках пальцев. Он понимал, что слишком устал, но все равно продолжал упрямо собирать последние остатки энергии. Прошло немало времени, прежде чем кончики его пальцев перестали мерцать и стали непрозрачными.

Медленно, бережно, нежно, Тристан коснулся щеки Айви, чувствуя шелковистое чудо ее кожи. Он провел пальцами по ее губам.

Если бы он только мог поцеловать эти губы! Если бы только смог обнять Айви, прижать к себе...

Внезапно он перестал чувствовать ее.

Тристан снова протянул руку, но не ощутил прикосновения.

«Нет!» — беззвучно прокричал он. Это было все равно, что снова умереть. Боль расставания с Айви была настолько страшна, настолько невыносима, что когда вновь подступила знакомая тьма, Тристан с радостью бросился в нее.

«Ну здорово, соня!» — воскликнула девушка, сидевшая на скамейке в торговом комплексе.

Тристан так глубоко задумался, что даже вздрогнул от неожиданности. Он вынырнул из тьмы всего четверть часа тому назад и тут же бросился к Айви, которая в этот день работала в своем магазинчике. Последние несколько минут юноша мучительно пытался разобраться во сне Айви и сопоставить фрагменты ее грез с действительностью, но он еще не вполне отошел от своего сна, поэтому мысли у него пугались.

«Знаешь, какой сегодня день?» — рассмеялась Лэйси.

«Знаю. Понедельник».

«Бр-р-р-рт!» — противным голосом выкрикнула Лэйси, изображая зуммер из телевикторины, объявляющий об ошибке игрока, а затем похлопала ладошкой по местечку рядом с собой.

Тристан послушно сел.

«Сегодня понедельник, — упрямо повторил он. — Когда я входил в комплекс, то прочитал газету, как ты меня учила».

«Попробуй в следующий раз читать последний выпуск, — посоветовала Лэйси. — Сегодня вторник, почти час дня. Айви скоро уйдет на обед».

Тристан посмотрел через зал на магазинчик. Айви была занята с двумя покупателями — лысый мужчина примерял головной убор Супермена, а румяная старушка с заячьими ушами на макушке вертела в руке розовую корзиночку.

Тристан знал, что лавочка «У вас праздник» торговала карнавальными костюмами и аксессуарами к праздникам — чаще всего, уже прошедшим. Но недавняя тьма, сразу два покупателя в странных костюмах и очень тучная дама с рогаликом и стаканчиком кофе в руках, плюхнувшаяся прямо ему на колени, совершенно сбили Тристана с толку.

Лэйси дружески похлопала его по руке.

«Я же говорила, что ты очень устал. Я тебя предупреждала!»

«Подвинься», — попросил Тристан. Он не чувствовал тяжести толстухи, но ему было неприятно сидеть прямо в центре ее широченного полосатого платья.

Лэйси чуть-чуть потеснилась и сказала: «Хочу сообщить тебе кое-что интересное. Пока ты спал, я была страшно занята!»

«Да я уже знаю».

В понедельникной газете его внимание сразу привлекла заметка о чуде на Таймс-сквер. Сотни людей собрались там на молитву после того, как у лица Барбары Стрейзанд, транслировавшегося на большом электронном билборде, вдруг выросло толстенное розовое ангельское тельце, которое принялось весело кружить по экрану.

«Это ты устроила сумасшедшие пробки на Сорок второй улице?» — спросил Тристан.

Лэйси беспечно махнула ладошкой.

«В газетах пишут, что Стрейзанд уже подала иск в суд, а нью-йоркские таксисты...»

«А зачем Барбара говорила, что я гогочу, как гусыня? Нет, мне конечно, нужно было взять несколько уроков дикции, но...»

«Лэйси, ты вообще собираешься завершать свою миссию?»

«Свою миссию? Конечно! Но сегодня буду помогать тебе!» — радостно воскликнула

Лэйси, соскакивая со скамейки.

Тристан покачал головой, но тоже послушно поднялся.

«Слушай, сегодня я отправилась на кладбище, чтобы навестить матушку Грегори, — тараторила Лэйси, когда они шли вдоль магазинов, — и что ты думаешь? Отдыхаю я себе на могилке, и вдруг туда заявляется высокий худощавый тип. Брюнет, около сорока. И представь себе, это загадочный незнакомец принес букетик для нашей Каролины!»

«Я уже видел его раньше, — сказал Тристан. — В тот день, когда ты разгромила часовню».

Он тогда увидел этого мужчину со спины и обознался, приняв его за Грегори. Тристан до сих пор помнил искаженное горем лицо незнакомца.

«Кто он такой?» — спросила Лэйси.

«Не знаю».

Они все дальше отходили от магазинчика «У вас праздник». Тристан тоскливо обернулся, ища глазами Айви, но Лэйси потащила его за собой.

«Мы должны это выяснить! Может, этот тип нам поможет».

«Поможет? — переспросил Тристан. — Незнакомый мужчина? В чем он может нам помочь?»

«Выяснить, что произошло в ту ночь, когда умерла Каролина».

Они остановились возле фонтана и долго смотрели на каскады воды, подсвеченные розовым и голубым светом. Когда-то давно, когда никого не было рядом, Тристан пришел к этому фонтану и загадал желание — чтобы Айви была с ним.

«Я нашла в телефонной книге адрес Каролины, — продолжала Лэйси. — Уиллоу-стрит, дом пятьсот двадцать восемь. Дата ее смерти выбита на надгробии. Сегодня утром я пришла сюда и проверила магазинные записи за этот день», — Лэйси помолчала и вопросительно посмотрела на Тристана.

Так и не дождавшись его ответа, она покачала головой и промурлыкала:

«Ах, Лэйси, какой ты ангел, душечка! Как же ты помогла мне, недогадливому Ньтику!»

«И что тебе удалось выяснить?» — спросил Тристан, пропустив мимо ушей ее насмешки.

«Во-первых, то, что Лиллиан и ее сестра не имеют ни малейшего представления о том, как следует нести деловые записи. Мне пришлось долго ломать голову, прежде чем я докопалась до сути. Итак, доставка на двадцать восьмое мая, миссис Эбромайтис, Уиллоу-стрит — но без номера дома. Разумеется, я сверилась с телефонной книгой. И что бы ты думал? Дом пятьсот тридцать!»

«То есть, соседний, — еле слышно прошептал Тристан, чувствуя подступающий страх. — Я так и знал! Айви что-то видела».

«Похоже на то», — согласилась Лэйси. Какая-то женщина бросила в фонтан монетку, а Лэйси ловко поймала ее в воздухе и швырнула обратно. Женщина изумленно уставилась на несчастливый цент, а потом похоронила его в кадке с папоротниками.

«Айви что-то увидела в доме у Каролины, — продолжал Тристан. — Значит, это не было самоубийство!»

«Ну, пока рано делать такой вывод, — заметила Лэйси. — Возможно, она все-таки покончила с собой, но кто-то побывал в ее доме сразу после самоубийства. Допустим, он что-то забрал оттуда или, наоборот, спрятал. Понимаешь, тут могут быть сотни разных вариантов. Мало ли, что могла увидеть Айви!»

«В любом случае, она увидела то, чего не должна была видеть, — закончил Тристан. — Я должен поговорить с ней, Лэйси!»

«Давай сегодня же обыщем дом».

«Я должен ее предупредить!»

«Сейчас я тебе расскажу, как мы проводили обыск в „Перри Мейсоне“! — воскликнула Лэйси. Схватив Тристана за рукав, она потащила его к выходу из торгового комплекса, но тот рвался к магазинчику „У вас праздник“ и, в конце концов, оказался сильнее. — Да послушай же ты меня, Тристан! Ты ничего не можешь сделать, чтобы защитить Айви. Нам с тобой не отпущено такой силы. Самое лучше, что мы можем сделать — это поддержать какого-то человека, сделав его сильнее. Но ты сам не сможешь остановить того, кто хочет причинить Айви зло!»

Тристан замер. Он никогда не страшился за свою жизнь так, как сейчас боялся за Айви.

«Пока она находится на людях, ей ничего не угрожает, — добавила Лэйси. — Так что давай лучше хорошенько прочешем ее дом и...»

«Когда она закончит работу и сядет в машину, го окажется одна, — перебил ее Тристан. — И когда выйдет прогуляться, и когда поднимется в свою музыкальную комнату, и когда... Она постоянно находится в опасности!»

«Вообще-то она живет не одна, — напомнила Лэйси. — Так что давай допустим, что дома она в безопасности. Тристан, ты ведешь себя, как идиот! Я же сказала — ты не можешь ее защитить. Давай выясним, кто угрожает Айви, и тогда...»

Но он уже не слушал. В магазин вошли Бет и Сюзанна, и Тристан, забыв о Лэйси опрометью кинулся к ним. Он знал, что подруги пришли пообедать вместе с Айви. Отлично — теперь-то он знает, что ему делать!

Айви стояла перед входом в магазин, и Тристан мгновенно забыл о Бет и Сюзанне. Увидев, как лицо ее просияло от радости, он бросился к ней — и остановился, словно наткнувшись на стену. Айви смотрела сквозь него на Бет и Сюзанну. Эта боль никогда не кончится! Он никогда не сможет привыкнуть к этой муке — быть так близко от нее, и в то же время, бесконечно далеко.

— Идите, пообедайте, — сказала Лиллиан девушкам. — Сегодня у нас затишье, покупателей почти нет, так что можете пробежать по магазинам. Айви, детка, не забудь заглянуть в этот новый магазин подарков! Готова поспорить, что у них нет светящихся ловушек для ветра.

— По крайней мере, в виде фей и леприконов, — прошептала Бет. Каждый раз, переступая порог этого магазинчика, она в изумлении цепенела перед полками. Вот и на этот раз Сюзанне пришлось вернуться и за руку вытащить ее в зал.

Тристан тащился по комплексу следом за подружками. Они шли, не торопясь, подолгу замирая перед витринами, и постепенно он начал терять терпение. Он хотел, чтобы Бет поскорее села за столик и вытащила свою заветную тетрадь. Но девушки намертво прилипли к витрине магазина, заставленной баночками, тубиками и какими-то непонятными разноцветными флакончиками.

Тристан принялся раздраженно расхаживать по магазину и вдруг врезался в Лэйси. Он даже не заметил, как она очутилась рядом.

«Остынь, Тристан, — посоветовала Лэйси. — Айви сейчас в полной безопасности, разве что какой-нибудь безумец задумает пырнуть ее пилкой для ногтей».

С этими словами Лэйси скрылась в магазине, замороженная сотнями оттенков губной

помады, которая неискушенному Тристану казалась сплошь красной или розовой. Он с досадой сжал кулаки. Может быть, если когда-нибудь он все-таки перейдет на следующий уровень, ему там откроют глаза хотя бы на некоторые загадки девушек?

Сюзанна, у которой уже вся рука от запястья до локтя была измазана образцами губной помады, оживленно тараторила о свадьбе в Филадельфии, на которую ее пригласили в эти выходные.

— Какая жалость, что ты не можешь поехать с нами, Айви! — восклицала она. — Между прочим, я показала твою фотографию своему двоюродному брату. Он определенно заинтересовался тобой, и это был бы отличный вариант для вас обоих.

«Отвратительный вариант!» — подумал Тристан.

— Значит, ты все-таки решила поехать на озеро? — спросила Бет, примерявшая купальную шапочку, похожую на серебряный мухомор.

— На озеро?! — изумленно округлила глаза Сюзанна. — Она остается дома, а ты остаешься вместе с ней, Бет!

Бет помрачнела.

— Сюзанна, ты прекрасно знаешь, что я не могу пропустить семейный выезд, тем более что мои родители, кажется, готовы помириться. Я думала, что Айви и Филипп едут с тобой!

Айви резко отвернулась от подруг.

— Айви! — строго окликнула Сюзанна.

— Что? — спросила она, с преувеличенным интересом роясь в корзине с беретами, и не поднимая глаз.

— Что ты делаешь в эти выходные?

— Сижу дома.

Сюзанна вздернула идеально выщипанные брови.

— Твоя мама разрешила тебе остаться одной?

— Она думает, что ты или Бет останутся со мной. И я рассчитываю, что вы меня прикроете, — буркнула Айви.

Лэйси выразительно посмотрела на Тристана.

— Я вообще не понимаю, почему все поднимают такой шум из-за этих выходных, — с досадой продолжала Айви. — Мне будет даже приятно для разнообразия побыть одной дома. У меня будет куча времени порепетировать перед фестивалем, а Элла не даст мне скучать.

«Но Элла не сможет тебя защитить!» — простонал Тристан.

— Мне не нравится, что ты будешь слоняться по дому совсем одна! — решительно заявила Сюзанна.

— Дом такой огромный и такой пустой, — добавила Бет.

«Послушай их, Айви!» — взмолился Тристан.

— Я же сказала — я не поеду на Можжевеловое озеро! Не поеду! Я не могу, — со слезами выдавила Айви.

— Это как-то связано с Тристаном, да? — спросила Сюзанна.

— Я не хочу об этом говорить, — отрезала Айви.

Тристан ее понимал. В тот вечер, когда он погиб, они с Айви строили планы на каникулы. Она рассказала ему, что хочет заплывать на самую глубину Можжевелового озера и лежать там на спине, под солнышком. А потом искупаться при луне.

«При луне? — спросил тогда Тристан. — Уж не собираешься ли ты плавать в темноте?»

«С тобой — запросто! — засмеялась Айви. — В темноте можно купаться голыми...»

Лэйси осторожно дотронулась до его руки.

«Мне кажется, теперь ты должен до нее достучаться», — серьезно сказала она.

Тристан кивнул.

Они вместе последовали за подругами дальше. Тристану страшно хотелось немедленно пробраться в сознание Бет и направить ее к столику, где будущая великая писательница могла бы разложить свои листы, но он не хотел давать своему «приемнику» слишком много приказов одновременно. Бет могла насторожиться и начать сопротивляться.

Внезапно Бет остановилась перед магазином электроники, и уставилась на выставленные в витрине компьютеры.

— Посмотри на нее! Нет, ты посмотри! — зашипела Сюзанна, толкая Айви в бок. — Она любит мальчиками-продавцами! Выбирает себе дружка посимпатичнее.

— Неправда, я просто хочу ноутбук! — смущенно возразила Бет.

Внезапно Лэйси очутилась у нее за спиной, и Тристан заметил, как кончики ее пальцев перестали мерцать. Лэйси легонько подтолкнула Бет в спину. Споткнувшись, Бет переступила порог и с удивлением обернулась на Сюзанну и Айви. Обе девушки пошли за ней в магазин, а Тристан и Лэйси влетели следом.

— Чем я могу вам помочь? — любезно спросил продавец.

— Э...я... Я просто смотрю, — пролепетала Бет, покраснев до корней волос. — Можно мне протестировать образцы ноутбуков?

Продавец махнул рукой в сторону демонстрационного стола и отошел.

«Твой выход, Тристан», — прошипела Лэйси.

Усевшись за ноутбук, Бет сразу же нашла текстовый редактор. Тристану не сразу удалось настроиться на ее сознание и предугадать следующую мысль, как учила ее Лэйси.

Он решил применить логический подход. Что видит писатель, глядя на пустой экран компьютера? Сценарий кинофильма, уже готовый расцвести голосами и лицами? Ночное небо с одинокой звездочкой, мерцающей в вышине? Вселенную, ждущую своего летописца? Бесконечные возможности? Бесконечные странности и причуды любви — и все ее бесконечные невозможности...

Пальцы Бет застучали по клавишам.

Невозможности.

Что она видела, глядя каждую ночь в черный экран погасших небес? Возможности. Бесконечные странности и причуды любви — и все ее бесконечные невозможности.

«Фу, получилось!» — перевел дух Тристан.

«Фу, получилось!» — напечатала Бет и впилась глазами в экран.

«Оставайся с ней, Тристан, — прошептала Лэйси. — Не расслабляйся!»

Назад. Выделить. Уничтожить.

«О, горькое сердце!» — подсказал Тристан.

«О, горькое сердце, одинокое сердце», — с жаром подхватила Бет и снова замерла.

Тут они оба застряли, но Тристан быстро нашел выход из положения.

«Ты не должна оставаться одна дома!»

«Ты не должна оставаться дома одна», — напечатала Бет.

«Тебе опасно оставаться одной», — подумал Тристан.

«Тебе опасно оставаться одной», — напечатала Бет.

А потом, прежде чем Тристан успел послать ей очередное сообщение для Айви, Бет торопливо напечатала: «Но в безопасности ли я наедине с ним?»

«Нет!» — рявкнул Тристан.

«Да!», — ответила Бет.

«Нет!»

«Да!»

«Нет!»

«Да!», — нахмурилась Бет.

Тристан тяжело вздохнул. Понятное дело, Бет писала любовную историю и хотела дать девушке, печально глядящей в ночное небо, шанс покончить с одиночеством. Но Тристан хотел напечатать предостережение для Айви. Если Айви останется наедине с плохим человеком...

— В чем дело? — спросила Айви.

— Меня опять посетило какое-то занятное ощущение, — ответила Бет. — Очень странное, правда. Такое впечатление, будто кто-то сидит у меня в голове и говорит, что писать.

— Ох уж эти писатели! — фыркнула Сюзанна.

Айви наклонилась и посмотрела на экран.

— Нет! Да! Нет! Да! — прочитала она и невесело рассмеялась. — Это похоже на то, что я чувствовала, когда впервые увидела Тристана.

«Это Тристан!» — напечатала Бет.

Айви застыла.

Забыв об осторожности, Тристан повысил голос, и Бет лихорадочно застучала по клавишам.

«Будь осторожна, Айви. Это опасно, Айви. Не оставайся одна! Люблю тебя. Тристан».

Айви резко выпрямилась.

— Это совсем не смешно, Бет! Это глупо и жестоко.

Бет, приоткрыв рот, ошеломленно смотрела на экран.

Сюзанна наклонилась и тоже прочитала написанное.

— Бет! — сердито воскликнула она. — Как ты могла? Постой, Айви!

Но Айви уже выбежала из магазина. Сюзанна бросилась за ней. Бет, дрожа всем телом смотрела на экран, а измученный Тристан поспешно покинул ее сознание.

— Распечатать вам написанное? — спросил продавец, подходя к столу?

Бет медленно помотала головой и удалила страницу.

— Не сейчас, — прошептала она сквозь слезы.

Всю неделю Тристан выбивался из сил, пытаясь достучаться до Айви, но у него так ничего и не получилось. Единственным результатом его титанических усилий стало то, что Айви еще сильнее замкнулась в себе, отгородившись не только от Тристана, но и от всех, кто ее любил.

Целую неделю она не разговаривала с Бет, а после того, как Филипп объявил Айви, что ангелы просят ее поехать на пикник вместе с мамой, она стала сторониться брата. Тристан мог бы попробовать предупредить ее через Уилла, но у него хватило благоразумия не делать этого. Он знал, что его попытка лишь заставит Айви возвести еще более высокую стену отчужденности.

Во вторник ночью он отправился на кладбище Риверстоун-райз, чтоб хоть немного

отдохнуть и отсрочить наступление тьмы. Он должен был во что бы то ни стало продержаться до конца выходных и присматривать за Айви. По дороге к своей могиле Тристан решил заглянуть в склеп Каролины и посмотреть, лежат ли там свежие розы. Приходилось признать, что Лэйси опять оказалась права: они должны были выяснить, кто приходит на могилу Каролины, и что он знает о ее смерти.

Тристан брел по дорожке кладбища так осторожно, словно все еще был живым и боялся потревожить покой усопших. Залитые лунным светом надгробия казались таинственным городом: обелиски вздымались в небо, как небоскребы, склепы были похожи на горделивые особняки, а низкие полукруглые камни и сверкающие пирамиды обозначали плотно заселенные районы престолярства. Это был тихий и призрачный город — настоящий город мертвых. Тристан так глубоко ушел в свои невеселые мысли, что едва не прошел мимо семейного склепа Бэйнсов.

Это был идеально ухоженный склеп с красивой каменной статуей, которая как будто наблюдала за Тристаном, подходившим к могиле Каролины сзади. Приблизившись к могиле, он резко остановился.

Развалившись на могильной траве, прислоняясь спиной к каменному надгробью Каролины, как будто это была не могила, а постель, сидел Эрик. На миг Тристану показалось, что он не дышит. Подбежав ближе, он увидел, что светлые глаза Эрика были открыты, а зрачки настолько расширены, что казались озерами ночи.

Он тихо дышал и что-то бормотал себе под нос. Тристан прислушался, но это был неразборчивый бред, который можно нести только под кайфом. Тристан растерялся. Эрик был в таком виде, что вряд ли мог быть способен на какие-то осмысленные действия. Интересно, он может встать или пойти куда-то? Может ли он сделать что-нибудь такое, о чем потом пожалеет?

Материализовав кончики пальцев, Тристан провел ими по ладони Эрика.

В тот же миг Эрик стиснул его руку. Тристан сначала испугался, но потом быстро расслабился и легко вытащил из хватки Эрика свои вновь ставшие бесплотными пальцы.

— Побудь еще немного, — пробормотал Эрик, разжимая пустую ладонь, которой только что держал Тристана. — Долго не был, Каролина, прости меня, прости... Слишком много всего происходит, просто голова кругом. И ведь никто об этом не знает, — он тихонько засмеялся и кивнул, словно отчетливо видел перед собой мертвую Каролину. — Но ты-то знаешь, детка.

«Я не знаю, — сказал Тристан. — Что происходит? Скажи мне».

Эрик склонил голову набок, и Тристану на миг показалось, что он услышал его вопрос.

— Ну да... может быть, — закивал Эрик, словно отвечая на какой-то другой вопрос. — Но ты же понимаешь, это может оказаться грязным делом. А ведь я так не люблю, когда грязно...

Грязи? Тристан растерянно уставился на Эрика. Что он имеет в виду? Грязное дело... В каком смысле? Сложное? Неприятное? Кровавое?

Эрик выпрямился и поморгал, прислушиваясь к голосу, звучащему в его затуманенном наркотиками мозгу. Его волосы в лунном свете казались совсем белыми, а глаза были похожи на два пустых провала.

— Ты говоришь об Айви. Ее зовут Айви, — сказал Эрик, помахав тощей рукой в воздухе. Его рука прошла сквозь Тристана, обдав его могильным холодом, словно прикосновение скелета.

— Но что я могу сделать? — продолжал Эрик, повышая голос. — Ты же знаешь, в каком я дерьме, Каролина! Не толкай меня! Отстань! — Он вдруг вскочил и застыл, пошатываясь. Потом гортанно расхохотался. — Ну да, ну да, — снова пробормотал Эрик. — В эти выходные все поедут на озеро... Все, кроме Айви. — Он улыбнулся, как будто услышал что-то забавное. — Эй, прекрати! Знаешь, это довольно пошло.

Интересно, какие слова затуманенное сознание наркомана вложило в уста воображаемой Каролины на этот раз?

— Нет! — вдруг заорал Эрик. — Я же сказал — даже не проси! — Он сделал несколько шагов в сторону. — Отцепись, Каролина! Я не хочу тебя слушать. Не хочу. Отцепись!

Эрик бросился бежать, спотыкаясь о могилы и продолжая выкрикивать тонким, совершенно безумным голосом:

— Отцепись, Каролина! Отцепись! Отцепись!

Тристан смотрел ему вслед до тех пор, пока Эрик не скрылся за поворотом тропинки. Он попытался восстановить вторую половину разговора. Чего боится Эрик? О чем, как ему показалось, просила его Каролина?

Мысли, одна другой страшнее, теснились в голове у Тристана. Немного успокоившись, он собрал все свои силы и громко спросил:

«Каролина, вы здесь?»

Он позвал ее три раза, каждый раз надеясь услышать ответ. Но его потусторонняя ангельская чувствительность лишь подтверждала то, о чем говорило молчание: в могиле не было ничего, кроме мертвого тела, и все ответы гнили в земле вместе с ним.

В пятницу утром Грегори вручил Айви листок бумаги с записанным на нем телефоном. — Дай слово, — попросил он.

Она пожала плечами и равнодушно кивнула.

— Можжевеловое озеро в полутора часах езды отсюда, значит, я буду здесь ровно через час, — добавил Грегори с самодовольной усмешкой. — Ты же знаешь, как я езжу. Пообещай мне, Айви.

— Я прекрасно смогу о себе позаботиться, — ответила Айви, в четвертый раз перекладывая продукты в мини-холодильнике. В эти выходные Мэгги собиралась самостоятельно готовить для Грегори, Филиппа и Эндрю, однако брала с собой столько дополнительных припасов, что ими можно было досыта накормить голодную семью медведей.

— Я знаю, что ты можешь о себе позаботиться, — терпеливо ответил Грегори, — но вдруг ты почувствуешь себя одиноко, загрустишь или испугаешься? Знаешь, тут может быть страшновато в одиночестве, — он помахал в воздухе листком бумаги. — Если я буду тебе нужен — даже среди ночи, даже рано утром — просто позвони.

Айви слегка наклонила голову, что не означало ни да, ни нет, и принялась складывать упаковки с печеньем и чипсами, которые мама выложила на кухонную стойку.

— Надеюсь, ты готов питаться двадцать четыре часа в сутки? — спросила она у Грегори.

Тот со смехом сунул руку в один из пакетов, которые она держала, и выхватил оттуда два печенья. Одно съел, а второе сунул в рот Айви, и та послушно откусила.

— Айви, я ведь не поднимаю шум из-за того, что ты остаешься тут одна, — сказал Грегори. — Я просто прошу, чтобы ты звонила мне каждый день. — Он посмотрел ей в глаза. — Договорились?

Айви кивнула.

— Дай слово, — попросил Грегори, не отводя глаз. Айви хотела отстраниться, но он просунул палец в шлевку на поясе ее джинсов. — Дай слово.

— Ладно, ладно, даю честное слово, — со смехом ответила Айви.

Грегори отпустил ее. На миг ей захотелось, чтобы он никуда не уезжал и остался с ней.

— Я знаю, что ты задумала, — поддразнил он. — Как только мы уедем, ты сядешь за телефон, созовешь полон дом народу и устроишь тут оргию!

— Угадал, — кивнула Айви, втискивая пачку салфеток на грудь еды. — Ты меня раскусил.

— Не хочешь позвать Уилла? — спросил Грегори с прежней улыбкой, но вполне серьезно.

— Нет, — твердо отрезала Айви.

— За что ты его так не любишь? — прищурился Грегори. — Ведь не из-за той дурацкой истории, когда он нарисовал ангела, похожего на...

— Нет, не из-за этого! — перебила Айви, проверяя, на месте ли стопки картонных тарелок и стаканчиков. Вся посуда была из «У вас праздник», с красочными изображениями валентинок и индюшек со дня Благодарения. — Я хорошо к нему отношусь. Просто мне с ним неуютно. Я не могу этого объяснить, понимаешь? Но когда я смотрю на него, то вижу в

его глазах...

Грегори громко расхохотался.

— Любовь? — выкрикнул он. — Или пляску разыгравшихся гормонов?

— Ладно, ладно, — легко согласилась Айви. — Как скажешь.

— Я тоже так думаю. — Грегори положил руки ей на плечи и не позволил отвернуться. — Когда-нибудь ты поймешь, что многие парни, о которых ты даже не догадываешься, смотрят на тебя... с чем-то особенным в глазах.

Айви опустила глаза.

Грегори снова рассмеялся и отпустил ее.

— Будь лапочкой с Уиллом, — посоветовал он. — Он тоже пережил тяжелое время.

Айви хотела спросить, что он имеет в виду, но тут в кухню вошли Филипп и Мэгги. Филипп был одет в бейсболку «Янки» и фирменную футболку, которую Грегори купил ему на матче.

Айви давно заметила, что Филипп стал потихоньку привыкать к Грегори, который был очень этим доволен. Правда, Грегори страшно бесила постоянная болтовня Филиппа об ангелах, но, скорее всего, он так реагировал только потому, что это расстраивало Айви.

Филипп осторожно ткнул Айви кулаком в руку. Она недавно заметила, что ее младший братишка перестал обнимать ее в присутствии других людей. Зато Мэгги, от ключиц и ниже одетая в великолепный дорожный костюм, а выше причесанная и покрашенная как для глянцевого фотосессии, крепко прижала Айви к груди и расцеловала в обе щеки.

Грегори и Филипп тут же стали притворно тереть себе руками щеки. Айви понимающе улыбнулась им, но не стала стирать свежие отпечатки маминой алой губной помады.

— Узнаю мою девочку! — воскликнула Мэгги, глядя на плоды трудов Айви. — Уже все уложила! Ах, детка, я воспитала из тебя гораздо лучшую мать, чем я сама.

Айви рассмеялась.

Грегори взял холодильник, остальные расхватили пакеты, сумки и чемоданы, и понесли все это в машину Мэгги. Грегори собирался ехать на своей машине, а Эндрю, которого задержало вечернее совещание в колледже, должен был подъехать на озеро позже.

Как всегда" перед отъездом, было много криков, хлопанья дверей и громких звуков музыки из автомобильных магнитол. Филипп, решивший ехать с Грегори, баловался с приемником.

Наконец обе машины отъехали, и Айви осталась одна, наслаждаясь тишиной. День выдался теплым и тихим, лишь кроны деревьев тихонько шелестели на легком ветру. Наступил один из тех редких моментов полного покоя, которых у Айви почти не было после смерти Тристана.

Она вошла в дом и взяла одну из книг, переданных для нее Бет. Айви была заранее уверена, что это какой-нибудь знойный любовный роман. Бет передала книги через Сюзанну, приложив к ним записку с извинениями: бедняжка не решилась ни встретиться с Айви лично, ни позвонить ей. Айви сама перезвонила Бет и заверила, что нисколько на нее не сердится.

Тем не менее, она была по-настоящему удивлена поведением подруги. Это было так непохоже на Бет — писать компьютерные сообщения от лица Тристана! Бет всегда была исключительно щепетильной в отношении чужих чувств. Хотя, кто знает... Раньше Айви и Уилла считала тактичным и чувствительным, а что он выкинул? Нарисовал Тристана с крылышками!

Айви улыбнулась, несмотря на боль, которую причиняло это воспоминание. Что бы подумал Тристан, если бы узнал, что Уилл превратил его в ангелочка?

Она вышла с книгой в сад, забралась в домик Филиппа на клене и около полутора часов читала, время от времени поглядывая сквозь ветки деревьев на блестящую ленту реки. Когда ей надоело читать, она сунула книгу за пояс джинсов и спустилась вниз по канату.

Как хорошо быть одной и делать то, что только заблагорассудится! Айви захотелось прогуляться, поэтому она обогнула дом и пошла вниз по склону по петляющей подъездной аллее. Она нарочно прибавила шаг и заставила себя не сбавлять скорость на обратном пути, поэтому вернулась обратно взмокшая и усталая.

Может быть, сыграть, наконец, «Грезы любви»? Вокруг стояла такая тишина, что, возможно, ей удастся разыграть и разобрать ноктюрн до конца. Айви репетировала каждый день, но ей так ни разу и не удалось добраться до конца произведения. Рано или поздно ее охватывали воспоминания, слезы подступали к глазам и смывали всю музыку. Может быть, сегодня она сможет заставить себя сосредоточиться на нотах?

Айви взяла из кухни банку газировки и побежала наверх принять душ. Она была уже в ванной, когда вдруг поняла, что не помнит, заперла ли входную дверь. Ей захотелось немедленно спуститься, но она заставила себя успокоиться. Что за детские страхи? Кому придет в голову тащиться на гору к их дому? Айви твердо решила наслаждаться выдавшимися деньками покоя и одиночества и не собиралась поддаваться глупым тревогам, которые хором внушали ей Бет, Сюзанна и даже Грегори.

Когда Айви поднялась в свою музыкальную комнату, Элла бросилась вперед нее и вскочила на крутящийся табурет перед роялем.

— Хочешь немного порепетировать перед фестивалем? — улыбнулась Айви.

Внезапно на память ей пришли три ноты, «сыгранные» Эллой неделю назад, но Айви поспешно отогнала эту мысль. Она знала, что если поддастся, то снова начнет думать о Тристане и уже не сможет играть.

Она сыграла несколько гамм, проиграла любимые мелодии Филиппа и, наконец, приступила к Листу. В этот вечер у нее все получалось само собой. Ее пальцы сами порхали по клавишам, и Айви растворилась в переливающимися звуках музыки. Она остановилась всего на мгновение, чтобы перевернуть страницу и продолжить игру, и как раз в этот момент услышала донесшийся снизу шум.

Айви показалось, будто разбилось стекло. Мурашки побежали у нее по спине, но она заставила себя побороть страх. Что за глупости! Звон разбитого стекла всегда снился ей в кошмарах. Если бы какой-нибудь злоумышленник захотел забраться в дом, ему нужно было бы всего лишь открыть дверь черного хода, а не бить стекла. Скорее всего, просто окно разбилось от ветра. Или ветка дерева упала на веранду.

Все это звучало очень убедительно, но Айви все равно было не по себе. Она обвела глазами комнату и вдруг заметила, что Элла куда-то исчезла. Может быть, глупая кошка разбила что-нибудь внизу? Лучше всего сходить, посмотреть и убедиться, что это какие-то пустяки. Айви встала, вышла на лестницу и прислушалась.

Ей показалось, что шум доносится из западного крыла, из кабинета Эндрю. Может быть, это он? Пораньше освободился с совещания и заскочил домой, чтобы захватить что-нибудь?

Айви спустилась по ступенькам в свою спальню и остановилась перед дверью, ведущей в коридор. Куда подевалась Элла? С ней Айви было бы гораздо спокойнее, ведь кошка могла

предупредить ее об опасности, насторожив ушки или изогнув хвост.

Еще недавно уютный и знакомый дом вдруг показался Айви огромным, вдвое больше своего настоящего размера, полным множества потайных уголков. И почему только он стоит вдали от всех остальных домов, на вершине холма, где никто никогда не услышит ее криков о помощи?

Айви отпрянула назад, бросилась в свою комнату к телефону, схватила трубку, но потом вернула ее на место.

В чем дело? Что она тут устраивает? Нельзя же вызывать полицию из-за каждого пустяка!

— Эндрю? — крикнула Айви. — Эндрю, это ты?

Никто не отозвался.

— Элла, иди сюда! Ты где, Элла?

В доме царила оглушительная тишина.

Айви на цыпочках вышла в коридор и решила спуститься вниз по центральной лестнице, вместо того, чтобы напрямик сойти в западное крыло по узким боковым ступеням. Внизу, под лестницей, на столике стоял телефон. Если она заметит что-нибудь подозрительное, то сразу же вызовет полицию.

Спустившись вниз, Айви быстро посмотрела по сторонам. Может быть, просто выбежать в парадные двери на улицу?

И что потом? Оставить грабителя в доме, пусть берет, что хочет? Или, еще того лучше, позволить ему найти укромное местечко, в котором он сможет спрятаться и спокойно ждать ее возвращения?

От этих мыслей у Айви подкосились ноги.

«Да что же ты делаешь, глупая! — прикрикнула она на себя. — Прекрати выдумывать и запугивать себя!»

Комнаты в восточном крыле дома — гостиная, библиотека и солярий — стояли закрытыми, окна в них были прикрыты ставнями, не пропускавшими внутрь яркое солнце.

Айви повернулась в другую сторону и осторожно заглянула из-за угла коридора в столовую. Убедившись, что там все спокойно, она вошла внутрь и, ежась от скрипа старых половиц, прошла к двери, ведущей на кухню. Наискосок от нее находилась входная дверь, и Айви убедилась, что она, в самом деле, не заперла ее, а только прикрыла. Проверив обе кладовых, она тщательно заперла дверь и задумалась.

Кажется, все спокойно. А подвал? На всякий случай, Айви заперла дверь подавала на засов со стороны кухни. Наружную дверь она проверит позже, может быть, даже завтра. Немного успокоившись, Айви направилась в гостиную. Тут тоже все было в полном порядке.

Но не успела Айви выйти в галерею, ведущую к кабинету Эндрю, как навстречу ей выскочила Элла.

— Элла! — с облегчением воскликнула Айви. — Что ты здесь делаешь?

Шерсть Эллы стояла дыбом, и она в бешенстве раскачивала распушившимся хвостом.

— Ах ты, негодница! — дрожа от облегчения, погрозила ей пальцем Айви. — Сначала ты растерзала кресло, а теперь что натворила? Неужели взялась за веджвудские вазы?

Она решительно вошла в комнату и остолбенела.

Панорамное окно было разбито, дверь распахнула. Айви попятилась назад. И врезалась в чью-то фигуру.

— Что?..

Прежде чем она успела обернуться, на голове у нее оказался мешок. Айви закричала и принялась вырываться. Она царапалась, как кошка, пытаясь стащить мешок руками. Но чем сильнее она дергала за ткань, тем сильнее та затягивалась вокруг ее головы. Айви почувствовала, что задыхается.

Борясь с захлестывающей паникой, она продолжала сражаться со своим противником, который оказался намного сильнее ее.

«Думай! — приказала себе Айви. — Думай, думай!»

Ноги у нее пока оставались свободными, но Айви понимала, что если она будет лягаться, то может потерять равновесие, и тогда все будет кончено. Она попробовала использовать свой вес и принялась вертеться в руках нападавшего. Она крутилась, как веретено. На миг неизвестный разжал руки, и Айви удалось вырваться.

Но он тут же схватил ее снова. На этот раз нападавший поволок ее куда-то — то ли к стене, то ли в угол, Айви не могла понять. Она ничего не видела через темный мешок и совершенно не понимала, где находится. Даже если бы она могла сейчас вырваться, то все равно не знала бы, куда бежать.

Мешок был из такой грубой ткани, что Айви обдирала себе кожу на лице, пытаясь сорвать его с головы. Ей хотелось поднять руки и расцарапать ткань ногтями, чтобы увидеть лицо нападавшего.

Страшнее всего было то, что он действовал молча. Айви чувствовала, как он усилил хватку и теперь держал ее всего одной рукой. Потом она почувствовала, как к голове ее прижалось что-то тяжелое и круглое — похожее на дуло пистолета.

Она начала брыкаться, вырываться и кричать.

И вдруг услышала грохот, доносившийся откуда-то снаружи. Кто-то молотил в дверь и кричал:

— Айви! Айви!

Она попыталась отозваться.

А потом ее вдруг швырнули вперед, и она не смогла удержаться на ногах. Айви всем телом ударилась обо что-то твердое и сползла вниз. Какие-то металлические предметы с грохотом и звоном падали вокруг нее.

А потом наступила тьма.

«Айви! Айви!» — надрывался Тристан.

— Айви! Айви! — орал Уилл, молотя кулаками в парадную дверь. Сорвавшись с места, он бросился вокруг дома, ища другой вход.

И увидел машину Грегори, припаркованную за домом. Уилл остановился — и Тристан остановился — перед разбитым окном в кабинет Эндрю.

— Айви, что за... Кто это сделал? — закричал Грегори, склоняясь над ней и осторожно стягивая мешок. — Ты в порядке? Ну все, все. Успокойся, все уже позади. Ты в безопасности.

По всему полу были расшвыряны каминные инструменты.

Айви потеряла голову и непонимающе уставилась на Грегори. Затем они оба обернулись к Уиллу, стоявшему в проеме распахнутой двери. Тристан только что покинул его сознание, но успел заметить страх и недоверие в глазах Айви и гнев, написанный на лице Грегори.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Грегори.

Уилл потерял дар речи, но даже Тристан, если бы он все еще оставался в сознании своего проводника, не смог бы найти ответ, который удовлетворил бы Айви или Грегори.

— Я не знаю, — растерянно проговорил Уилл. — Я просто подумал... нет, я просто знал, что должен быть здесь. Я почувствовал, что здесь беда, и я должен бежать.

Кровь отхлынула от перекошенного лица Грегори, и лицо его стало белым, как полотно. В этот момент он выглядел не менее потрясенным, чем Айви.

— Ты в порядке, Айви? — спросил Уилл.

Она кивнула и отвернулась, прислонившись головой к груди Грегори.

— Я могу что-то для тебя сделать? — тихо проговорил Уилл.

— Нет.

— Тогда я вызову полицию.

— И побыстрее, — холодно и враждебно отчеканил Грегори.

Уилл разговаривал по телефону спокойно и сдержанно, но Тристан знал, что его «приемник» потрясен и напуган не меньше, чем он сам. Так же как Тристан, Уилл не понимал, откуда к нему пришло убеждение в том, что Айви грозит опасность.

«Ты нужен ей» — таким было послание, которое получил Тристан, но он не мог объяснить, услышал он эти слова или просто почувствовал их. Он твердо знал только одно: очень скоро должно случиться что-то ужасное, а поскольку, как ему доходчиво объяснила Лэйси, он не мог спасти Айви самостоятельно, Тристан помчался к Уиллу, умоляя его бежать на помощь.

Это оказалось нелегко, особенно сначала. Тристану пришлось научиться канализировать свою энергию, направляя Уилла в нужную сторону.

Тристан и сам не знал, понимал ли Уилл, какая сила заставляет его мчаться в гору со скоростью восемьдесят миль в час, не обращая внимания на крутые склоны и повороты. Помнит ли Уилл, как он с нечеловеческой скоростью обегал дом кругом?

И все-таки они не успели увидеть того, кто напал на Айви. Он сбежал. А поскольку они не знали, кто это был, то не могли ни предугадать, когда преступник нанесет новый удар, ни защитить Айви.

Они... Тристан и Уилл. Уилл и Тристан. У Тристана больше не было сомнений в том, что Уилл неравнодушен к Айви — и это было как раз то, что нужно.

Тристан молча смотрел, как Грегори подхватывает Айви на руки и несет на диван. Элла спряталась под столом Эндрю, глаза ее светились, как два уголька.

«Кто это был, Элла? — спросил Тристан. — Ты же единственная, кто его видел. Кто это был?»

Уилл вышел из комнаты и вскоре вернулся с пакетом льда.

Грегори осторожно приложил лед к голове Айви.

— Я здесь. Все будет хорошо, — снова и снова повторял он, глядя ее по спине.

Вскоре они услышали вой сирены. Полицейский автомобиль остановился на подъездной дорожке перед домом, а следом за ним припарковалась еще одна машина. Это был Эндрю.

— Что случилось? — закричал он, вбегая в дом следом за полицейскими. — Айви, детка, что с тобой? Ты цела?

Он посмотрел на разбитое окно, на Уилла и, наконец, перевел взгляд на Грегори.

— Почему ты здесь? — растерянно спросил Эндрю. — Ты же должен быть на озере, с Мэгги и Филиппом!

— А ты почему здесь? — огрызнулся Грегори. Эндрю быстро посмотрел на полицейских и указал рукой на свой стол.

— Я забыл бумаги, над которыми собирался работать на озере.

— А я приехал, потому что мне позвонила Айви, — сказал Грегори. — Я еще утром попросил ее позвонить мне в случае любой необходимости. — Он посмотрел на Айви, и та ответила ему непонимающим взглядом.

— Ты ведь звонила мне, правда? — спросил он.

— Нет.

На лице Грегори отразилось удивление, потом он крепко сжал руки Айви и отпустил их.

— Вот так номер, — пробормотал он. — Выходит, ты в долгу у какого-то незнакомца.

Грегори повернулся к остальным.

— Когда мы приехали на озеро, я вышел в магазин. Мэгги набрала гору разных припасов, но забыла туалетную бумагу. Когда я вернулся, управляющий сказал, что мне кто-то звонил, но не оставил сообщения. Я решил, что это Айви. У нее сейчас тяжелое время, вы знаете, — добавил Грегори, посмотрев на отца. — И я решил не терять времени и сразу поехал сюда.

— Девочке очень повезло, — сказал один из полицейских.

Пока полицейские задавали свои вопросы, Тристан медленно обходил комнату, пристально вглядываясь в каждое лицо и заглядывая в протокол.

Что с ним происходит в последнее время? Почему он не может видеть, как Грегори прикасается к Айви? Неужели ревнует? Или это все-таки не ревность, а интуиция? Безопасно ли Айви находиться рядом с Грегори?

Интересно, говорил ли Грегори Эрику о том, что Айви останется в доме одна на все выходные? И если нападение — дело рук Эрика, то станет ли Грегори покрывать своего лучшего друга?

Был тут и еще один вопрос. Почему Грегори так зло накинулся на своего отца? Почему ему не понравилось, что Эндрю неожиданно нагрянул домой? Неужели он не поверил объяснениям отца? А может быть, наоборот, счел их чересчур удобными?

Полицейские просидели в доме до самого вечера и задали всем присутствовавшим массу вопросов, но Тристан чувствовал, что они ищут не там, где нужно.

Когда Айви утром во вторник открыла дверь на звонок, она уже знала, что Бет прочитала местную газету. Робко переступив порог, Бет быстро выпалила: «Ну, как ты?», а потом бросилась Айви на шею и едва не задушила в объятиях. Потом она отступила на шаг и залилась краской.

— Все хорошо, — сказала Айви. — Я в полном порядке.

— Ты уверена? — воскликнула Бет. Сейчас она была похожа на перепуганную матушку-сову: огромные круглые глаза и растрепанные выбеленные прядки, выбившиеся из небрежного пучка на макушке. Бет посмотрела на кровоподтек на скуле Айви.

— Это последний писк моды после татуировок, — объявила Айви, с улыбкой дотрагиваясь до своей щеки.

— Твое лицо похоже... на анютины глазки.

Айви расхохоталась.

— То есть, все желтое и лиловое? Что ж, я буду украшением фестиваля! Нужно только подобрать подходящий костюм.

Бет попыталась выдавить улыбку, но прикусила губу.

— Пойдем, — сказала Айви, ведя ее на кухню. — Давай-ка что-нибудь выпьем. Извини, но тебе придется немножко посидеть тут одной. Меня опять будут интервьюировать — в третий раз за эти дни.

— Придут журналисты? Ты даешь интервью газетам?

— Придут полицейские. Я даю интервью только им.

— Полиция? Айви, ты должна рассказать им про... — Бет замялась.

— Про что?

— Про мое компьютерное послание, — тихо проговорила Бет.

— Нет. — Айви выдвинула из-под стойки табурет для Бет. — С какой стати? Это всего лишь странное совпадение, не больше. Ты просто дурачилась и...

Она осеклась, посмотрев в лицо Бет.

— Я не дурачилась.

Айви пожала плечами и бросила зерна в кофемашину.

После злополучного вечера пятницы она вела себя так, будто ничего не произошло, словно она полностью оправилась от пережитого кошмара. Айви было страшно неудобно, что она испортила родным выходные, и она постоянно уговаривала их поменьше хлопотать вокруг нее. Но в глубине души она была счастлива, что ее семья снова дома. Впервые в жизни ей было по-настоящему страшно.

Филипп твердил, что это ангел послал Грегори спасти ее — тот самый ангел, который не дал ему упасть с мостков на дереве. Недавно он обнаружил у себя в комнате фигурку бейсболиста с ангельскими крыльями, и горячо уверял всех в том, что это подарок от светящегося друга его ангела-хранителя.

Айви знала, что ее братишка выдумывает эти сказки только потому, что страшно напуган. Наверное, потеряв Тристана, малыш боялся потерять и ее тоже. Возможно, именно поэтому он постоянно болтал о поезде, который может забраться на гору и схватить Айви.

Разве можно было винить его в этом? После аварии и произошедшего в пятницу, Айви самой повсюду мерещились опасности. И меньше всего на свете ей было нужно, чтобы Бет

таращилась на нее своими круглыми испуганными глазами, как будто видела за ее плечом ангела смерти!

— Бет, ты моя подруга, и ты тревожилась о том, как я тут буду одна — точно так же, как Сюзанна и Грегори. Вся разница в том, что ты писательница и у тебя очень живое воображение, — с улыбкой добавила Айви. — Поэтому все свои тревоги и волнения ты превращаешь в художественные произведения.

Бет с сомнением посмотрела на нее.

— В любом случае, ты ни в чем не виновата. Даже если бы ты была медиумом или экстрасенсом, что из этого? Экстрасенсы просто знают о будущих событиях, а не устраивают их!

Прозвенел звонок, и Айви поспешно вытерла руки о полотенце.

— Так что не вижу никакой причины рассказывать полиции об этом случае!

— О чем рассказать полиции? — спросил Грегори, входя на кухню.

Сегодня он встал раньше, чем обычно, потому что собирался съездить с Сюзанной в Нью-Йорк.

— Если хочешь, расскажи об этом Грегори, — посоветовала Айви, бросаясь к двери.

Рыжеволосый полицейский, посасывая мятный леденец, прогуливался перед крыльцом с таким видом, как будто его заставили ждать целую вечность. Он представился лейтенантом Донелли и выразил желание побеседовать с Айви в кабинете, где произошло нападение.

— Видите ли, — неуверенно ответила Айви, — мой отчим сегодня не поехал в колледж, поэтому если он работает у себя...

— Он дома? Замечательно! — радостно воскликнул детектив. — Мне с ним тоже нужно переговорить.

Через несколько минут Грегори тоже вошел в кабинет Эндрю. Детектив задал им всем вопросы, на большую часть которых они уже отвечали раньше.

Когда с этим было покончено, лейтенант сказал:

— Я пришел снова расспросить вас о событиях пятницы только потому, что прошлой ночью похожий инцидент произошел в Риджфилде.

Та же картина взлома, похожий почерк нападающего. Жертвой тоже стала девушка, учащаяся средней школы. Ей тоже надели мешок на голову. Надеюсь, вы понимаете, что если наш знакомый ответственен за целую серию подобных нападений, мы должны скрупулезно изучить все общие моменты. Только так мы сможем установить стиль преступника, вычислить его — и поймать!

— То есть вы утверждаете, — медленно спросил Эндрю, — что нападение на Айви было случайностью, а не преступлением, совершенным человеком, который лично знал мою падчерицу и желал ей зла?

— Мы пока ничего не утверждаем, — ответил детектив, наклоняясь вперед и выразительно приподнимая кустистые рыжие брови, — и я с интересом выслушаю все другие версии.

— У меня нет никаких версий, — сухо заявил Эндрю. — Я просто хочу знать, может ли моя приемная дочь чувствовать себя в безопасности или нет!

— У вас есть причины тревожиться за ее безопасность? Вы знаете, кто может желать зла членам вашей семьи?

— Нет, — ответил Эндрю и повернулся к Грегори. — То есть, я так не думаю, —

медленно проговорил он. — А что скажешь ты, Грегори?

Грегори долго молчал, собираясь с мыслями.

— Нет.

Эндрю снова повернулся к детективу.

— Мы просто хотим знать, можем ли перестать беспокоиться за безопасность Айви.

— Конечно, я прекрасно вас понимаю, — сказал Донелли. — И надеюсь, вы тоже понимаете — мы не можем дать таких гарантий. — Он вручил Айви свою визитную карточку: — Позвоните мне, если вспомните что-то еще.

— А та девушка, в Риджфидце? — спросила Айви, удержав детектива за рукав. — С ней все в порядке?

Губы детектива сжались в тонкую полоску. Он дважды покачал головой.

— Она мертва, — тихо ответил он, открывая дверь возле заново остекленного окна. — Не провожайте, я найду дорогу.

Как только он ушел, Айви вихрем бросилась наверх, чтобы никто не видел ее слез. Но Грегори перехватил ее на середине лестницы. Айви вырвалась и упала на четвереньки. Он поднял ее и прижал к себе.

— Айви. Поговори со мной. Что случилось?

Она снова вырвалась и упрямо сжала губы.

— Что случилось?

— Ты еще спрашиваешь! Ее убили! И это могло случиться со мной! Если бы ты не пришел в последний момент, если бы ты не спугнул его, то... — слезы градом хлынули у нее из глаз.

— Но этого не случилось, — тихо, но твердо ответил Грегори, усаживая ее на ступеньку.

«Только не уходи! — молча взмолилась Айви. — Пожалуйста, не уезжай в Нью-Йорк с Сюзанной! Мне ты нужен больше, чем ей».

В следующий миг ей стало стыдно за свои эгоистичные мысли.

Грегори бережно стер слезы с ее щек.

— Прости, — прошептала Айви.

— За что?

— За то, что я веду себя, как... как...

— Как человек?

Она устало привалилась головой к его плечу. Грегори убрал волосы с ее лица и зарылся пальцами во вьющиеся пряди.

— Знаешь, мой отец прав. Самому не верится, но на этот раз старик Эндрю попал в точку. Я очень сочувствую семье той девушки, но в то же время у меня словно гора с плеч свалилась. Теперь мы знаем, что нападение не было рук кого-то знакомого, — он посмотрел ей в лицо. — Значит, можно перестать подозревать Уилла, — пошутил Грегори.

Но Айви даже не улыбнулась.

— Разумеется, мы не можем полностью очистить его от всех подозрений. Возможно, у него есть тайная жизнь, о которой мы даже не догадываемся. Он всегда такой таинственный и молчаливый...

Но Айви все равно не улыбнулась. Она старалась как можно дольше задержать дыхание, чтобы справиться с нервной икотой.

— Тебе пора идти, Грегори, — сказала она. — Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени?

Сюзанна не любит ждать.

— Я знаю, — проговорил Грегори и, отстранив Айви от себя, внимательно посмотрел ей в лицо.

«Смотрит ли он так на Сюзанну? — неожиданно подумала Айви. — Так же пристально, словно хочет прочесть ее мысли? Смотрит ли он в ее глаза так, как смотрит в мои? Заботится ли о ней так, как обо мне?»

Айви снова стало мучительно стыдно перед подругой и, наверное, она не сумела этого скрыть.

— Что? — спросил Грегори. — О чем ты думаешь?

— Ни о чем. Тебе пора идти.

Но Грегори по-прежнему не сводил глаз с ее лица.

— Когда будешь внизу, будь добра, скажи Бет, что я сейчас спущусь.

Грегори пожал плечами и отпустил ее.

— Конечно.

Айви бросилась вверх по лестнице. Какая жалость, что она не сможет провести целый день вдвоем с Бет! С ней Айви было бы гораздо спокойнее и уютнее. Если ей не захочется разговаривать о чем-то, Бет сразу поймет это и сменит тему. К сожалению, она уже договорилась поужинать вечером с Сюзанной, после того, как они с Грегори вернуться из Нью-Йорка. Айви вовсе не улыбалось в тысячный раз обсуждать детали своего чудесного спасения, героического поведения Грегори и подробности сегодняшнего свидания в стиле «я сказала, а он сказал».

Айви проходила мимо комнаты Грегори, когда услышала телефонный звонок. Она задержалась, размышляя, стоит ли снять трубку или позволить включиться автоответчику.

Подумав, она решила, что это, наверное, звонит Сюзанна, чтобы выяснить, куда запропастился Грегори. Айви остановилась возле двери: если это окажется Сюзанна, то она снимет трубку и скажет, что Грегори уже выехал.

Раздался сигнал автоответчика. Последовала пауза, а затем сбивчивый голос произнес: «Это я. Мне нужны деньги, Грегори. Ты знаешь, что мне не хочется обращаться к твоему старику. И ты отлично знаешь, что будет, если я не получу денег. Мне нужны деньги, Грегори. Немедленно».

Звонивший отсоединился, не назвав своего имени, но Айви без труда узнала его по голосу.

Звонил Эрик.

Айви побарабанила пальцами по плетеному креслу, взглянула на пруд за домом Голдстайнов и снова посмотрела на часы. Куда запропастилась Сюзанна? Наверное, она забыла об ужине! Они договорились встретиться в половине седьмого, а теперь было уже двадцать пять минут восьмого.

Айви была раздосадована долгим ожиданием, тем более что ей вообще не хотелось встречаться с Сюзанной в этот вечер. Она приехала только потому, что считала себя обязанной проявить внимание к лучшей подруге.

— «Твоя лучшая подруга навечно», — еле слышно произнесла она. Дома у Айви была целая коробка с письмами и записочками, которые Сюзанна писала ей с четвертого класса, когда ей было скучно сидеть на занятиях. И все свои письма она подписывала одинаково: «Твоя лучшая подруга навечно».

Навечно... На самом деле с появлением Грегори отношения между Айви и Сюзанной стали совсем не такими, как раньше. И Сюзанна была виновата в этом не меньше, чем Айви.

Айви резко встала с кресла и начала спускаться по лестнице.

И тут с другой стороны дома раздался шум подъезжающей машины. Хлопнула дверца. Айви обогнула дом и остановилась.

Грегори и Сюзанна медленно шли к крыльцу: обнявшись, тесно прижимаясь друг к другу, голова Сюзанны лежала на плече у Грегори. Айви пожалела, что не уехала раньше — гораздо раньше.

Грегори первый заметил ее и остановился. Сюзанна тоже подняла голову.

— Ой, Айви! Привет! — удивленно протянула она. В следующий миг она ахнула и схватилась руками за голову. — О, нет! Боже, я же совсем забыла! Прости меня, прости. Я думала, ты не станешь ждать так долго.

«Значит, ты ни о чем не забыла, — сухо подумала Айви. — Ты отлично знала, что я буду ждать тебя с половины седьмого. А теперь я устала и умираю с голоду». Она не стала говорить этого вслух, но в то же время не желала подыгрывать Сюзанне, заверяя ее в том, что недавно приехала и прекрасно провела время. Хотя, Сюзанна, похоже, ждала от нее именно этого.

Айви молча посмотрела на свою лучшую подругу, предоставляя той самой сделать все необходимые выводы.

Грегори тоже почувствовал напряжение, возникшее между подругами, и поспешил вмешаться.

— Просто мы в последний момент решили перекусить пиццей у Челентано. Мы же не знали, что ты здесь! Жаль, что тебя не было с нами, мы бы отлично провели время!

Он был награжден сразу двумя свирепыми взглядами: Сюзанну возмутил намек на то, что присутствие Айви украсило бы их романтический ужин, а Айви взбесила отведенная ей роль компаньонки на свидании. Можно подумать, она не знает, что в таких делах третий всегда лишний!

Грегори убрал руку с талии Сюзанны, отступил к своей машине и открыл дверцу.

— Я так понял, у вас тут намечается серьезный разговор с полосканием грязного белья. Пожалуй, я вас оставлю, пока вы не втянули меня в свою мыльную оперу.

«Ты и есть герой мыльной оперы!» — сердито подумала Айви.

— Можешь остаться, — предложила Сюзанна. — Парни обожают сплетни.

Грегори принужденно рассмеялся, позвенел на прощание ключами от машины и уехал.

— Я валюсь с ног, — сказала Сюзанна, бросаясь на ступеньку крыльца и усаживая Айви рядом с собой. — Манхэттен летом — это, я тебе скажу, настоящее безумие. Ты бы видела эти толпы на Таймс-сквер, ожидающие очередного явления...

Она резко замолчала, но Айви догадалась, о чем речь. Она тоже читала заметку о превращении Барбары Стрейзанд в ангелочка.

Сюзанна протянула руку и очень бережно дотронулась до лица Айви.

— Интересно, в больнице не устали от твоих посещений?

Айви невесело усмехнулась.

— Как ты? — спросила Сюзанна.

— Хорошо... правда, — кивнула Айви, увидев сомнение в глазах подруги.

— Фантазируешь?

— Я устала от фантазий, — отрезала Айви.

— Да уж, с тобой непросто, — покачала головой Сюзанна. — И еще ты хочешь есть и готова меня убить.

— Страшно хочу и почти готова, — уточнила Айви, когда Сюзанна подняла ее со ступенек и принялась рыться в своей сумочке в поисках ключей.

Мята, смешной карликовый шпиц Сюзанны, приветствовала их радостным лаем, предвкушая вкусный ужин. Подруги бросились на кухню.

Пока Сюзанна кормила Мяту, Айви изучала содержимое плотно забитого холодильника Голдстайнов. Она остановила свой выбор на большой миске домашнего супа. Сюзанна выставила на стол здоровенный шоколадный кекс и несколько маффинов с лимонной глазурью. Отрезав себе кусок кекса, она принялась раскачиваться на стуле.

— Я его заарканила, Айви, — сообщила она. — Грегори у меня на крючке. Мне осталось только вытянуть леску.

— Мне казалось, ты собиралась начать вытягивать еще на прошлой неделе, а может быть, даже на позапрошлой, — заметила Айви.

— Ты права. Именно поэтому мне нужна твоя помощь, — быстро сказала Сюзанна. — Понимаешь, с Грегори никогда нельзя быть уверенной на сто процентов. Мне нужно знать, не встречался ли он с кем-нибудь в эти выходные. Не нравится мне эта ситуация... Я была в отъезде, он вынужден был уехать с озера из-за происшествия с тобой, а значит, остался без надзора... Вдруг он решил позвонить какой-нибудь...

— Мне об этом ничего неизвестно, — сказала Айви, зачерпывая ложкой лапшу.

— Как это может быть? Ты же живешь с ним под одной крышей!

— В субботу утром он был дома. Днем мы играли в теннис, потом поехали по магазинам. Вечером Грегори пошел в кино со мной и Филиппом. Днем в воскресенье он ненадолго уезжал, но в остальное время был с Филиппом и со мной.

— И с тобой... Все-таки здорово, что ты моя лучшая подруга и одновременно сводная сестра Грегори! — заметила Сюзанна. — Иначе я бы с ума сходила от ревности и подозрений. Ты уж там смотри в оба, поняла?

— Угу, — без особого энтузиазма отозвалась Айви.

— Как прошел понедельник? Грегори уезжал куда-нибудь?

— Утром, ненадолго. И еще поздно вечером. Сюзанна, мне немного неловко докладывать тебе об этом.

— Это еще почему? — оскорбилась Сюзанна. — Ты вообще на чьей стороне?

Айви обмакнула крекер в суп.

— Мне не кажется, что тут есть враждующие стороны.

— Это еще что за новости? — возмутилась Сюзанна. — Ну-ка, отвечай, кому ты больше предана — мне или Грегори? Знаешь, сначала я думала, что ты его терпеть не можешь. Мне казалось, что он тебе совсем не нравится, но ты ничего не говоришь, чтобы не огорчать меня.

— Так оно и было, — кивнула Айви. — Просто я тогда еще плохо его знала. Но теперь все изменилось, понимаешь? Он мне очень близок, но и ты тоже близка, а поскольку ты хочешь его получить...

— Я его получила, — перебила Сюзанна.

— А поскольку ты его получила, а меня заарканила за много лет до этого, то как я могу быть на чьей-то стороне?

— Не будь такой наивной, — недовольно буркнула Сюзанна. — В любви всегда есть

враждующие стороны. — Она с размаху вонзила нож в кекс. — Любовь — это война.

— Не надо, Сюзанна.

Сюзанна прекратила кромсать кекс.

— Чего не надо?

— Не поступай с ним так.

Сюзанна выпрямилась.

— Что это значит? — на этот раз в ее голосе прозвучал отчетливый холодок.

— Не играй с ним. Не мучай его, как ты мучила всех других парней. Он заслуживает лучшего, гораздо лучшего!

Какое-то время Сюзанна молчала.

— Знаешь, что тебе нужно, Айви? Свой собственный парень для экспериментов.

Айви уставилась в тарелку.

— И Грегори полностью со мной согласен.

Айви резко вскинула глаза.

— Грегори считает, что Уилл — идеальный вариант для тебя.

— Тристан был идеальным вариантом для меня.

— Был, — безжалостно подчеркнула Сюзанна. — Был. Жизнь продолжается, и тебе рано или поздно придется идти дальше.

— Я пойду, когда буду готова, — тихо ответила Айви.

— Ты должна избавиться от прошлого, — посоветовала Сюзанна, накрывая рукой запястье Айви. — Хватит вести себя, как маленькая девочка! Ты не можешь вечно держаться за ручку старшего брата Грегори.

Айви отвернулась.

— Ты должна начать встречаться с другими парнями. И начать лучше всего с Уилла.

— Замолчи, Сюзанна.

— Мы с Грегори с удовольствием устроим вам свидание.

— Я сказала: замолчи!

— Как скажешь!

Сюзанна отрезала почти прозрачный ломтик кекса и грозно наставила нож на Айви.

— Но в таком случае, ты тоже замолчи и прекрати советовать мне, что делать, слышишь? Я тебя предупреждаю: не суйся между мной и Грегори.

Айви не поняла, что она хотела этим сказать. Что значит — не суйся? Не давать советов или перестать держаться за ручку Грегори?

Подруги опустили глаза и молча закончили свою еду. Мята сидела между их стульев, непонимающе поглядывая то на одну, то на другую. Наконец, когда молчание стало совершенно невыносимым, подруги с трудом нащупали безопасную тему и обсудили свадьбу, на которой побывала Сюзанна. Вернее, Сюзанна говорила, а Айви кивала головой, думая о том, что очень скоро ей вновь предстоит потерять кого-то из тех, кого она любила.

— Дай нам еще немного времени, Филипп, — попросила Айви. — Мы хотим посмотреть остальные картины.

— Тогда я пойду, поищу Грегори.

Айви поспешно обернулась и поймала братишку за футболку.

— Не сегодня, Филипп. Побудь со мной и Бет.

Последние четыре дня Айви держалась подальше от Грегори, встречаясь с ним только, когда семья собиралась за столом, да случайно сталкиваясь в коридоре. Всякий раз при такой встрече она старательно избегала долгих разговоров. Когда Грегори специально разыскивал ее — а чем больше она его избегала, тем настойчивее он ее искал — Айви говорила, что ей нужно срочно идти в музыкальную комнату и репетировать.

Она видела, что Грегори озадачен и раздосадован дистанцией, которую Айви пыталась установить между ними. Но что еще ей оставалось делать? В последнее время они слишком сблизилась. Айви сама не заметила, как привязалась к Грегори и стала зависеть от него. Если она не остановится прямо сейчас, то потеряет дружбу Сюзанны!

Айви, Грегори и Филипп встретились с Бет и Сюзанной в конце Мэйн-стрит, где начинались павильоны и эстрады ежегодного фестиваля. Сюзанна немедленно взяла Грегори под ручку и повела его прочь от Айви и Филиппа. В ответ Айви потащила Филиппа в противоположную сторону, а Бет в растерянности осталась стоять на тротуаре.

— Идем с нами! — позвала ее Айви. — Мы идем смотреть картины.

Выставка была устроена вдоль узкой улочки старых магазинов, отходящей от Мэйн-стрит. Разношерстная толпа горожан — женщины с детскими колясками, старушки в соломенных шляпках, дети с раскрашенными лицами и парни, одетые клоунами — бродили от стенда к стенду, рассматривая картины и пытаясь угадать автора. У каждой картины было название и номер, но имена авторов скрывались до следующего дня, когда независимое жюри должно было выбрать победителя.

Айви, Бет и Филипп почти закончили осмотр, когда Филипп вдруг начал капризничать и рваться на поиски Грегори.

Чтобы отвлечь его, Айви указала на какую-то странную картину маслом.

— Как ты думаешь, что тут нарисовано?

— «Вещи», — хмуро прочитал название картины Филипп.

— А мне кажется, что это ряд тюбиков с губной помадой, — сказала Бет, — или осенние деревья! А может быть, это рождественские свечи? Или бутылки с кетчупом? Или ракеты на закате?

— А по-моему, это просто глупость, — громко объявил Филипп, скорчив гримасу.

— Ш-ш-ш-ш! Филипп, не кричи, — попросила Айви. — Вдруг художник стоит рядом с нами и все слышит? Ему будет неприятно.

Филипп обернулся — и лицо его вдруг разгладилось.

— А вот и нет тут никакого художника! — крикнул он. — Зато тут стоит ан... — он замолчал.

— Кто? — спросила Бет.

Айви быстро обернулась. Сзади никого не было.

— Никто, — пожал плечами Филипп, а потом тихонько вздохнул.

Они подошли к последнему стенду с четырьмя акварелями.

— Боже! — ахнула Бет. — Какое чудо! Это восхитительно! Номер тридцать три, кто бы ты ни был, ты мой победитель.

— И мой, — согласилась Айви, любуясь нежными прозрачными красками, игравшими жизнью и светом.

— Я бы хотела сидеть здесь, позабыв о времени, — сказала она, указывая на пейзаж с заросшим садом. — Какое спокойствие и безмятежность!

— А мне нравится змей, — заявил Филипп.

Айви подумала, что только маленький мальчик мог найти на этой очаровательной картине змею, хитро спрятанную в траве.

— А я бы хотела поговорить с женщиной с последней картины, — сказала Бет.

Женщина сидела под деревом, отвернув лицо от художника. Вокруг нее, осыпая с ног до головы, бушевал вихрь цветов — белых, сияющих цветов яблони, при взгляде на которые Айви почему-то подумала о холодном снеге. Она посмотрела на название. «Слишком рано».

— В этой картине заключена какая-то история, — тихо прошептала Бет.

Айви кивнула. Она знала эту историю, вернее, очень похожую — историю о безвозвратной утрате кого-то, кого ты не успел...

Глаза ее наполнились слезами. Айви быстро поморгала и сказала:

— Так, мы посмотрели все картины. Теперь идем спускать деньги!

— Ура! — завопил Филипп. — На аттракционы?

— Глупыш, нет тут никаких аттракционов? На таких фестивалях их не бывает.

— Нет аттракционов? — ошеломленно повторил Филипп, застывая на месте. Казалось, он никак не мог понять, как такое возможно. — Нет аттракционов!

— Похоже, у нас будет очень долгий день, — удрученно сказала Айви, поворачиваясь к Бет.

— Может, попробуем покормить его сладостями? — предложила Бет.

— Я хочу домой, — насупился Филипп.

— Давайте прогуляемся по Мэйн-стрит, — предложила Айви, — и поглядим, что там продают.

— Это скучно! — отрезал Филипп, угрожающе поджимая губы. Айви поняла, что сейчас у них будут большие неприятности. — Я пойду поищу Грегори.

— Нет! — рявкнула Айви так грозно, что Бет изумленно посмотрела на нее.

— У него свидание, Филипп, — взяв себя в руки, объяснила Айви. — Мы не можем ему мешать.

Филипп надулся, как мышь на крупу, и принялся шаркать ногами с таким видом, как будто прошел пешком многие мили и совершенно выбился из сил. Бет молча шла рядом с ним, украдкой бросая косые взгляды на Айви.

— Это несправедливо по отношению к Грегори, — сказала Айви, как будто Бет просила у нее объяснений. — Он не привык повсюду таскать за собой капризного девятилетнего мальчика.

— Ну да, — сказала Бет, поспешно отводя глаза.

Судя по всему, она догадалась, что это не единственная причина упорства Айви.

— Да, конечно, Сюзанна тоже к этому не привыкла!

— Я так и подумала, — мягко заметила Бет.

— Мне скучно, скучно, скууучно, — заныл Филипп. — Я хочу домой.

— Ну так отправляйся! — рявкнула Айви.

Бет поспешно поглядела по сторонам.

— Может быть, сфотографируемся? — предложила она. — Здесь каждый устраивают площадку под названием «Фотостудия Дикого Запада». У них есть разные костюмы, в которые можно нарядиться перед съемкой. Это очень весело, честно!

— Отличная мысль, — с облегчением ответила Айви. — Да я готова наделать снимков на три альбома, лишь бы отвлечь его, — негромко шепнула она Бет.

Прямо перед фотоателе был устроен небольшой помост под тентовой крышей, похожий на маленькую театральную сцену. Здесь было несколько декораций, вешалки с костюмами, возле которых суетились дети и взрослые, а также различные аксессуары — пистолеты, деревянные кружки и бутафорская голова бизона из искусственной шерсти. Дребезжащие звуки пианино придавали сцене атмосферу настоящего салуна.

Фотограф щеголял в ковбойской шляпе, жилете и кожаных штанах в обтяжку.

— Классный, — оценила Бет, любуясь им сзади. — Очень классный.

Айви улыбнулась.

— Обожаю парней в сапогах, — сказала Бет несколько громче, чем следовало.

Ковбой обернулся.

— Уилл!

Уилл расхохотался, а Бет побагровела от смущения. Заметив это, Уилл похлопал ее по руке, а потом вежливо кивнул Айви. Филипп уже стоял возле вешалок с костюмами.

— Как дела? — спросил Филипп.

Бет с размаху хлопнула себя по лбу.

— Вот я балда! Совершенно забыла, что ты работаешь в этом ателье!

Уилл улыбнулся ей веселой и искренней улыбкой. Глаза его прятались в тени ковбойской шляпы, но Айви все равно заметила, что когда Уилл перевел взгляд с Бет на нее, улыбка его стала заметно сдержаннее и суше.

— Хотите сфотографироваться?

Филипп уже вовсю рылся в одежде.

— Наш кавалер очень хочет, — засмеялась Бет, поворачиваясь к Айви.

— Кавалер?

— Мой брат, Филипп, — пояснила Айви, глядя, как ее братишка деловито втискивается между двумя парнями такого роста, что их запросто взяли бы в профессиональную футбольную команду. — Вон он, тот, что поменьше.

Уилл кивнул.

— Пожалуй, я провожу его к другой вешалке, — сказал он. — Женские костюмы вон там, — добавил он через плечо, кивая на стойки, вокруг которых суетилась стайка девушек.

Некоторые из девушек были старше Айви и Бет, другие выглядели намного моложе, но все они смотрели на Уилла и хихикали.

— Эй, ковбой, — негромко бросила Бет в спину удалявшемуся Уиллу. — Мне кажется, что возле той вешалки твоя помощь нужна гораздо больше!

— Там отлично справятся без меня, — ответил Уилл, не оборачиваясь.

«Какая попка!»

Уилл замер.

Бет уставилась на Айви, а Айви — на Бет. Айви прекрасно знала, что не говорила ничего подобного, но Бет вела себя так, словно для нее эти слова стали такой же

неожиданностью. Ее голубые глаза блестели от изумления и сдерживаемого смеха.

— Я этого не говорила!

— Я тоже.

Уилл покачал головой и пошел дальше.

«Не говорила, но подумала!» — произнес невидимый голос.

Айви обернулась.

— Ну, может быть, и подумала, — признала Бет, — но...

Уилл обернулся.

— Я этого не говорила! — воскликнула Айви.

— Чего не говорила? — переспросил Уилл.

Айви не сомневалась в том, что он все прекрасно слышал.

— Что у тебя... То есть, что я подумала... Что... — Она посмотрела на Бет. — Ладно, не обращай внимания. Пустяки.

— О чем она говорит? — спросил Уилл у Бет.

— Что-то насчет твоей задницы, — ответила та.

Айви в ужасе всплеснула руками.

— Неправда! Я совершенно не интересуюсь его задницей! — закричала она.

Шум голосов под тентом мгновенно стих. Наступила тишина. Все смотрели на Уилла, потом перевели глаза на Айви.

— Может, хочешь полюбоваться моей? — спросил один из «футболистов».

— О, черт! — простонала Айви.

Уилл не выдержал и расхохотался.

— Ты вся красная, — сказала Бет, глядя на Айви.

Айви прижала ладони к пылающим щекам. Бет схватила ее за руку и потащила прочь.

— Румянец идет тебе гораздо больше, чем боевая раскраска под анютины глазки.

Через пятнадцать минут Айви страдальчески морщилась перед зеркалом, а Бет с трудом застегивала на ней молнию.

— Если я наклонюсь, Уилл сделает сногшибательный кадр.

— Он сделает сногшибательный кадр даже в том случае, если ты выпрямишься, — заметила Бет.

Они решили одеться танцовщицами из салуна в одинаковых красно-черных платьях — «разбитными плюшками», как выразилась Бет.

— Я не возражаю против того, чтобы мой муженек был законопослушным, — проговорила Бет протяжным южным говорком, проводя ладонями по своим пышным бедрам, — но только до тех пор, пока он слушается моих законов!

Айви рассмеялась и посмотрела на себя в зеркало. Бет дала ей платье на размер меньше, выставлявшее напоказ все изгибы и округлости.

Айви страшно стеснялась выходить из примерочной, хотя Бет сообщила ей, что «футболисты» уже ушли. Но Айви боялась совсем не футболистов: она прекрасно знала, что сумеет поставить на место чересчур развеселившихся мачо. Она стеснялась Уилла.

Возможно, Уилл тоже почувствовал это, потому что когда девушки вышли из кабинки, он протянул руку в сторону Бет и воскликнул:

— О, мисс Лизи, вы сегодня убийственно прекрасны! И вы тоже, мисс Айви, — тихо добавил он.

— А я, а я? — нетерпеливо спросил Филипп. Штаны с бахромой и жилет были ему

почти впору, но широкополая ковбойская шляпа оказалась велика чуть ли не на десять размеров.

— Ужасный, — сказал Уилл. — Ужасный и прекрасный, вот только я совсем не вижу твоего подбородка.

Айви рассмеялась и сразу перестала смущаться.

— Не возражаешь, если мы подберем тебе другую шляпу?

— Только черную, — потребовал Филипп.

— Слушаюсь, дружище.

Уилл нашел другую шляпу и выстроил всех троих перед камерой. Потом сдвинул шляпу на затылок и скрылся за фотоаппаратом.

Это был современный аппарат, спрятанный в старом корпусе, который при нажатии кнопки выпускал большое облачко дыма — это тоже было частью представления. Но когда дым рассеялся, Уилл, как ошпаренный, выскочил из-за ящика. Он выглядел так комично, что Айви поначалу приняла это за очередную часть шоу. Но взгляд, которым Уилл смотрел на них троих, заставил ее обернуться.

— Я... хм... Сейчас сделаю еще один кадр, — выдавил Уилл. — Встаньте еще раз, как стояли.

Они послушно выстроились перед камерой и дождались второго облачка дыма.

— А что было не так в первый раз? — спросила Бет.

— Я пока не знаю, — пробормотал Уилл, как-то загадочно переглянувшись с Бет. Потом он покачал головой, так что шляпа съехала ему на глаза. — Фотографии будут готовы через несколько минут. Вам две или три копии? — спросил Уилл.

— Две будет вполне достаточно, — ответила Айви. — Одну Бет, вторую нам с Филиппом.

— Я хочу собственную фотографию! — заявил Филипп.

— И я тоже, — раздался еще один голос у них за спиной.

Все обернулись.

— Здорово, приятель! — воскликнул Грегори, протягивая руку Филиппу. — Дамы, мое почтение.

Он впился глазами в Айви и медленно оглядел ее с головы до ног.

Сюзанна тоже быстро окинула ее взглядом.

— С мылом пришлось втискиваться? — язвительно спросила она. — Удивительно, как народ еще не собрался поглазеть на такое чудо!

Уилл демонстративно подтянул свои тесные брюки.

— Это ты обо мне? — с напускным недоумением поинтересовался он.

Грегори рассмеялся. Бет прыснула следом, а потом робко покосилась на Сюзанну. Та даже не улыбнулась.

Уилл вставил обе кассеты в проявочную машину и занялся с новой группой клиентов.

— Понимаешь, Сюзанна, там было только два одинаковых платья, — быстро заговорила Айви, — а мы с Бет хотели нарядиться похоже, поэтому она взяла себе побольше, а я... Ну скажи ей, Бет!

Бет послушно повторила это объяснение, но Сюзанна нисколько не смягчилась. И тогда Айви рассердилась. Почему она должна постоянно оправдываться? С какой стати, в конце концов? И потом, это совершенно бесполезно. По крайней мере, до тех пор, пока Грегори не перестанет заглядываться на других девушек. Жаль только, что он не смотрит такими же

глазами на Бет.

Айви повернулась в сторону примерочной.

Грегори поймал ее за руку.

— Мы тебя подождем, — шепнул он. — Мы хотим посмотреть картины Уилла.

Айви заметила, что Сюзанна пристально смотрит на нее, барабаня пальцами по вешалке, и на щеках ее пылают алые пятна.

— Мы уже видели все картины, — сказала Айви.

— Хотя и не знаем, какие из них Уилла, — вставила Бет. — Имена художников скрыты до завтрашнего дня.

— Акварели, — сказал Грегори.

— Акварели? — хором ахнули Бет и Айви.

— Уилл! — крикнул Грегори. — Какой твой номер?

— Тридцать три, — ответил тот, возясь с фотокамерой.

Бет и Айви переглянулись.

— Оказывается, это ты нарисовал сад, в котором Айви хотела бы поселиться, — прошептала Бет.

— И змея, — вставил Филипп.

— И женщину, усыпанную белыми цветами, как снегом, — медленно проговорила Айви.

— Да, — кивнул Уилл, рассаживая клиентов.

— Но это просто чудесно! — воскликнула Бет.

— А мне понравился змей, — упрямо повторил Филипп.

Айви, не говоря ни слова, смотрела на Уилла. Теперь он снова стал замкнутым и отчужденным Уиллом О'Лири, и вел себя так, словно картины, которыми они так дружно восхищались, ничего для него не значили. Внезапно Айви заметила, как он быстро повернул голову, словно хотел убедиться, здесь ли она. Наверное, хотел услышать ее отзыв о своих картинах.

— Твои акварели по-настоящему... — начала Айви и беспомощно замолчала. Все слова внезапно показались ей пустыми и бессмысленными.

— Все нормально, — сказал Уилл, оборвав ее, прежде чем она смогла подыскать подходящее определение.

— Не хотите взглянуть еще разок? — нетерпеливо спросил Грегори.

— Уже бежим! — ответила Бет, бросаясь в примерочную.

Филипп тоже помчался переодеваться, на ходу сбрасывая с себя одежду.

— Я не могу, — твердо сказала Айви Грегори. — В пять часов я буду играть, и мне нужно...

— Порепетировать? — перебил он, и глаза его недобро сверкнули.

— Мне нужно время, чтобы собраться, подумать о том, что я буду играть, — спокойно ответила Айви. — Я не могу делать это на людях.

— Жаль, что ты не можешь! — сказала Сюзанна, и Айви поняла, что выиграла. И все-таки ей было больно смотреть, как Грегори молча отворачивается и уходит.

Она провозилась в примерочной до тех пор, пока не убедилась, что все разошлись. Когда она вышла, на сцене осталось всего двое клиентов, со смехом примерявших шляпы.

Уилл, сидя в шезлонге, рассматривал фотографии. Завидев Айви, он быстро перевернул какую-то карточку обратной стороной.

— Спасибо за визит, — сказал он.

— Уилл, ты так и не позволил мне сказать, как мне понравились твои картины. Я просто не сразу смогла найти нужные слова, но...

— Я не охочусь за комплиментами, Айви, — сухо сказал он.

— А мне все равно, за чем ты охотишься, а за чем нет! — отрезала она, плюхаясь в шезлонг напротив него. — Я все равно хочу это сказать.

— Хорошо, — кивнул он, слегка приподняв уголок рта. — Давай.

— Я хотела сказать про картину «Слишком рано».

Уилл снял шляпу. Айви вздохнула про себя. Она предпочла бы, чтобы он этого не делал. Почему-то — причем, в последнее время все чаще — ей было очень трудно говорить, глядя в его глаза. Айви много раз твердила себе, что это обычные темно-карие глаза — ничего особенного! — но стоило ей заглянуть в них, как ей начинало казаться, будто она парит в невесомости.

Она где-то прочитала, что глаза — это окна в душу. Окна Уилла были распахнуты настежь.

Айви посмотрела на свои руки.

— Иногда, особенно когда что-то глубоко трогает тебя, очень трудно найти нужные слова. Можно сказать: «красиво», «восхитительно», «прекрасно», но эти слова не передадут твои чувства, особенно если помимо всего этого картина заставляет тебя... заставляет чувствовать боль. Твоя картина именно такая. — Айви разжала стиснутые пальцы. — Вот и все.

— Спасибо, — сказал Уилл.

На этот раз Айви посмотрела на него — и это было ошибкой.

— Айви...

Она попыталась отвернуться, но не смогла.

— ... как ты?

— Прекрасно. Честное слово.

Почему, ну почему она должна снова и снова повторять эти слова? И почему именно сейчас, когда она сказала их Уиллу, ей показалось, что он видит за этой привычной ложью настоящую правду?

— Я тоже должен тебе кое-что сказать, — вздохнул Уилл. — Будь осторожна.

Она почувствовала, что он посмотрел на ее щеку, на которой еще недавно красовался синяк. Теперь на его месте осталось только бледное пятно, и Айви приходилось тщательно маскировать его тональным кремом и пудрой.

— Пожалуйста, будь осторожна. Не забудь.

— С какой стати я должна об этом забывать? — сердито спросила она.

— Иногда люди забывают.

Айви хотела крикнуть: «Да что ты понимаешь, ведь ты никогда не терял того, кого любил!», но удержалась. Она вспомнила, как Грегори сказал, что Уилл в прошлом тоже пережил тяжелое время. Может быть, он как раз понимает, о чем говорит.

— Кто эта женщина на твоей картине? — спросила она. — Это кто-то, кого ты знал?

— Это моя мать. Мой отец до сих пор не может смотреть на эту картину, — ответил Уилл. Он мотнул головой, отгоняя эту мысль, и наклонился к Айви. — Будь осторожна, Айви. Не забывай, что рядом с тобой есть люди, которые потеряют все, если потеряют тебя.

Айви отвернулась.

Уилл дотронулся до ее лица. Айви инстинктивно отдернулась, когда он прикоснулся к ее разбитой щеке. Но Уилл не сделал ей больно и не отпустил ее. Он взял ее рукой за затылок, и Айви уже не смогла отстраниться.

— Будь осторожна, Айви. Будь осторожна! — его глаза как-то странно заблестели. — Я говорю тебе — *будь осторожна!*

Айви изумленно вытаращила глаза. А потом вырвалась, вскочила и бросилась прочь.

Тристан в полном изнеможении лежал на траве. Парк в конце Мэйн-стрит быстро заполнялся людьми. Расстеленные одеяла для пикника, как яркие плоты, пестрели на зеленом море травы. Дети с визгом носились друг за другом. Собаки натягивали поводки и приветствовали друг друга, тычась носами. Двое подростков целовались. Пожилая пара наблюдала за ними из-под солнцезащитных очков, женщина улыбалась.

Лэйси вернулась с осмотра парковой эстрады, которую готовили для пятичасового концерта. Она растянулась на траве рядом с Тристаном и подмигнула ему.

«Это была дурацкая затея!»

Он так и знал, что она скажет нечто похожее.

«В какой части?» — уточнил Тристан. В конце концов, день выдался долгий и полный разных событий.

«В той, когда ты попытался пробраться в сознание Грегори, — фыркнула Лэйси. — Удивительно, что он не зашвырнул тебя в Манхэттен! Или в Лос-Анджелес».

«Я был в отчаянии, Лэйси! Я должен был понять, в какую игру он играет с Айви и Сюзанной!»

«И ты решил, что найдешь ответы в его голове? — недоверчиво переспросила Лэйси. — Бедный остолоп! Спросил бы меня, что ли. Твой Грегори играет в обычную игру, в которую парни испокон веков играют с девушками. Морочит голову доступной простушке и одновременно преследует Мисс Недоступность! — Она склонилась над Тристаном. — Я права?»

Тристан не ответил. Его беспокоила не только любовная интрига, которую разыгрывал Грегори. С тех пор, как он установил связь между смертью Каролины и заказом, который Айви в тот день доставляла по соседству, Тристану не давала покоя одна мысль — чем объясняется неожиданный интерес Грегори к Айви? Зачем он так старается сблизиться с ней? Почему постоянно крутится рядом?

«Надеюсь, ты получил хороший урок», — хмыкнула Лэйси.

«У меня дикая головная боль, — ответил он. — Довольна?»

Лэйси легонько положила ладонь ему на лоб и негромко шепнула:

«Если это тебя утешит, то знай — у Грегори гоже».

Тристан изумленно уставился на нее, пораженный этим неожиданным проблеском сочувствия.

Лэйси тут же убрала руку и отстранилась.

«Зачем ты преследовал Филиппа и забирался в его сознание? — резко спросила она. — Что за напрасная трата драгоценной энергии! Он и так видит наше сияние, и получает нагоняй каждый раз, когда заикается об этом. Этот небольшой диалог привел Грегори в крайне мрачное настроение!»

«Я должен был рассказать Филиппу, кто я такой. Бет напечатала мое имя в том файле. Если Филипп скажет ей, что видел меня или мое сияние, то рано или поздно она тоже должна будет поверить!»

Лэйси с сомнением покачала головой.

«Кстати, о Филиппе, — продолжал Тристан, приподнимаясь на локте. — Я заметил, что настроение Грегори еще больше ухудшилось, когда Филипп перестал говорить об ангелах и

показал всем фотографию одного из них. Скажи пожалуйста, над какой миссией ты работала, когда впрыгнула в кадр?»

Лэйси ответила не сразу. Она не сводила глаз со сцены, на которую выпорхнула стайка тучных женщин в балетных трико.

«Как ты думаешь, что они собираются представлять?»

«Танцы или аэробику. Я задал тебе вопрос!»

«На их месте я носила бы не трико, а паранджу».

«Повторяю вопрос».

«Я работала над процессом частичной материализации, если тебе это о чем-то говорит, — ответила Лэйси. — Пыталась стать настолько непрозрачной, чтобы были видны очертания фигуры. Кто знает, может быть, мне придется заниматься чем-нибудь подобным в будущем! Чтобы завершить свою миссию, разумеется!»

«Ну разумеется! — усмехнулся Тристан. — Именно для этого ты пыталась проявить свой голос, чтобы все посетители „Фотостудии Дикого Запада“ могли тебя услышать. Наверное, это тоже необходимо для завершения миссии!»

«А, это! — фыркнула Лэйси, небрежно взмахнув рукой. — Между прочим, это я работала над твоей миссией!»

«Над моей миссией?»

«Ну да, просто я действую собственным методом, — уверенно заявила Лэйси. — У нас с тобой, видишь ли, разные стили».

«Это точно. Я бы никогда не сказал Уиллу, что у него классная задница!» — с ужасом пробормотал Тристан.

«Не просто классная, а убийственная, — поправила Лэйси. — Самая лучшая из всех, что я видела с... — Она задумчиво посмотрела на Тристана. — Ну-ка, перевернись!»

«Ни за что!»

Лэйси расхохоталась и сказала:

«Твоя нежная цыпочка вечно ходит, словно в доспехах! Я подумала, что если я немного пошучу, это поможет ей расслабиться и открыться Уиллу. И еще я подумала, что сегодня очень подходящий момент, потому что она не видела его глаз под шляпой. Мне кажется, что глаза Уилла оказывают на нее какое-то странное воздействие, заставляют замыкаться».

«Потому что она видит в них меня», — сказал Тристан.

«У некоторых парней есть такое секретное оружие, — задумчиво продолжала Лэйси, словно не слыша его слов. — У них такие глаза, что девушки тонут в них, словно в омуте».

«Айви об этом не догадывается, но она видит меня в глазах Уилла!»

Поскольку Лэйси снова никак не отреагировала на его утверждение, Тристан обеспокоенно вскочил.

«Скажи, Айви видит меня в глазах Уилла?»

«Нет, — твердо ответила Лэйси. — Она видит в них другого парня, который по уши в нее влюблен, и это пугает ее до дрожи».

«Я тебе не верю! — крикнул Тристан. — Ты ошибаешься, Лэйси! Честное слово, ты все неправильно поняла!»

«Я все правильно поняла».

«Ну ладно, допустим, Уилл слегка увлечен Айви, и она тоже может находить его привлекательным, но...»

Лэйси со вздохом снова растянулась на траве.

«Хорошо, хорошо. Ты веришь только в то, во что тебе хочется верить, правда тебя не интересует. — Она подложила руку под голову и слегка приподнялась. — В этом ты очень похож на свою Айви — она тоже упертая и не желает видеть того, чего ей не хочется видеть, даже если сунуть ей доказательства под нос!»

«Айви никогда не сможет полюбить кого-то другого, — горячо воскликнул Тристан. — До аварии я этого не знал, но теперь знаю! Она любит только меня. В этом я уверен».

Лэйси постучала его по руке своим длинным ногтем.

«Прости, что напоминаю о грустном, но ты умер!»

Тристан обхватил руками колени. Сосредоточившись, он материализовал кончики пальцев, потом опустил руку и принялся рвать травинки.

«Делаешь успехи, — одобрительно заметила Лэйси. — У тебя стало получаться почти без усилий».

Тристан был слишком зол, чтобы обрадоваться ее похвале.

«Тристан, ты прав. Айви любит тебя, и любит сильнее, чем кого-либо еще. Но жизнь продолжается, и если ты хочешь, чтобы Айви жила дальше, то должен понять: она не может вечно любить мертвого. Живые должны любить живых. Так уж устроен мир».

Тристан ничего не ответил. Он смотрел, как три дамы в трико, обливаясь потом, скакали по сцене. После того, как они ушли, он прослушал, как маленькая девочка, одетая под Энни из одноименного сериала и фильма, несколько раз то ли прокричала, то ли пропела песню "Tomorrow".

«Неважно, кто из нас прав, — сказал он, наконец. — Мне нужен Уилл. Без него я не смогу помочь Айви».

Лэйси кивнула.

«Кстати, он только что пришел сюда. Наверное, у него перерыв в ателье. Смотри-ка, сидит один, около ворот».

«Там и остальные», — сказал Тристан, указывая в другую сторону.

Бет и Филипп лежали ничком на расстеленном одеяле, смотрели на выступающих и рвали клевер, сплетая его в длинную цепь. Сюзанна сидела на том же одеяла за спиной у Грегори, обняв его сзади и положив голову ему на плечо. Эрик тоже был здесь: он беспокойно ерзал на траве возле одеяла, то и дело окидывая взглядом толпу и, странно подергиваясь, быстро поглядывал себе за спину.

Они просмотрели еще несколько выступлений, а потом на сцене появилась Айви. Филипп тут же вскочил и оглушительно захлопал. Все рассмеялись, а развеселившаяся Айви посмотрела на братишку.

«Отличный ход, — одобрила Лэйси. — Это поможет ей преодолеть страх сцены. Мне нравится этот парнишка!»

Айви начала играть, но не ноктюрн, заявленный в программе, а «Лунную сонату», которую она сыграла Тристану однажды вечером — казалось, это было много-много лет тому назад.

«Это для меня, — задыхаясь от радости, думал Тристан. — Она хочет сказать им всем, что однажды она сыграла это для меня, той ночью, когда она превратила тьму в свет, когда она танцевала со мной... Айви играет для меня — и она хочет сказать это Грегори и Уиллу!»

Грегори сидел совершенно неподвижно, не обращая внимания на суетливые ужимки Сюзанны, и, словно замороженный, не сводил глаз с Айви.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Уилл небрежно развалился на траве, приподняв одно колено и обхватив его руками. Однако в том, как он смотрел на Айви и слушал ее музыку, не было и тени небрежности. Он словно впитывал каждую сверкающую каплю этого чуда.

Тристан поднялся на ноги и подошел к Уиллу.

Он сел рядом с Уиллом и увидел Айви его глазами — ее сильные гибкие пальцы, облако ее вьющихся золотых волос, отрешенное лицо. Она находилась в каком-то другом мире, и Тристан всей душой хотел стать его частью. Но Айви этого не знала, и Тристан боялся, что она так никогда и не узнает.

В мгновение ока Тристан проник в сознание Уилла и услышал музыку его ушами. Когда Айви перестала играть, Тристан поднялся с травы вместе с Уиллом. Он хлопал и хлопал, поднимая руки над головой Уилла. Айви поклонилась, кивнула — и посмотрела куда-то мимо.

Затем она повернулась к остальным. Сюзанна, Бет и Эрик ликовали вовсю. Филипп скакал, как заводной заяц, пытаясь разглядеть сестру над головами стоявшей публики. Грегори стоял неподвижно. Среди шумного ликующего парка, они с Айви стояли в оцепенении, глядя друг на друга так, словно забыли обо всем на свете.

Уилл резко отвернулся и пошел в сторону улицы. Тристан вышел из него и повалился на траву. Вскоре к нему присоединилась Лэйси. Она не сказала ни слова, просто сидела рядом, плечом к плечу, как товарищ по команде пловцов перед заплывом.

«Я ошибался, Лэйси, — глухо сказал Тристан. — Но и ты тоже оказалась неправа. Айви не видит меня. И Уилла она тоже не видит».

«Она видит только Грегори», — кивнула Лэйси.

«Грегори! — с горечью повторила Тристан. — Как же я теперь смогу спасти ее?»

В каком-то смысле общаться с Сюзанной после выступления оказалось даже проще, чем ожидала Айви. В том смысле, что общение вообще не состоялось. Они еще до концерта договорились все вместе встретиться у ворот парка. Когда запыхавшаяся Айви подбежала к друзьям, Сюзанна демонстративно отвернулась.

Но Айви решительно сделала шаг навстречу.

— Тебе понравились картины Уилла? — спросила она.

Сюзанна сделала вид, что не расслышала.

— Сюзанна, Айви спросила, как тебе понравились картины Уилла, — негромко подсказала Бет.

— Прости Бет, — очень медленно проговорила Сюзанна. — Что ты сказала?

Бет беспомощно посмотрела на нее, потом перевела глаза на Айви. Эрик загоготал, радуясь неловкости, возникшей между девушками. Грегори был погружен в свои мысли и ничего не замечал.

— Мы говорили о картинах Уилла, — повторила Бет.

— Отличные картины, — бросила Сюзанна, повернув голову так, чтобы не видеть Айви.

Айви сделала шаг в сторону, пропуская ребятешек с воздушными шарами, а потом предприняла еще одну попытку поговорить с Сюзанной.

На этот раз подруга просто повернулась к ней спиной. Сердобольная Бет встала между подругами и принялась болтать без умолку, как будто слова могли заполнить возникшую между ними отчужденность.

Когда Бет ненадолго прервалась, чтобы перевести дух, Айви сказала, что ей пора идти, чтобы завести Филиппа домой к его приятелю. Судя по всему, Филипп замечал и понимал

гораздо больше, чем она думала. Он беспрекословно повиновался, но когда они с Айви отошли на достаточное расстояние от компании, негромко сказал:

— Сэмми еще не вернулся из лагеря, он будет только после семи.

Айви положила руку ему на плечо.

— Я знаю. Спасибо, что не сказал этого раньше.

По дороге к машине Айви остановилась у небольшого лотка и купила два букетика маков. Филипп не стал спрашивать, зачем она их купила, и куда они поедут. Может быть, он понял и это.

Как только Айви отъехала от площади, ей сразу стало легче на душе. Она устала от выяснения отношений с Сюзанной, ей надоело ради спокойствия подруги держаться подальше от Грегори. Она несколько раз пыталась помириться с Сюзанной, но каждый раз ее протянутая рука повисала в воздухе. Значит, можно прекратить попытки, перестать бегать на цырлах вокруг Сюзанны и Грегори. Айви ни в чем не виновата!

Постепенно гнев ее улегся, и она вдруг почувствовала себя легко и спокойно, словно сбросила с плеч непосильную ношу.

— Почему два букета? — спросил Филипп. — Один от меня?

Значит, он, действительно, все понял.

— Не совсем. Оба букета от нас обоих. Просто я подумала, что будет правильно отнести цветы Каролине.

— Почему?

Айви пожала плечами.

— Потому что она — мать Грегори, а Грегори наш с тобой друг.

— Но ведь она была скверной женщиной! «Скверной»? Странное слово для Филиппа...

— Что?

— Мама Сэмми говорит, что Каролина была скверной женщиной.

— Ну, мама Сэмми не может знать всего, — ответила Айви, въезжая в большие железные ворота.

— Она знала Каролину, — упрямо сказал Филипп.

Айви было известно, что многие люди недолго любили покойную Каролину. Даже Грегори никогда не говорил о матери ничего хорошего.

— Хорошо, давай сделаем вот как, — сказала она, паркуя машину. — Один букет, оранжевый, пусть будет Каролине от меня, а второй — красный, положим Тристану от нас с тобой.

Они молча побрели в богатую часть кладбища.

Когда Айви наклонилась, чтобы положить цветы на могилу Каролины, она заметила, что Филипп отошел подальше.

— Она холодная? — крикнул он издали.

— Кто?

— Могила. Сестра Сэмми говорит, что у плохих людей могилы холодные.

— А эта очень теплая. Смотри, кто-то положил Каролине алую розу на длинном стебле. Значит, кто-то очень любил ее.

Филипп с сомнением посмотрел в сторону склепа, было заметно, что ему хочется поскорее уйти отсюда.

Айви вздохнула. Неужели он будет так вести себя и возле могилы Тристана?

Но когда они снова пошли по дорожке, Филипп заметно повеселел, стал прыгать через

надгробия, и вновь стал обычным болтливым девятилетним мальчиком.

— А помнишь, как Тристан на маминой свадьбе опрокинул себе салат на голову и облился соусом? — спросил Филипп. — А помнишь, как он сунул себе в уши палочки сельдерея?

— И креветочные хвостики в нос, — кивнула Айви.

— И еще эти черные шгучки в зубы!

— Маслины. Я помню.

Впервые после похорон Филипп заговорил с ней о Тристане, с которым он так весело играл когда-то. Что случилось? Почему он вдруг смог это сделать?

— А помнишь, как я разгромил его в шашки?

— Две партии из трех, — сказала Айви.

— Ага! — самодовольно улыбнулся Филипп, и вдруг сорвался с места и бросился вперед.

Подбежав к последнему склепу, замыкавшему ряд элегантных дорогих усыпальниц, и постучался в дверь.

— Тук-тук-тук, откройте! — заорал Филипп, а потом раскинул руки и подлетел к Айви, ожидая продолжения воспоминаний.

— И еще Тристан здорово рубился в видеоигры, — сообщил он.

— И научил тебя паре хитрых приемчиков, — подхватила Айви.

— Да. Я скучаю по нему.

— Я тоже, — сказала Айви, закусывая губу. Она очень обрадовалась, когда Филипп снова убежал вперед. Она не хотела портить его счастливые воспоминания своими слезами.

Когда они подошли к могиле Тристана, Айви опустилась на колени и провела пальцами по буквам на надгробии — имя Тристана и две даты.

Она не смогла произнести вслух короткую молитву, выбитую на могильном камне — молитву, передавшую душу Тристана в руки ангелов небесных — поэтому молча прочла ее, ощутив пальцами. Филипп тоже прикоснулся к камню и положил цветы, старательно разложив их в виде буквы «Т».

«Он исцеляется, — подумала Айви, наблюдая за братишкой. — Но если он смог, может быть, я тоже справлюсь? Пусть не сейчас, но когда-нибудь...»

— Тристан обрадуется, когда вернется, — довольно сказал Филипп, любуясь своей работой.

Айви подумала, что неправильно поняла его слова.

— Надеюсь, они не завянут до его возвращения, — продолжал Филипп.

— Ч-что?

— Может, он придет сюда, когда стемнеет?

Айви зажала рот рукой. Она не хотела лезть в это, но кто-то же должен был поговорить с Филиппом, и Айви прекрасно понимала, что на мать рассчитывать не приходилось.

— Как ты думаешь, где сейчас Тристан? — как можно осторожнее спросила она у Филиппа.

— Я не думаю, а знаю, где он. На фестивале.

— Откуда ты это знаешь?

— Он сам мне сказал. Он мой ангел, Айви. Я знаю, ты велела мне никогда больше не произносить слово «ангел», — поспешно выпалил Филипп, словно надеялся избежать гнева сестры, если произнесет запретное слово как можно быстрее. — Но что я могу поделать,

если так и есть? До сегодняшнего дня я не знал, что это он, но сегодня Тристан сам мне сказал.

Айви потерла ладонями предплечья.

— Наверное, он все еще на фестивале, вместе со своей подругой.

— П-подругой? — беспомощно повторила Айви.

— С другим ангелом, — пояснил Филипп. Он сунул руку в карман и вытащил оттуда изрядно помятую фотографию. Это была карточка, снятая в «Фотостудии Дикого Запада» — та самая, испорченная.

Видимо, произошел какой-то сбой в проявителе или при съемке, потому что на фотографии за спиной у Филиппа светилось какое-то облако.

— Это она, — Филипп ткнул в облако пальцем. — Второй ангел.

В самом деле, очертания облака напоминали силуэт девушки.

— Где ты это взял?

— Уилл мне дал. Я попросил его отдать мне эту карточку, потому что на нашей с тобой фотографии ангела нет. Я думаю, это подруга Тристана.

Боже милосердный, что придумает не в меру развитое воображение этого мальчика в следующий раз? Дружную компанию ангельских друзей и родственников?

— Тристан умер, — сказала Айви. — Умер. Ты это понимаешь?

— Да. — Лицо у Филиппа было печальным и мудрым, как у взрослого, но нежная кожа на по-детски округлых щеках светилась золотом в вечернем свете. В это мгновение он сам напомнил Айви изображение ангела.

— Я скучаю по живому Тристану, каким он был раньше, — продолжал Филипп. — Я бы хотел, чтобы он мог снова поиграть со мной. Иногда я плачу по нему... Но я рад, что он теперь ангел. Он и тебе поможет, вот увидишь.

Айви не стала спорить. Она знала, что ей все равно не удастся разубедить Филиппа. Его вера была слишком сильна.

— Пора идти, — сказала она.

Филипп кивнул, а потом обернулся через плечо и громко крикнул:

— Надеюсь, тебе понравится, Тристан!

Айви бросилась прочь от него. Какое счастье, что Филипп сегодня ночует у Сэмми! Наконец-то лучший друг Филиппа возвращается из летнего лагеря, и ее братишка будет проводить больше времени в реальном мире!

Приехав домой, Айви нашла записку от матери, в которой Мэгги сообщала, что они с Эндрю отправляются на торжественный ужин в честь открытия фестиваля.

— Вот и замечательно, — вслух сказала Айви. За сегодняшний день она успела устать от вымученных разговоров. Тихий вечер наедине с Эллоу и книгой — это как раз то, что ей было нужно.

Взбежав по лестнице в свою комнату, она сбросила с ног туфли и переоделась в свою любимую дырявую футболку, которая была ей настолько велика, что больше напоминала короткое платье.

— Ну вот мы и остались вдвоем — только ты и я! — сказала она Элле, вбежавшей в комнату за ней следом. Они вместе спустились на кухню. — Мадмуазель желает поужинать? — спросила Айви, вытаскивая из буфета две банки консервов. — Для вас — аппетитные крокеты из морепродуктов. А мне — туец! Надеюсь, я не перепутала наши заказы.

Пока Айви открывала банки, Элла с мурчанием терлась о ее ноги. Потом тихонько мякнула.

— Говорите, что изысканная еда требует достойной сервировки? — спросила Айви. Она достала одинаковые тарелки из граненого стекла, хрустальный стакан для воды и такую же мисочку. — Отпразднуем, Элла? Я сегодня играла на фестивале и сыграла от начала и до самого конца!

Элла снова мякнула.

— Нет, не ту вещь, которую разучивала. И не ту, которую репетировала ты, плутовка. Я играла «Лунную сонату». И это правильно, — вздохнула Айви. — Мне показалось, что я должна в последний раз сыграть для него, прежде чем смогу снова играть для себя. Думаю, теперь я снова смогу хорошо играть! Идем, киска.

Элла проследовала за ней в гостиную и, усевшись на ковре, с любопытством смотрела, как Айви зажигает свечку и ставит ее на пол между ними.

— Здорово, правда?

Кошка снова негромко мякнула.

Айви распахнула большие французские окна, ведущие во внутренний дворик за домом, и поставила диск с нежной джазовой композицией.

— Немногие кошки проводят субботние вечера так как ты, принцесса!

Элла мурлыкала до самого окончания трапезы.

Айви была довольна не меньше, чем кошка. Она молча смотрела, как Элла тщательно вылизывается после еды, а потом садиться возле высоких стеклянных дверей, насторожив ушки и едва заметно подергивая носом, чтобы не пропустить ни одного звука и запаха сгущающихся сумерек.

Несколько минут Айви любовалась вечером вместе с Эллой, а потом вытащила из-под подушки кресла какую-то книгу, оказавшуюся сборником рассказов, которые читал Грегори. Отодвинув свечу от сквозняка, Айви улеглась ничком на ковре и углубилась в чтение.

Вскоре она поняла, что ужасно устала. Слова начали расплываться у нее перед глазами, свет свечи убаюкивающее мерцал на открытой странице. Детективная история, которую выбрала Айви, оказалась довольно запутанной, поэтому ей приходилось изо всех сил напрягать внимание, чтобы не упустить важные детали. Но прежде чем убийца успел нанести удар во второй раз, Айви провалилась в сон.

Она не знала, сколько проспала. Она не помнила никаких снов.

Айви проснулась внезапно, как от толчка, разбуженная каким-то звуком.

Даже не открывая глаз, она поняла, что уже поздно. Диск закончился, снаружи доносилось громкое пение сверчков. В столовой раздался бой каминных часов, но Айви сбилась со счета ударов. Сколько раз пробили часы? Одиннадцать? Двенадцать?

Не поднимая головы, она открыла глаза в темной комнате и увидела, что свеча превратилась в едва теплящийся огарок. Элла ушла, распахнутая створка стеклянных дверей серебрилась в лунном свете.

Из сада задувал холодный ветерок. Волоски на руках Айви встали дыбом, ей вдруг стало зябко. Наверное, это Элла выбежала через дверь... Должно быть, засов был откинут, а Элла толкнула дверь носом, чтобы выйти. Но откуда тогда такой сильный сквозняк? Поток холодного вечернего воздуха тянулся через всю комнату в дверь за спиной Айви. Но Айви отлично помнила, что как раз эта дверь, ведущая в галерею, была закрыта, когда она уснула.

А теперь дверь была распахнута — Айви знала об этом, даже не оборачиваясь. И еще

она знала, что кто-то стоит в дверях и смотрит на нее. Вот скрипнула половица, потом еще одна — на этот раз гораздо ближе. Вскоре Айви почувствовала, что кто-то стоит прямо над ней...

Она бесшумно втянула в себя воздух, раскрыла рот и завизжала.

Она орала, билась и лягалась изо всех сил. Он прижимал ее к полу, зажимая рукой ее рот и нос. Айви продолжала орать сквозь его руку, потом попробовала укусить его ладонь, но неизвестный оказался слишком проворен. Тогда Айви принялась вертеться из стороны в сторону. Если ей повезет, они откатятся по ковру в сторону от дивана, и ее противник обожжется о свечу.

— Айви! Айви! Это я. Успокойся, Айви! Ты напугаешь Филиппа. Это я.

Она обмякла в его руках.

— Грегори.

Он медленно слез с нее. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, обливаясь потом и задыхаясь.

— Я думал, ты уснула, — сказал Грегори. — Не хотел тебя будить, просто решил посмотреть, все ли с тобой в порядке.

— Я... я... Я не знала, что это ты. Филиппа нет. Он сегодня ночует у Сэмми, а мама с Эндрю пошла на ужин.

— Значит, в доме никого? — резко спросил Грегори.

— Да, и я подумала...

Грегори несколько раз в бешенстве ударил стиснутым кулаком по ладони, но поймав ее взгляд, замер.

— Что с тобой? — спросил он. — Что с тобой, Айви? — Он сел рядом и обнял ее. — Почему ты так себя ведешь? Что случилось?

— Что... О чем ты? — пролепетала она.

Грегори посмотрел ей в глаза.

— Почему ты избегаешь меня?

Айви отвернулась.

— Посмотри на меня! Ответь мне!

Она с трудом повернула голову.

— Спроси Сюзанну, если хочешь знать ответ.

В глазах Грегори мелькнула тень изумления, а потом они просияли, словно он внезапно все понял. Айви нахмурилась. Неужели он мог не догадаться об этом раньше? Какая еще могла быть у нее причина избегать его?

Она почувствовала, как расслабились мышцы на его руках.

— Айви... — нежно прошептал Грегори. — Какая же ты глупая, Айви... Совсем одна, ночью, в доме, где всего неделю назад тебя едва не убили, с открытой дверью... Ты ведь оставила дверь настежь, Айви! Почему же ты такая глупая?

Айви судорожно сглотнула ком в горле.

— Я думала, она закрыта. Наверное, это Элла...

Грегори откинулся на диван и потер ладонью лоб.

— Прости. Прости, что я тебя расстроила, — прошептала Айви.

Грегори со вздохом накрыл рукой ее ладонь. Он заметно успокоился.

— Нет, это мне нужно просить прощения. Я напугал тебя.

Даже в мерцающем свете огарка Айви видела темные круги усталости под глазами Грегори. Она протянула руку и дотронулась до его макушки.

— Голова болит?

— Угу. Сейчас чуть-чуть полегче, чем вечером.

— Но все равно болит, да? Ложись, — попросила Айви, подкладывая подушку ему под голову. — Я принесу тебе чаю и таблетку аспирина.

— Я сам могу сходить.

— Позволь мне поухаживать за тобой, — шепнула Айви, ласково дотрагиваясь до его плеча. — Ты столько для меня сделал, Грегори. Разреши мне сделать тебе хотя бы эту малость.

— Я делал только то, чего мне хотелось.

— Ну, пожалуйста, Грегори.

Он послушно лег на спину.

Айви легко встала и поставила в проигрыватель диск с записью саксофонной и фортепианной музыки.

— Слишком громко? Или слишком тихо?

— Как надо, — ответил Грегори, не открывая глаз.

Айви заварила чай, положила на поднос аспирин и печенье и вернулась в освещенную свечой комнату.

Какое-то время они молча пили чай и ели печенье, а потом Грегори шутливо чокнулся с Айви своей чашкой.

— Что за чай? Такое впечатление, что я пью цветущий сад!

Айви рассмеялась.

— Так оно и есть. Поверь, это как раз то, что тебе нужно.

Грегори отпил еще глоток и пристально посмотрел на нее сквозь облачко пара.

— Ты — как раз то, что мне нужно.

— Хочешь, поглажу тебя по спине? — спросила Айви. — Филипп это обожает.

— Когда гладят по спине?

— Ну да. Разве когда ты был маленьким, мама не гладила тебе спинку, чтобы ты поскорее уснул?

— *Моя мать?*

— Повернись-ка.

Грегори со странной улыбкой посмотрел на нее, потом отставил чашку и перевернулся на живот.

Айви принялась растирать ему спину, описывая ладонями большие и маленькие круги, как любил Филипп. Она чувствовала напряжение, сковывавшее Грегори, все его мышцы были жесткими, как канаты. Ему был необходим хороший массаж, и было бы гораздо лучше, если бы он снял рубашку, но Айви стеснялась сказать об этом.

«Но почему? Он же твой сводный брат! — напомнила она себе. — И потом, в этом нет ничего двусмысленного... Мы с ним не встречаемся, он мой друг, почти брат...»

— Айви?

— Да?

— Ты не против, если я сниму рубашку?

— Конечно, так будет гораздо лучше, — с облегчением ответила она.

Грегори снял рубашку и снова лег на ковер. У него была длинная, загорелая и мускулистая спина теннисиста.

Айви снова взялась за работу, с силой двигая руками вдоль позвоночника Грегори к его

плечам. Потом она размяла ему шею, затылок и спустилась к пояснице. Она чувствовала, как он медленно, но верно расслабляется под ее руками.

Внезапно Грегори перевернулся на спину и посмотрел на Айви.

Свет свечи бросал трепещущие тени на его лицо. Золотой отсвет заполнял неглубокую ямку между ключицами. Айви вдруг очень захотелось дотронуться до этой ямки и почувствовать биение пульса Грегори.

— Знаешь, — медленно начал Грегори, — прошлой зимой, когда отец объявил мне, что женится на Мэгги, мне совсем не хотелось видеть тебя в этом доме.

— Я знаю, — с улыбкой ответила Айви.

Грегори поднял руку и коснулся ее щеки.

— Но сейчас... — сказал он, зарываясь пальцами в ее вьющиеся волосы. — Сейчас... — Он притянул ее к себе.

«Если мы поцелуемся, — в смятении подумала Айви, — если мы поцелуемся и Сюзанна...»

— Сейчас? — прошептал Грегори.

Она больше не могла сопротивляться. Она просто закрыла глаза.

И тогда Грегори обеими руками притянул ее к себе. Затем его сильные руки расслабились, и поцелуй получился нежным, долгим и восхитительным. Он запрокинул ее лицо и поцеловал в шею.

Айви скользнула губами ниже, и они снова поцеловались. В следующий миг оба застыли, напуганные внезапно раздавшимся шумом мотора и светом фар, ударившим в окно снаружи.

Эндрю и Мэгги вернулись.

Грегори снова перекатился на спину и тихонько рассмеялся.

— Как всегда! — прошептал он, а потом вздохнул. — Ну что ж, наши надзиратели снова дома.

Айви почувствовала, как он медленно и неохотно разжал пальцы, отпуская ее. Она задула свечу, включила свет и приказала себе не думать о Сюзанне.

Тристан не знал, как ему утешить Айви. Она металась на сбитых простынях, спутанная пряжа ее золотых волос беспокойно порхала по подушке. Неужели ей снова снится кошмар? Неужели с ней что-то случилось после того, как Тристан покинул ее на фестивале?

После представления Тристан окончательно уверился в том, что обязан как можно скорее найти того, кто хочет причинить зло Айви. Он чувствовал, что время работает против него. Если Айви влюбится в Грегори, Уилл уже не сможет помочь Тристану достучаться до нее.

— Кто здесь? — пробормотала Айви, снова заметавшись по постели. — Кто?

Тристан узнал начало ее кошмара. Чувство опасности охватило его, словно он сам очутился в ее повторяющемся сне. Он не мог допустить, чтобы она снова страдала и кричала от страха! Если бы он только мог обнять Айви, прижать ее к себе, успокоить...

Элла! Где Элла?

Кошка громко мурлыкала, сидя на подоконнике. Тристан поспешно бросился к ней, на ходу материализуя пальцы. Только сейчас он впервые с радостным изумлением заметил, как возросла его сила за последние несколько дней.

Тристан схватил кошку за шиворот и даже сумел донести ее до постели. Здесь силы оставили его, но он успел поставить Эллу на матрас и кончиками пальцев похлопать Айви

по руке.

— Элла, — сонно пролепетала Айви. — Элла! — Она обняла кошку обеими руками.

Тристан отошел от постели. Отныне он мог любить Айви только так — не приближаясь, помогая другим утешать и успокаивать ее.

После того, как Элла свернулась клубочком под боком у Айви, кошмар отступил. Вероятно, он снова канул в глубь ее сознания и на время затаился там. Если бы только Тристан мог увидеть этот сон! Он был уверен, что Айви увидела что-то — или кого-то — в ночь смерти Каролины. Если бы он только знал, что это было такое, он мог бы понять, кто преследует Айви. Но сознание любимой было закрыто для Тристана так же крепко, как сознание Грегори.

Он оставил ее спать. У него был свой план, и Тристан решил исполнить его, несмотря на все предостережения Лэйси.

Он настроится на Эрика и попробует совершить путешествие в прошлое в его сознании. Тристан хотел выяснить, побывал ли Эрик в доме Каролины в вечер ее смерти, и не он ли сидел за рулем красного мотоцикла, который Айви снова и снова видела в своем сне.

По дороге к дому Эрика Тристан пытался вспомнить все подробности сегодняшнего вечера. После фестиваля они с Лэйси вместе отправились в дом Каролины. Пока Лэйси хлопала дверцами шкафов, заглядывала за картины и рылась в вещах, Тристан тщательно осматривал дом внутри и снаружи. Он знал, что здесь повсюду могут быть ключи к разгадке: предметы, которые он сможет оживить в чужом сознании, используя в качестве спускового крючка для нужной цепи воспоминаний.

«Если ты все-таки не передумал осуществлять свой дурацкий план, — сказала Лэйси, перетряхивая диванные подушки, — то приготовься как следует. И непременно отдохни перед началом эксперимента».

«Да я уже готов», — ответил Тристан, окидывая взглядом гостиную, в которой умерла Каролина.

«Послушай, ангел-спортсмен, — терпеливо сказала Лэйси. — Я знаю, что ты сделал большие успехи и начал чувствовать свои силы. Это очень хорошо, но не обольщайся. Поверь моему слову, ты пока не готов к Олимпийским рекордам. Если ты хочешь проникнуть в голову Эрика, то отключись ненадолго вечером. Тебе это нужно, честное слово».

Тристан не сразу ответил ей. Он стоял перед окном. Только сейчас он впервые заметил, что из него отлично просматривается вся улица, и все, кто по ней идут.

«Возможно, ты права», — задумчиво сказал Тристан.

«Никаких возможно! Я права и точка. Кроме того, Эрика лучше всего посетить на рассвете или рано утром, когда он спокойно спит, — продолжала Лэйси. — Постарайся пробраться в него в тот момент, когда его сознание будет достаточно отзывчиво, чтобы следовать за твоими намеками, но при этом еще не полностью пробудилось ото сна. Нельзя допустить, чтобы он насторожился».

Это был очень дельный совет.

Когда небо начало слабо розоветь на востоке, Тристан пробрался в спальню Эрика и нашел его на полу. Кровать не была расстелена, а полностью одетый Эрик свернулся калачиком на ковре возле стереоустановки. Рядом с ним валялись раскрытые журналы. Тристан опустился на колени рядом со спящим. Материализовав пальцы, он стал листать журнал о мотоциклах, пока не наткнулся на фотографию чоппера, похожего на красный «Харлей» Эрика. Сфокусировавшись на картинке, Тристан принялся будить Эрика.

Он заставил себя восхищаться элегантным силуэтом мотоцикла, представил грохот его двигателя — и внезапно понял, что смотрит на машину глазами Эрика. Поучилось! Это оказалось немногим сложнее, чем пробраться в сознание Уилла. Может быть, Лэйси ошиблась? Может быть, она просто недооценивает его силы? Внезапно картинка перед глазами Тристана начала расплываться.

Эрик зажмурился. Несколько мгновений Тристан не видел ничего, кроме тьмы. Так, что же теперь делать? Возможно, пришло время подумать об улице, на которой жила Каролина, медленно подвести Эрика к ее дому и заставить начать вспоминать?

В следующее мгновение тьма исчезла, словно Эрик раздвинул шторы, и Тристан рванулся вперед. Откуда ни возьмись, совсем как на экране видеоигры, перед ним возникла петляющая асфальтовая дорога. Тристан несся слишком быстро, чтобы сообразить, что происходит, и что делать дальше.

Он сидел за рулем мотоцикла и на дикой скорости мчался по дороге сквозь пятна света и тени. Оторвав глаза от асфальта, Тристан увидел деревья, кусты и каменные стены домов. Деревья почему-то были такими ядовито-зелеными, что у Тристана на глаза навернулись слезы. Голубое небо приобрело неоновый оттенок. На красный цвет было больно смотреть.

Дорога вела все выше, выше и выше. Тристан попытался замедлить гонку или свернуть в сторону, чтобы взять контроль над мотоциклом в свои руки, но у него ничего не получалось.

Внезапно взвыли тормоза, и мотоцикл резко остановился. Тристан поднял голову и увидел дом Бэйнсов.

Дом Грегори — и в то же время не совсем он. Они двинулись к дому, и Тристан изумленно вытаращил глаза. Это было все равно, что смотреть на комнату, отраженную в елочном шаре — все хорошо знакомые предметы как-то странно вытягивались и изгибались, изменяясь до полной неузнаваемости.

Что это было? Сон или воспоминание, искаженное действием наркотиков?

Они постучались и вошли в парадную дверь. Внутри не было ни крыши, ни потолка. Они очутились не в комнате, а в каком-то подобии огромной игровой площадки, где вместо ограды были стены дома. Грегори тоже был здесь, он смотрел на них с вершины очень высокой горки, серебристый желоб которой не заканчивался на уровне земли, а уходил куда-то вглубь.

И еще в комнате была какая-то женщина. Каролина!

Она увидела их и помахала рукой, улыбаясь тепло и радостно, как хорошим друзьям. Грегори холодно смотрел на них с вершины своей серебряной горки, но Каролина поманила их на карусель, и они не смогли устоять.

Она со смехом ухватила за поручень с одной стороны, Тристан с Эриком — с другой. Они бежали и отталкивались, бежали и отталкивались, а потом с разбегу вскочили на карусель. Они кружились, кружились, кружились, но карусель не замедляла свой бег, а наоборот, вращалась все быстрее и быстрее. Быстрее, быстрее — и вот уже они взлетели, вцепившись руками в поручни. Тристану показалось, что у него сейчас голова оторвется. Потом пальцы их разжались, и они кубарем покатались с карусели.

Тристан посмотрел вверх. Какое-то время мир продолжал бешено вращаться, потом остановился. Игровая площадка исчезла, но стены дома остались на месте, превратившись в стены кладбища.

Он увидел свою могилу. Потом могилу Каролины. А потом третью могилу — свежую, открытую, с грудой недавно выкопанной земли, темневшей рядом.

Что это? Кто начал дрожать первым — он или Эрик? Тристан не знал ответа, он просто никак не мог унять дрожь, а потом ноги у него подкосились, и он рухнул на землю. Земля накренилась. Могильные камни кувырком катились вокруг него, как зубы, высыпавшиеся из оскаленного черепа. Он лежал на боку, сжавшись в комок, тряся мелкой дрожью и ждал, когда земля расступится, как пасть, и проглотит его.

А потом все кончилось. Все стихло. Он увидел перед собой глянцевую фотографию мотоцикла. Эрик проснулся.

Значит, это был только сон? Тристан до сих пор находился в сознании Эрика, но тот ничего не замечал. Может быть, он был слишком измучен сном, а возможно, его мозг настолько привык к галлюцинациям и жутким мыслями, что ему было не до Тристана.

Был ли какой-нибудь смысл в этих странных видениях? Было ли в них хоть какое-то зерно истины, или же перед Тристаном пронеслись обычные бредовые галлюцинации наркомана?

Каролина была загадочной женщиной. Тристан помнил, как они с Эриком не смогли противиться ее приглашению прокатиться на карусели. Ее лицо было таким радостным, таким манящим...

Внезапно он снова увидел это радостное лицо. На этот раз Каролина была старше. Она стояла перед дверью своего дома. В следующий миг Тристан вошел в эту дверь вместе с ней. Он попал в воспоминание Эрика!

Каролина окинула взглядом комнату, и они с Эриком сделали то же самое. Шторы на большом панорамном окне были подняты, и Тристан увидел темные тучи, стремительно надвигавшиеся с запада. В вазе стояла роза на длинном стебле, ее лепестки были туго свернуты в бутон. Каролина сидела напротив него и улыбалась. Потом нахмурилась.

Воспоминание запрыгало, как плохо склеенная киноплёнка, замелькали эпизоды. Каролина улыбалась, хмурилась, снова улыбалась, и опять хмурилась. Тристан не мог расслышать ни слова из их разговора, все заглушали волны бушующих эмоций.

Вот Каролина запрокинула голову и расхохоталась. Ее смех показался Тристану почти истерическим, и внезапно его охватил ужас и смятение. Она все хохотала и хохотала, а Тристан почувствовал, что сейчас взорвется от силы отчаяния, переполнявшего Эрика.

Он схватил Каролину за руки и затряс ее — затряс так сильно, что голова ее откинулась назад, как у тряпичной куклы.

Внезапно Тристан отчетливо услышал крик Эрика: «Выслушай меня! Это правда! Это не шутка! Перестань, не смейся! Это не шутка, клянусь тебе!»

В следующее мгновение какая-то сила сдавила голову Тристана, сжав его мозг с такой силой, словно хотела расплющить. Ему показалось, что он сейчас растворится. Каролина и комната исчезли, как в кино, и экран перед глазами Тристана стал черным.

Эрик выбросил воспоминание из головы.

Перед глазами Тристана с неожиданной четкостью возникла спальня Эрика. Он встал и вместе с Эриком прошел через комнату. Тристан видел, как Эрик расстегивает рюкзак и достает оттуда смятый конверт. Эрик высыпал в дрожащую ладонь горсть разноцветных таблеток, поднес ко рту и проглотил.

Тристан понял, что пришло время серьезно отнестись к предостережению Лэйси по поводу опасностей наркоманского сознания. Собравшись с силами, он поспешно покинул Эрика.

— Колпаки и клыки разлетаются, как горячие пирожки, — заметила Бетти, просматривая записи магазина «У вас праздник». — Не пойму, в чем дело? Может быть, на этой неделе в «Хилтоне» собирается какая-нибудь вампирская вечеринка?

— Понятия не имею, — пробормотала Айви, в третий раз начиная отсчитывать покупателю сдачу.

— Мне кажется, тебе нужно сделать перерыв, душечка, — заметила Лиллиан.

Айви бросила взгляд на часы.

— Я обедала всего час назад.

— Я знаю, — кивнула Лиллиан, — но поскольку ты постоянно отвечаешь невпопад нам с Бетти, и поскольку ты только что продала милому молодому человеку, купившему шляпу Дракулы, пару восковых губ...

— Восковые губы? Для Дракулы? Боже мой, Лиллиан, вы уверены?

— Ярко-алые губки, абсолютно уверена, — ответила старушка. — Не волнуйся, дорогая, я поймала его у дверей и поменяла покупку на очаровательные клыки. Но я думаю, тебе нужно сделать перерыв.

Айви пристыженно опустила глаза. Она уже три дня постоянно ошибалась, но сестры великодушно делали вид, будто ничего не замечают. Айви боялась даже думать о том, сошлась ли выручка за субботу и воскресенье. На месте добрых старушек она не позволила бы себе самостоятельно закрыть магазин сегодня вечером.

— В последний раз, когда я видела тебя в таком состоянии, ты была по уши влюблена, — негромко вздохнула Бетти.

Лиллиан грозно посмотрела на сестру.

— Сейчас не этот случай, — твердо ответила Айви. — Но вы правы. Возможно, мне стоит сделать небольшой перерыв.

— Пойди, проветри голову, милая, — замахала рукой Лиллиан. — И не торопись, мы отлично справимся.

Она легонько подтолкнула Айви к двери. Айви побрела по комплексу, в который раз пытаясь разобраться в событиях последних дней.

С прошлой субботы они с Грегори продолжали кружить друг вокруг друга в каком-то странном стыдливом танце: их руки то и дело соприкасались, глаза встречались, то радостно приветствуя друг друга, то снова отступая.

Вечером в воскресенье Мэгги накрыла стол для семейного ужина и зажгла свечи. Грегори, как обычно, поглядывал на Айви через стол, но на этот раз она видела, как пламя свечей радостно танцует в его глазах. В понедельник Грегори куда-то исчез, не сказав никому ни слова. Айви не знала, где он был, и не решилась спрашивать. Может быть, поехал к Сюзанне. Возможно, субботний вечер был всего лишь мгновением внезапной близости — случайное мгновение и случайный поцелуй после всех страданий, через которые им пришлось пройти вместе.

Айви чувствовала себя виноватой.

Но разве это так уж плохо — полюбить того, кто так любит ее? Разве это плохо — захотеть прикоснуться к тому, кто так нежно касался ее лица? Разве она поступила плохо, изменив свое отношение к Грегори?

Айви никогда не чувствовала себя в таком смятении. Ей было ясно только одно: она должна немедленно собраться и сосредоточиться на том, что делает.

«Нельзя все время ходить, как потерянная!» — строго сказала себе Айви, и с разбегу налетела на детскую коляску.

— Ой, простите! Ради Бога, извините.

Женщина, катившая коляску, улыбнулась, Айви улыбнулась ей в ответ — и врезалась спиной в стенд с бижутерией. Сережки и бусы угрожающе зазвенели.

— Простите. Простите, я нечаянно.

Чудом не наскочив на мусорный бак, она со всех ног бросилась в кофейню.

Заказав чашку капучино, Айви прошла в дальний конец торгового комплекса. Два больших магазина, расположенные здесь, были закрыты, лампы на потолке не горели.

Айви уселась на скамейку в самой тускло-освещенной части зала и стала неторопливо прихлебывать свой кофе. Голоса покупателей, толпившихся в противоположном конце комплекса, тихими волнами докатывались до нее, не достигая слуха.

Айви опустила веки глаза, наслаждаясь покоем и одиночеством. Внезапно она резко открыла глаза и повернула голову, услышав три отчетливых голоса, раздавшихся совсем рядом с ней. Один из голосов показался ей знакомым.

— Здесь вся сумма, — сказал этот голос.

— Я хочу пересчитать.

— Не доверяешь мне?

— Я сказал, что хочу пересчитать. А ты уж сам решай, доверяю я тебе или нет.

В тускло освещенном проходе, ведущем к подземной парковке, стояли Грегори, Эрик и еще какой-то парень. Они о чем-то разговаривали, не зная, что за ними кто-то наблюдает. Когда третий парень повернул голову к свету, Айви не поверила своим глазам. Она уже видела его возле школы и знала, что этот парень торгует наркотиками. Но когда Айви увидела, как Грегори протягивает дилеру пакет, она словно опомнилась от какого-то дурмана. Неужели она могла совсем забыть о другой, темной стороне своего сводного брата?

Как она могла так сблизиться с парнем, который дружил с самыми богатыми и самыми дерзкими сорвиголовами города? Как она могла во всем полагаться на избалованного папенькиного сыночка, который, устав от доступных развлечений, щекотал себе нервы глупым риском? Как она могла доверить человеку, игравшему в жестокие игры с ее друзьями, не считаясь с их чувствами?

Тристан предупреждал ее однажды, перед тем ужасным вечером на железнодорожном мосту, когда Уилл едва не погиб, бросившись спасать кривлявшегося Эрика. Почему она решила, что Грегори с тех пор изменился? Потому, что в последние недели он... Очевидно, она снова ошиблась.

Айви резко встала со скамейки, расплескав свой кофе.

«Тристан! — беззвучно крикнула она. — Помоги мне, Тристан! Помоги мне во всем разобраться!»

Она бегом бросилась в освещенную часть комплекса, подбежала к эскалатору — и врезалась в Уилла.

Шедшая с ним под руку рыжеволосая девушка, которую Айви видела на вечеринке у Эрика, тихо выругалась.

Уилл ошеломленно уставился на Айви. Она не могла вынести его взгляда — и не могла отвести от него глаз.

— Что ты здесь делаешь? — взорвалась Айви.

— Тебе-то какое дело? — огрызнулась девушка.

Но Айви не обратила на нее никакого внимания.

— Только не говори, — в бешенстве прошипела она, — что тебя опять посетило странное ощущение, что ты просто почувствовал и просто подумал...

Глаза Уилла как-то странно вспыхнули — и Айви поспешила отвести взгляд.

Девушка, стоявшая рядом с Уиллом, смотрела на Айви, как на сумасшедшую, да она и сама чувствовала себя слегка не в себе.

— Я... мне нужно работать! — выпалила Айви, но Уилл задержал ее взглядом.

— Если я буду тебе нужен, — проговорил он, — позвони.

Затем он слегка повернул голову, как будто прислушиваясь к невидимому собеседнику, стоявшему у него за плечом.

Айви бросилась на эскалатор, взбежала по ступенькам бегом и вихрем ворвалась в свой магазин.

— Боже мой! — всплеснула руками Лиллиан, увидев Айви.

— Ох, да что же это?! — ахнула Бетти.

Айви тяжело дышала от бешенства и быстрого бега. Остановившись на пороге, она удивленно посмотрела на свое светло-зеленое платье и охнула. Весь подол был покрыт бурыми пятнами.

— Нужно немедленно застирать!

— Не надо, все в порядке, — пропыхтела Айви, стараясь дышать глубоко и медленно, чтобы побыстрее успокоиться. — Я сейчас протру губкой. — Она направилась в туалет, расположенный в задней части магазина, но Бетти уже деловито рылась на вешалке с костюмами, а Лилиан задумчиво обводила взглядом полки.

— Я сейчас все замою, — повторила Айви. — Минутное дело!

Лиллиан и Бетти что-то бормотали, перебирая тряпки.

— Да это все равно старое платье, — добавила Айви.

Старушки очень успешно притворялись глухими.

— Ладно, только что-нибудь попроще, — взмолилась Айви. В прошлый раз они нарядили ее пришельцем, причем в костюме было специальное устройство, издававшее противное пиканье.

Сестры пошли навстречу ее пожеланиям и вручили Айви мягкую белую блузу с пышными рукавами и сборкой на плечах, и цветастую юбку.

— Ты полюбуйся, какая славная получилась цыганочка! — сказала Лиллиан Бетти.

— Нужно каждый день наряжать ее! — согласилась сестра.

Они ласково смотрели на Айви и лучились улыбками, как две любящие тетушки.

— Не забудь выключить свет в подсобке, деточка, — напомнила Бетти, и сестры отправились домой, где их ждали семь соскучившихся кошек.

Айви с облегчением вздохнула. Она была даже рада целых два часа поработать в магазине одна. Работа займет ее мысли и не даст думать о том, что она только что увидела.

Она была зла — но больше на себя, чем на Грегори. Он был собой, какой с него спрос? Он несколько не изменился — но ведь он и не обещал меняться! Она сама выдумала его, превратив в сказочного принца!

В двадцать пять минут десятого Айви распрощалась с последним покупателем. Комплекс заметно опустел. Еще через пять минут она погасила верхний свет, заперла дверь

изнутри и принялась пересчитывать выручку, сверяясь с чеками.

Айви так увлеклась, что вздрогнула, когда кто-то постучал в стеклянную стену магазина.

— Эй, цыганочка!

— Грегори?

В первое мгновение ей захотелось прогнать его и вновь очутиться за стеклянной стеной, которую Грегори возвел между ними в прошлом январе. Айви медленно подошла к выходу, отперла дверь и приоткрыла ее на три дюйма.

— Я тебе помешал? — спросил Грегори.

— Мне нужно подсчитать выручку и закрыть магазин.

— Я буду сидеть тихо, как мышка, — пообещал он.

Айви приоткрыла дверь еще на несколько дюймов ипустила его внутрь.

Она пошла было к кассе, но потом резко обернулась.

— Я должна кое-что сказать тебе.

Грегори молча ждал; казалось, он уже знал, что его ждет нечто серьезное.

— Я видела тебя, Эрика и того парня, дилера. Во время сделки.

— А, ты об этом, — хмыкнул он, как будто она сказала ему, что видела его за столиком кафе.

— Об этом? — переспросила Айви.

— А я-то подумал, ты сейчас скажешь мне что-нибудь ужасное, типа того, что между нами все кончено, и отныне мы больше не можем видеться наедине.

Айви потупилась, вертя в пальцах кисточку от пояса юбки. Наверное, это было бы лучшим выходом из создавшегося положения.

— Ага, — протянул Грегори. — Я понял. Это ты тоже собралась мне сказать. Во второй части, так сказать.

Айви промолчала. Она не знала, чего хочет на самом деле.

Грегори подошел к ней и накрыл ладонью ее руку, не дав ей оторвать кисточку.

— Эрик принимает наркотики, — спокойно сказал он. — И ты прекрасно об этом знаешь. И он глубоко, очень глубоко, увяз в отношениях с нашим приятелем-дилером. Поэтому мне пришлось выкупить его.

Айви посмотрела в глаза Грегори. Они казались совсем светлыми на его загорелом лице — как серебристое море в пасмурный день.

— Я не виню тебя в том, что ты подумала обо мне плохо, — продолжал Грегори. — Если бы я верил, что Эрик остановится, когда у него кончатся деньги, я бы не дал ему ни цента. Но он не остановится, а эти ребята шутить не любят. — Он отпустил руку Айви. — Эрик мой друг. Мы дружим с начальной школы. Я просто не знаю, что мне делать.

Айви отвернулась. Ей было мучительно стыдно. Грегори был таким преданным другом Эрику, а она вела себя, как свинья, по отношению к Сюзанне.

— Не молчи, — попросил Грегори. — Скажи, что у тебя на душе. Я знаю, тебе не нравится то, что я делаю. Ты думаешь, я должен найти себе друзей получше, чем Эрик.

Айви замотала головой.

— Нет, я не осуждаю тебя за то, что ты делаешь, — быстро сказала она. — Эрику повезло иметь такого друга, как ты. Как и мне. И Сюзанне.

Грегори взял ее за подбородок и повернул к себе.

— Заканчивай свою работу, — сказал он, — и давай поговорим обо всем начистоту.

Только давай не поедem домой, а посидим где-нибудь еще.

— Хорошо.

— Ты не хочешь переодеться? — с улыбкой спросил Грегори.

— Ой, я совсем забыла! — спохватилась Айви. — Я пролила капучино на платье. Оно отмокает в раковине!

— А что, я не против, — рассмеялся Грегори. — В этом наряде ты выглядишь... скажем так, очень экзотично, — сказал он, скользя взглядом по ее открытым плечам.

Айви слегка поежилась.

— Пожалуй, я тоже подберу себе какой-нибудь костюм, — решил Грегори.

Он подошел к полкам с шляпами и париками, несколько минут рылся в них, а потом крикнул:

— Ну как?

Айви подняла глаза от кассы и расхохоталась. Грегори нахлобучил кудрявый красный парик, цилиндр и галстук-бабочку в горошек.

— Лихо! — воскликнула Айви.

Грегори примерил следующий костюм — маску Клингона из сериала «Звездный путь», косматую голову Кинг-Конга, огромную шляпу с цветами и боа из искусственных перьев.

— Клоун! — даваясь от смеха, прыснула Айви.

Грегори усмехнулся и кокетливо помахал концом боа.

— Если хочешь перемерить все наши костюмы, то примерочные у тебя за спиной. Левая попросторнее, зеркала со всех сторон, так что рассмотришь себя под всеми углами, — посоветовала Айви. — Как жаль, что здесь нет Филиппа, он бы с удовольствием с тобой подурачился!

— Когда закончишь, можешь подурачиться со мной, — ответил Грегори. — Я буду только рад.

Айви провозилась дольше, чем предполагала. Когда она, наконец, закрыла тетрадь, Грегори в торговом зале не было.

— Грегори! — окликнула она.

— Да, слатенькая? — ответил он воркующим южным говорком.

— Что ты делаешь?

— Иди сюда, милочка моя, — отозвался Грегори из примерочной. — Я тебя поджидаю, да.

— Что ты затеял? — пряча улыбку, спросила Айви.

Она на цыпочках подошла к примерочной и медленно толкнула дверь. Грегори стоял, прижавшись спиной к стене. Стремительно обернувшись, он выпрыгнул перед ней.

— Ох! — невольно ахнула Айви. Она не притворялась: Грегори превратился в ослепительно прекрасного вампира в белой рубашке с глубоким вырезом и черном плаще с капюшоном. Его темные волосы были гладко зачесаны назад, серые глаза озорно сверкали.

— Ну, здравствуй, моя медовенькая.

— Скажи-ка, — спросила Айви, когда немного оправилась от изумления, — если ты нацепишь вампирские клыки, то перестанешь пережевывать слова, как южанин?

— Ни за что! Я так всегда говорю, красавица моя, — Грегори схватил ее за руку и втащил в примерочную. — Ну во-о-от, наконец-то мы остались вдвоем, только ты и я, слатенькая. И теперь я могу сказать, какая у тебя славенькая белая шейка!

Айви засмеялась. Грегори надел длинные клыки и принялся очень щекотно кусать ее за

шею.

— Так, и куда же мне втыкать осиновый кол? — спросила Айви, слегка отпихивая его. — Прямо сюда? — Она легонько ткнула его в вырез рубашки.

Грегори схватил ее руку и задержал в своей. Потом снял зубы, поднес руку Айви к своим губам и нежно поцеловал. Айви не сопротивлялась, когда он привлек ее к себе.

— Сдается мне, милочка, что ты уже сделала это — пронзила наповал, да прямо в сердце, — прошептал он.

Айви, не дыша, смотрела на него. Его глаза сверкали, как серые угли, под длинными, опущенными ресницами.

— Какая сладкая шейка, — прошептал Грегори, наклоняя голову. Его темные волосы, рассыпавшись, упали на лоб. Он нежно поцеловал Айви в шею. Потом поцеловал еще раз, и еще, медленно приближая губы к ее губам.

Его поцелуи становились все более настойчивыми. Айви отвечала ему более сдержанно.

Грегори прижал ее к себе, стиснул в объятиях, а потом вдруг резко отпустил и упал перед ней на колени. Его сильные нежные руки медленно заскользили по телу Айви, прижали ее к себе.

— Все хорошо, — еле слышно шептал Грегори. — Все хорошо.

Они так стремительно вцепились друг в друга, что едва не упали. Айви открыла глаза. Слева, справа, прямо, за спиной — со всех сторон этой зеркальной примерочной — она видела себя и Грегори, крепко обхвативших друг друга.

Она отстранилась от него.

— Нет!

Она закрыла руками лицо.

Грегори попытался оторвать ее ладони, но Айви отвернулась к стене и забилась в угол, в тщетной попытке спрятаться от отражения девушки, которая только что целовалась с Грегори.

— Это неправильно, — прошептала она.

— Покажи, как правильно.

— Это нехорошо! Неправильно по отношению к тебе, ко мне, к Сюзанне.

— Забудь о Сюзанне! Есть только я и ты.

— Не забывай о Сюзанне, — умоляюще прошептала Айви. — Она так давно хотела быть с тобой! А я... Да, я хочу быть рядом с тобой, хочу говорить с тобой, дотрагиваться до тебя. Хочу целовать тебя. Как я могу не хотеть этого, если ты так добр ко мне, если ты так много для меня значишь? Но, Грегори, понимаешь... Я знаю... — Она набрала в легкие побольше воздуха. — Я знаю, что все еще люблю Тристана.

— Думаешь, я не знаю об этом? — рассмеялся Грегори. — Ты никогда этого не скрывала, Айви.

Он снова шагнул к ней и взял за руку.

— Я знаю, что ты все еще любишь его, и тоскуешь по нему. Позволь мне облегчить твою боль.

Он взял ее руку в свои ладони.

— Подумай об этом, Айви. Просто подумай об этом, — попросил он.

Айви молча кивнула, теребя свободной рукой кисточку на юбке.

— Я переоденусь, — сказал Грегори. — Вернемся домой порознь, каждый на своей машине. Я поеду долгой дорогой, поэтому мы прибудем в разное время. Мы даже не увидим

друг друга, прежде чем разойдемся по своим комнатам. Поэтому... — Он поднес руку Айви к своим губам. — Хочу прямо сейчас поцеловать тебя на ночь, — шепнул он, прикасаясь губами к кончикам ее пальцев.

Когда Тристан проснулся, примерочную озаряло лишь его собственное слабое мерцание, отражавшееся в бесчисленных зеркалах. Но тьма, которую он чувствовал в этой пустой комнатке, была не просто отсутствием света. Эта тьма казалась одушевленной, у нее были мягкие и зловещие очертания, и ее присутствие злило и пугало Тристана.

«Грегори!» — вслух сказал он, вспомнив все то, что недавно видел в этой комнате.

На миг Тристану показалось, будто в примерочной вспыхнул свет. Неужели Грегори в самом деле влюбился в Айви? И правду ли он сказал ей насчет Эрика? Тристан должен был во что бы то ни стало пробраться к нему в голову и выяснить, что он затевает.

«Ты следующий, Грегори! Ты следующий».

«Когда ты перестанешь болтать сам с собой? Неужели нельзя проявить побольше внимания к девушке, которой необходим сон для поддержания красоты?»

Тристан выскочил из примерочной в магазин, освещенный указателем запасного выхода и двумя тусклыми ночными лампочками. Лэйси уютно свернулась клубочком у лап Кинг-Конга.

«Я ждала тебя в нашем кондоминиуме на кладбище, — хмыкнула Лэйси, поднимая над головой увядший цветок мака. — Вот, принесла тебе подарочек. Там их целый букет, но все завяли. Они лежали на твоей могилке в виде буквы „Т“. Трогательно, правда? Видишь, как плохо подолгу не бывать дома!»

«Я не мог».

«Я заглянула к Эрику, — продолжала Лэйси. — Подумала, вдруг ты потерялся на американских горках его больного сознания! Потом заглянула к

Айви, у которой опять выдалась тяжелая ночь, и прилетела сюда. Ну, какие новости?»

«Как она?» — спросил Тристан.

Сначала он тоже хотел пойти домой к Айви и поспать там. Тогда он смог бы позаботиться о том, чтобы Элла постерегла сон своей хозяйки, а в случае необходимости мог позвать Филиппа. Но Тристан понимал, что если окажется в спальне Айви, то не сможет уснуть и будет всю ночь смотреть на нее. А ему нужны были силы.

«Все в порядке?»

«Айви есть Айви, — ответила Лэйси, взъерошив свои короткие волосы. — Скажи мне, сколько серий я пропустила в вашей мелодраме? Грегори не находит себе места. Что его грызет?»

Тристан рассказал ей о событиях вечера и о том, что увидел в сознании Эрика, уделив особое внимание воспоминанию о сцене в доме Каролины и безумному отчаянию, охватившему Эрика.

Какое-то время Лэйси слушала внимательно, а потом принялась расхаживать по магазину. Материализовав пальцы, она примерила одну маску, обернулась к Тристану и нацепила следующую.

«Может быть, это не первый раз, когда Эрик влипает в неприятности с дилерами, — предположила она. — Что если раньше он тянул деньги из Каролины, как теперь тянет их из Грегори? И что если той ночью ему срочно нужно было расплатиться, а Каролина не захотела войти в его положение?»

«Нет, думаю, все не так просто, — с неожиданной поспешностью выпалил Тристан. — Я знаю, что все не так просто!»

Лэйси удивленно приподняла бровь.

«Ты это знаешь, или просто хочешь верить?» — уточнила она.

«Что ты имеешь в виду?»

«Мне кажется, что тебе очень хочется во что бы то ни стало доказать виновность Грегори. Бедный, невинный красавчик Грегори! — поддразнила Лэйси. — Может быть, несчастный ягненок виноват только в том, что обожает морочить головы девушкам и, заигравшись, случайно влюбился в твою девочку, а она — вот незадача! — влюбилась в него?» — лукаво добавила она.

«Ты сама в это не веришь!» — огрызнулся Тристан.

Лэйси пожала плечами.

«Нет, я не спорю: Грегори довольно часто ведет себя, как последний поганец, но иногда — по крайней мере, в последнем случае — он поступает, как человек. Все-таки ему хватило доброты спасти шею этого дурачка Эрика! — Лэйси провела языком по зубам и улыбнулась. — Короче, я думаю, что он богатый, красивый и невинный!»

«Если он невиновен, то его воспоминания это подтвердят», — буркнул Тристан.

Лэйси, внезапно посерьезнев, покачала головой.

«Берегись: на этот раз он может зашвырнуть тебя на край света».

«Я рискну, и у меня все получится, вот увидишь! В конце концов, у меня самая лучшая учительница на свете!»

Лэйси внимательно посмотрела ему в глаза.

«Ты была права. В сознание Эрика проще всего оказалось попасть именно на рассвете, когда он спал спокойно, но неглубоко. Я собираюсь испробовать тот же способ с Грегори».

«Ну вот, выучила, называется, на свою голову!»

Тристан весело подмигнул ей.

«Я уверен, что ты заработала кучу призовых ангельских очков за то, что помогаешь мне завершить мою миссию!» — горячо заверил он.

Лэйси отвернулась.

«И эти очки помогут тебе закончить собственную миссию. Разве ты этого не хочешь?»

Лэйси пожала плечами, не оборачиваясь.

Тристан озадаченно посмотрел на нее.

«В чем дело? Я опять чего-то не понимаю?»

«Очень многого, Тристан, — вздохнула Лэйси. — Что прикажешь делать с этим цветочком?»

«Брось его. Мне очень приятно, что ты принесла его мне, но боюсь, ты израсходовала слишком много энергии, таща цветок через весь город. Слушай, мне пора бежать».

Лэйси кивнула.

«Спасибо тебе, Лэйси».

Она по-прежнему не поворачивалась к нему.

«Ты ангел!» — воскликнул Тристан.

«Хм-м-м...»

Сорвавшись с места, Тристан бросился бежать, и перед самым рассветом был уже в комнате Айви. И тут ему страшно захотелось материализовать хотя бы один палец и дотронуться до ее щеки.

«Я так люблю тебя, Айви! Я никогда не перестану любить тебя».

Всего одно прикосновение — что в этом такого? Одно простое прикосновение — неужели оно заберет у него так уж много сил?

Опомнившись, Тристан поспешно выскочил из спальни Айви, чтобы не поддаться искушению и не растратить драгоценную энергию, необходимую для общения с Грегори.

Грегори спал спокойно. Тристан бегло просмотрел его коллекцию музыки и выбрал диск, который знал. Материализовав два пальца, он вставил диск в проигрыватель и прикрутил регулятор громкости. Потом растолкал Грегори и отдался музыке, шепотом произнося слова и воображая стоящие за ними образы.

Странно, но он почему-то постоянно сбивался. Тристану казалось, что он отлично помнил слова этой песни, так почему же тогда он так часто ошибался? Он снова сосредоточился, и вдруг понял, что на образы, возникающие у него в воображении, накладываются картины, созданные сознанием Грегори.

«Видела, Лэйси? Я проник в него! У меня все получилось!»

Внезапно Тристану показалось, что Грегори ищет его, слепо и отчаянно обшаривая уголки своего сознания, как полусонный человек пытающийся нащупать часы, когда включается сигнал будильника. Тристан замер, отключил все мысли, и вскоре музыка отнесла Грегори прочь.

Тристан перевел дух. Интересно, как далеко Грегори зашвырнул бы его прочь, если бы обнаружил?

Однако подобные мысли были чужими для Грегори и могли снова насторожить его. Если Тристан хотел добиться успеха, он должен был прекратить размышлять, а просто делать свое дело.

Он решил сосредоточиться на настольной лампе, стоявшей в гостиной у Каролины.

В тот день, когда они с Лэйси обшаривали дом, Тристан заметил, что лампа стояла как раз возле того кресла, где полицейские нашли тело Каролины. Обычная галогенная лампа на длинной ножке и с металлическим диском сверху казалась отличной приманкой: с одной стороны, она была слишком обыкновенной, чтобы вызвать подозрения у объекта, а с другой могла пробудить воспоминания о Каролине, сидевшей в кресле в тот роковой майский вечер.

Тристан сосредоточился на лампе. Снова и снова он мысленно представлял ее себе. Потом протянул руку, словно хотел включить...

И неожиданно очутился в гостиной у Каролины. Она сидела в кресле и с легкой насмешкой смотрела на него. Внезапно она встала. На щеках ее вспыхнули алые пятна, совсем как у Грегори, когда он злился. Но при этом в глазах Каролины сверкал торжествующий огонек.

Она прошла к столу. Тристан смотрел на нее глазами Грегори, который остался стоять возле лампы. Каролина взяла со стола листок бумаги и помахала им в воздухе, словно дразнила Грегори. Тристан почувствовал, как руки Грегори сжимаются в кулаки.

И тут Каролина двинулась к нему. Наверное, она предложила Грегори взглянуть на бумагу, но Тристан не слышал ее слов. Гнев так быстро вскипел в его душе и был настолько силен, что сердце у него бешено забилося, и кровь загрохотала в ушах, заглушая все другие звуки.

Он поднял руку. Схватил лампу и швырнул ее в Каролину. Он увидел, как она опрокинулась назад и отлетела, как картонная фигурка на фоне ярко-голубого неба, сиявшего в огромном окне.

И тогда он закричал. Тристан тоже закричал, увидев, как Каролина падает на спину, и на лице ее появляется ярко-алая струйка крови.

Внезапно Грегори вздрогнул, и Тристан понял, что он его заметил. Похоже, теперь настанет его очередь быть отброшенным куда подальше.

Тристан попытался унести ноги, не дожидаясь расправы. Но обрывки воспоминаний продолжали кружить перед ним, как разноцветные стекляшки в калейдоскопе. У него закружилась голова. Он уже не мог отделить свое сознание от сознания Грегори. Тристан бежал по бесконечному лабиринту запутанных, безумных мыслей и чувств. Он был в ловушке!

Внезапно он услышал нежный голос, окликающий Грегори по имени, умоляющий его проснуться. Айви!

Тристан увидел ее глазами Грегори — в наспех наброшенном халате, склонившуюся над его кроватью. Ее спутанные волосы падали ему на лицо. Ее руки обвились вокруг Грегори, успокаивая его. Вскоре Грегори затих, успокоившись, и Тристан покинул его.

— Ну все, Филипп! — воскликнул Грегори, задирая тенниску и обтирая взмокшее от пота лицо. — Я больше не буду давать тебе уроки тенниса! Ты постоянно выигрываешь.

— Значит, теперь я буду давать тебе уроки, — самодовольно ответил Филипп.

Грегори стащил мокрую рубашку и беззлобно шлепнул ею Филиппа.

— Паршивец!

Айви и Мэгги, с интересом наблюдавшие за вторничным уроком, расхохотались.

— Ах, детки, я всегда мечтала, что все будет так, как сейчас! — расчувствовалась Мэгги.

Стоял прекрасный летний день: небо сияло рекламной голубизной, верхушки сосен слегка шевелились под легким ветерком. Они сидели на теннисном корте.

Айви загорала, а Мэгги устроилась на затененной части пледа.

— Наконец-то мы стали одной семьей! — в упоении продолжала ворковать Мэгги. — И я могу с чистой душой уехать, зная, что все мои детки счастливы и довольны!

— Даже не думай беспокоиться за нас, мам, — заверила ее Айви. — Вы с Эндрю давнo заслужили провести несколько деньков наедине на берегу озера!

— Эндрю срочно нужно отдохнуть, — кивнула Мэгги. — Бедняжка, он столько работает! В последнее время я чувствую, что его что-то гнетет. Обычно перед сном он рассказывает мне обо всем, что случилось за день — все-все-все, во всех подробностях! Ты себе не представляешь, как это усыпляет, дорогая!

Айви рассмеялась.

— Но в последние дни у него словно какой-то камень на душе лежит, — вздохнула Мэгги. — Я же вижу, как его что-то грызет, но он держит все в себе и молчит.

Айви накрыла ладонью руку матери.

— Вам просто нужно побыть вдали от нас и от коллег Эндрю по работе. Он очень много работает, ему необходимо развеяться. Уверяю тебя, вы отлично проведете время вдвоем!

Мэгги от души поцеловала ее и встала, чтобы попрощаться с Филиппом.

— Ты моя радость, цыпленочек! — воскликнула она, обнимая сына за плечи.

Филипп сердито сморщился.

— Держись! — весело воскликнул Грегори.

Мэгги рассмеялась. Она запечатлела сердечный розовый поцелуй на круглой щеке Филиппа и смущенно чмокнула Грегори.

— Позаботься о моем малыше, — негромко попросила она. — И о большой малышке тоже.

— Можете на меня положиться, Мэгги, — улыбнулся Грегори.

Мэгги радостно посеменила к дому, огромная сумочка била ее по спине. Вещи были уже загружены в машину: Мэгги должна была забрать Эндрю после утреннего совещания и отправиться напрямиком на озеро.

Грегори с улыбкой посмотрел на Айви и растянулся рядом с ней на одеяле.

— Значит, целых три дня мы можем есть, что хотим и когда хотим? — промурлыкал он.

— Я хочу сэндвич и прямо сейчас, — объявил Филипп. — А вы?

Айви покачала головой.

— Мне скоро на работу. Перекушу в комплексе.

— А какой ты будешь готовить сэндвич? — поинтересовался у Филиппа Грегори.

— Со сливочным сыром, сахаром и корицей!

— Тогда я пасс.

Филипп помчался к дому, на ходу вытирая лицо рубашкой, а потом стянул ее через голову и принялся хлестать по деревьям.

Когда он скрылся в сосновой роще, отделявшей дом Бэйнсов от теннисного корта, Айви задумчиво сказала:

— Знаешь, он стал во всем подражать тебе. Каково быть ролевой моделью?

— Пока не знаю, — криво усмехнулся Грегори. — Полагаю, мне придется серьезно изменить свое поведение.

Айви рассмеялась и снова откинулась на плед.

— Спасибо, что вел себя очень мило с моей мамой, — сказала она.

— Когда это? Когда пообещал позаботиться о ее малышке? Это обещание будет нетрудно сдержать, — хмыкнул Грегори, придвигаясь поближе к Айви. Он посмотрел на нее и провел рукой по ее обнаженному животу. — Ой, какая ты теплая!

Айви стало жарко. Она положила свою руку на пальцы Грегори.

— Почему ты не надела этот купальник на вечеринку Эрика? — спросил Грегори.

— Я ношу его только тогда, когда чувствую себя уютно, — рассмеялась Айви.

— Значит, тебе уютно со мной? — Грегори приподнялся на локте, посмотрел ей в глаза, а потом медленно скользнул взглядом вдоль всего тела Айви.

— И да, и нет, — ответила она.

— Ты такая честная! — усмехнулся Грегори, наклоняясь над Айви.

Не дотрагиваясь до нее руками, он коснулся губами ее губ. Айви поцеловала его. Грегори на миг оторвался от нее, а потом снова припал губами к ее губам, по-прежнему не делая попыток пустить в ход руки.

Они поцеловались в третий раз. И тогда Айви сама обвила его руками за шею и притянула к себе.

Она так увлеклась, что не услышала шороха шагов, приближавшихся к ним по траве.

— Я с десяти утра жду тебя в парке.

Грегори резко вскинул голову, а Айви вцепилась в край пледа.

— Похоже, ты нашел себе занятие повеселее, — хмыкнул Эрик, кивая на Айви.

Грегори оторвался от нее. Айви закуталась в плед, словно Эрик застал ее без купальника. Он смотрел на нее так, что она чувствовала себя голой. Выставленной напоказ. Эрик расхохотался.

— Я как-то смотрел фильм про сестричку, которая никак не могла держать свои ручонки подальше от братишки.

— Я сводный брат, — напомнил Грегори. Айви съежилась в своем пледе.

— Неважно. Вижу, бедный Тристи уже забыт? — продолжал Эрик. — Грегори исцелил боль утраты?

— Заткнись, Эрик, — угрожающе сказал Грегори.

— В этом деле он лучше Тристана, да? — вкрадчиво спросил Эрик у Айви. — Еще бы ведь он знает все приемчики, которые и не снились нашему неотесанному чемпиону!

Каждое его слово, как змея, пробиралось прямо в сердце Айви.

— Заткнись! — заорал Грегори, вскакивая на ноги.

— Ведь ты с самого начала это знала, правда? — голос Эрика был мягок, как шелк. — Все девочки рассказывают о талантах нашего Грегори, как тут не захотеть попробовать

самой?

— Убирайся отсюда!

— Сюзанна, наверное, тебе тоже много чего рассказывала, — не унимался Эрик.

— Я тебя предупреждаю...

— Не могла же Сюзанна не рассказать своей лучшей подружке о том, каков Грегори в деле! — воскликнул Эрик, делая выразительные движения бедрами.

— Убирайся из моих владений!

Эрик повернулся к Грегори и от души расхохотался.

— Из твоих владений? — переспросил он, растягивая губы в фальшивой улыбке. — Твоих? Впрочем, возможно, когда-нибудь так оно и будет. Если тебе повезет.

Грегори на миг онемел, а потом заговорил очень спокойно, но в каждом его слове звучала ледяная угроза.

— На твоём месте, Эрик, я бы молился о том, чтобы мне повезло. Потому что если мне вдруг не повезет — то ты тоже окажешься по уши в дерьме.

Он шагнул к своему другу.

Внезапно Эрик бросился бежать. На бегу он обернулся через плечо и рассмеялся, как ребенок, призывающий друзей догнать его и осалить, однако его хохот был настолько безумным, что у Айви кровь застыла в жилах.

Филипп, вернувшийся из дома на крики, со всех ног бросился к Айви и Грегори.

— Что случилось? — спросил он, переводя глаза с Грегори на Айви, все еще кутавшуюся в плед. — Что здесь произошло?

— Ничего, — ответил Грегори. — Ничего, о чем тебе стоит беспокоиться.

Филипп недоверчиво посмотрел на него, потом повернулся к Айви.

— Ты в порядке?

Она молча кивнула. Грегори обнял Айви за талию.

— Эрик наговорил ей гадостей, вот и все.

— Каких гадостей?

— Просто гадостей, — ответил Грегори.

— Каких?

— Я не хочу говорить об этом, — отрезала Айви.

Филипп закусил губу. Потом повернулся и молча пошел прочь.

Айви знала, что он обиделся. Она высвободилась из-под руки Грегори и крикнула:

— Филипп! Меня срочно нужно крепко-крепко обнять. Я знаю, что ты уже совсем большой, но у меня просто ужасно на душе. Ты не мог бы обнять меня?

Братишка обернулся, со всех ног бросился к ней и крепко обхватил руками.

— Мы о тебе позаботимся, — шепнул он.

— Правда? — так же шепотом спросила Айви.

— Я и Грегори, — кивнул Филипп. — И ангел Тристан.

Айви быстро отстранилась. Губы ее задрожали.

— Спасибо, — пролепетала она и бросилась к дому.

Услышав крики, Тристан выглянул в окно, чтобы посмотреть, что происходит. Деревья скрывали Грегори и Эрика из виду. Тристан слышал лишь звук их голосов, но не мог разобрать слов. Потом все стихло. Сердитая перепалка закончилась так же внезапно, как началась.

Тристан не знал, что ему делать. Он хотел убедиться, что с Айви ничего не случилось, но в то же время не мог оставить комнату Грегори в том виде, в каком она была. Тристан все утро обыскивал ее, поэтому ящики стола до сих пор были выдвинуты, бумаги рассыпаны по полу, карманы пиджаков и брюк вывернуты наружу. Если Грегори догадается, что кто-то рылся в его вещах, он еще больше насторожится и затруднит Тристану расследование.

В последний раз, когда Айви понадобилась помощь, она позвала Тристана — пусть беззвучно, но он все равно услышал. Тристан замер, прислушиваясь. Все оставалось спокойно. Убедившись в том, что Айви ничего не угрожает, он решил остаться в комнате и поскорее прибраться.

Через несколько минут Тристан услышал, как Айви взбежала вверх по лестнице, потом снаружи послышались голоса Грегори и Филиппа, приближавшиеся к дому со стороны корта.

Тристан заторопился, однако силы его стремительно таяли. За последнее время он слишком часто материализовывал пальцы и, похоже, переутомился. Он с огромным трудом открывал и закрывал ящики в столе Грегори.

В верхнем ящике лежал старый школьный журнал с тщательно сохранными газетными статьями. В самом начале обыска Тристан проглядел заголовки, пытаясь понять, что могло заинтересовать Грегори в этих заметках. Теперь статьи были рассыпаны по полу. Тристан бросился собирать их и врезался в стопку видеокассет.

Несколько кассет выпали из коробок, и Тристан принялся лихорадочно запихивать их обратно. Голоса Грегори и Тристана раздавались уже у подножия лестницы, поэтому нужно было торопиться, но чем больше Тристан спешил, тем сильнее запутывался. Одна кассета никак не хотела влезать в свою коробку, как будто ей что-то мешало.

Тристан собрал всю свою энергию и снова вытряхнул кассету из футляра. И увидел, что с одной стороны к кассете был клейкой лентой приклеен целлофановый пакетик с тремя ярко-красными капсулами.

Он услышал скрип ступенек. Грегори был уже совсем близко! Тристан оторвал пакетик, сунул кассету в коробку и положил на вершину стопки. Он знал, что Грегори не может его увидеть, однако красные капсулы он сразу заметит. Тристан торопливо бросил пакетик за комод. В следующую секунду Грегори вошел в комнату.

Тристан в изнеможении привалился спиной к стене. Кажется, все было на своих местах, за исключением расписания поездов, валявшегося на полу в том месте, где недавно лежали рассыпанные кассеты.

«Это пустяки! — подумал Тристан. — Грегори решит, что расписание сдуло ветром со стола».

В самом деле, Грегори даже не взглянул на валявшийся листок, а сразу прошел к своему столу и сел. Испарина выступила у него на лбу, и мертвенная бледность разлилась под загорелой кожей. Он уронил голову на руки и долго сидел так, не шевелясь. Потом потер ладонями виски и выпрямился.

Внезапно Грегори резко вскинул голову. Взгляд его упал на валявшееся на полу расписание. Насторожившись, Грегори медленно обвел глазами комнату. Вскочив, он снял верхнюю кассету и вытащил ее из коробки. И тут у него отвисла челюсть.

Грегори посмотрел на название фильма и стал лихорадочно перебирать остальные кассеты. Быстро вытащил из следующей кассеты еще один пакетик, в котором тоже лежали три капсулы, и затравленно огляделся.

— Филипп! — Грегори резко выпрямился, опрокинув ногой стул. Он рванулся к двери, но на полпути остановился и с размаху ударил ладонью по стене. Несколько мгновений он стоял в оцепенении, глядя на дверь и сжимая в руке таблетки.

— Черт бы тебя пробрал, маленький паршивец!

Грегори сунул таблетки в карман, потом положил туда же бумажник. Вернувшись к своему столу, он поднял стул, сел и углубился в изучение расписания.

Тристан заглянул ему через плечо и увидел, что Грегори обвел время последнего ночного поезда. Зачем ему это? Ночной поезд выходил из Тассета в 1:45 ночи и не останавливался в Стоунхилле. Грегори что-то подсчитал, написал на клочке бумаги: 2:04, дважды обвел это время ручкой и сунул расписание в книгу. Потом снова опустил голову на руки и сидел так минут пятнадцать.

Тристан ничего не понимал. Ему хотелось узнать, о чем думает Грегори, но не хватало сил забраться к нему в сознание.

Тем временем, Грегори заметно успокоился, но его спокойствие почему-то пугало Тристана. Оно казалось ему зловещим. Наконец, Грегори медленно встал и кивнул самому себе, словно принял какое-то решение. Он взял ключи от машины и направился к двери. На середине лестницы он начал весело насвистывать.

— Похоже, пора его цветения уже позади, — сказала Бет, глядя на завядший мак, который Айви поставила в стакан с водой и водрузила на столик между ними.

Когда в среду утром Лиллиан и Бетти открыли свой магазинчик, то обнаружили во рту у Кинг-Конга алый мак, торчавший, как роза в зубах у лихого танцора. Целый день Айви пришлось уверять их, что это была не ее глупая шутка.

— Зачем мы пытаемся его оживить? — спросила Бет, облизывая свой рожок с мороженым. — Давай купим старине Кингу новый цветочек!

— Понимаешь, эти маки продавались в субботу на фестивале, — ответила Айви. — Я купила букетик красных маков для Тристана. Мы с Филиппом отнесли их на кладбище.

— Хорошо, что малыш пошел с тобой, — кивнула Бет. — Он очень скучает по Тристану.

— Он разложил маки в виде буквы «Т» на могиле, — сказала Айви, слабо улыбнувшись.

Бет кивнула, как будто теперь ей было совершенно понятно, почему Айви так хлопочет над завядшим цветком, случайно оказавшемся в магазине.

— Я схожу с ума, да? — вдруг спросила Айви. — Ведь мне должно было стать лучше! Говорят, что время лечит... Я должна была уже оправиться после гибели Тристана. Но ты только посмотри на меня! Ношу с этим дурацким цветком, как последняя дура, только потому, что он напоминает...

Не договорив, она вырвала мак из стакана и швырнула его на поднос с грязной посудой, который официантка проносила мимо их столика.

Бет вскочила из-за стола, догнала официантку и принесла мак обратно.

Айви покачала головой и принялась медленно прихлебывать чай. Бет занялась своим мороженым.

— Знаешь, — сказала она, первой нарушив молчание, — Я всегда готова тебя выслушать.

— Прости, Бет, — кивнула Айви. — Прости меня. Я позвонила тебе в панике в девяти часов вечера, оторвала от писательства ради того, чтобы перекусить в компании стареньких, но еще крепких игроков в боулинг, — она обвела глазами переполненный желто-оранжевый зал, — а теперь никак не могу начать рассказывать.

— Все в порядке, — ответила Бет, взмахивая мороженым. — У меня сейчас затяжной прыжок в сюжетную неизвестность, так что ты могла позвонить мне хоть в три часа ночи. А как ты догадалась, что я пишу?

Айви улыбнулась. Бет встретила ее на парковке в коротких джинсовых шортах, без макияжа и в старых очках, которые она надевала только в тех случаях, когда безотрывно сидела перед монитором. На ее растянутой футболке красовался розовый бумажный стикер с какими-то каракулями, а волосы были кое-как убраны под обруч.

— Просто угадала, — ответила Айви. — Чем Сюзанна сегодня занимается?

После фестиваля Айви и Сюзанна больше не разговаривали друг с другом.

— Поехала на свидание.

— С Грегори? — нахмурившись, спросила Айви.

Грегори обещал ей посидеть с Филиппом до ее возвращения.

— Нет, с каким-то парнем, который, по замыслу Сюзанны, должен заставить Грегори ревновать.

— Ах, вот оно что!

— Разве Сюзанна тебе не рассказывала? — удивилась Бет. — Да ведь она в последнее время только об этом и говорит! — Увидев выражение лица Айви, Бет спохватилась и быстро добавила: — Наверное, Сюзанна думает, что рассказала тебе. Ты же знаешь, как это бывает — расскажешь о чем-нибудь одному, и тебе уже кажется, что рассказала и другому.

Айви кивнула, но они обе прекрасно понимали, что дело совсем не в этом.

— В последнее время Грегори нечасто встречается с Сюзанной, — сообщила Бет, слизывая с рожка капли растаявшего шоколада. — Впрочем, ты и сама это знаешь.

— Он уезжает по вечерам, — пожалала плечами Айви, — но я не спрашиваю, куда и с кем.

— Ну вот. Сюзанна уверена, что он встречается с кем-то еще.

Айви принялась разглядывать картинки в меню.

— Сначала она думала, что Грегори просто играет с ней. Она не беспокоилась, потому что он часто так делал. Но теперь она уверена, что Грегори встречается с какой-то девушкой. Она думает, что он всерьез увлекся.

Айви вскинула глаза и поймала внимательный взгляд Бет.

«Неужели Бет в самом деле умеет читать мысли? — подумала она. — Или мое лицо выдает меня с головой?»

— Сюзанна постоянно спрашивает меня, что я думаю обо всем этом, — продолжала Бет, слегка нахмутив брови.

— И что ты ей говоришь? — спросила Айви.

Бет несколько раз моргнула, потом отвернулась в сторону и стала смотреть, как седая официантка кокетничает с двумя лысыми игроками в темно-красных рубашках для боулинга.

— Вряд ли я тот человек, которого следует об этом спрашивать, Айви, — медленно произнесла она, наконец. — Ты же знаешь, я всегда наблюдаю за людьми и добавляю увиденные черточки в свои произведения. Но иногда я так увлекаюсь, что забываю, где кончается настоящая жизнь и начинается роман.

— Что ты думаешь о Грегори? — прямо спросила Айви.

Бет снова взмахнула своим рожком.

— Я думаю, что он страшно популярен. Я думаю, что он нравится очень многим девушкам. Но я не могу сказать, кем он интересуется по-настоящему и что думает на самом деле. Я не могу прочитать его до конца.

Бет с хрустом впила зубами в вафлю и несколько мгновений молча работала челюстями.

— Грегори — он как зеркало, — сказала она. — Он отражает всех, с кем общается. Когда он с Эриком, он ведет себя, как Эрик. Когда он с тобой, то становится задумчивым и милым, как ты. Проблема в том, что я не знаю, какой он на самом деле, как нельзя сказать, как выглядит зеркало само по себе, без всех отражений. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Кажется, да.

— Знаешь, что я хочу тебе сказать, Айви? — вдруг спросила Бет каким-то новым, очень серьезным тоном. В ее голосе Айви послышалась тихая мольба. — Ты и Сюзанна — вы мои подруги. И я не могу разрываться между вами. Что я могу ответить Сюзанне, когда она спрашивает меня, что происходит?

— Не знаю, — выдавила Айви, снова опуская глаза на меню и проглядывая список десертов. — Я скажу тебе, когда буду знать, ладно? Кстати, как продвигается твое

творчество?

— Мое творчество? — переспросила Бет, не поспевая за столь резкой сменой темы разговора. — Слушай, у меня грандиозные новости!

— Вот как? Выкладывай!

— Меня скоро напечатают! В настоящем журнале, представляешь? — Глаза Бет радостно заблестели. — Настоящий взрослый журнал, называется «Чистосердечные признания»!

— Бет, но это же чудесно! А какой рассказ?

— Тот, что я написала для драмклуба. Помнишь, прошлой весной его напечатали в школьном литературном альманахе?

Айви попыталась вспомнить, но не смогла.

— Слушай, я прочитала столько твоих рассказов, что у меня уже в голове все перепуталось.

— Да ты что? Ну тот самый: «Она прижала пистолет к своей груди», — нараспев процитировала Бет. — «Черный и твердый, холодный и непреклонный. Его фотографии. Хрупкие выцветшие фотографии, на которых запечатлен он — он и она! — порванные, залитые слезами, просоленные отчаянием, небрежной россыпью валялись на кресле. Очень скоро она зальет их своей собственной кровью...» И так далее, и тому подобное.

Две официантки с полными подносами в руках, остановились между столиками, чтобы послушать.

— Что с тобой? — спросила Бет. — Айви! У тебя сделалось такое странное лицо!

— Ничего... ничего... Я просто задумалась, — пробормотала Айви.

— В последнее время ты очень часто этим занимаешься.

— Ты права, — засмеялась Айви. — Пожалуй, отложу это занятие до следующего месяца, когда начнутся занятия в школе.

Им принесли счет. Айви полезла в сумочку за кошельком.

— Слушай, — сказала Бет, — почему бы тебе не переночевать сегодня у меня? Могли бы поболтать, как следует. Посмотрим кино, пополируем ногти, испечем печеньки! — Она сунула в рот кончик своего рожка. — Низкокалорийные печеньки, — быстро добавила Бет.

Айви с улыбкой принялась вытаскивать деньги.

— Я должна ехать домой, Бет.

— Нет, не должна.

Айви застыла. Бет произнесла это с какой-то странной уверенностью.

— Я не знаю, почему, — продолжала Бет, задумчиво вертя в пальцах прядку своих растрепанных волос. — Просто ты не должна ночевать сегодня дома.

— Нет, я не могу, — ответила Айви. — Если Филипп вдруг проснется среди ночи и увидит, что меня нет, он испугается и решит, будто со мной стряслась какая-то беда.

— Позвони ему, — предложила Бет. — Если он уже уснул, пусть Грегори оставит ему записку у кровати. Ты не должна ночевать дома сегодня. У меня вдруг возникло такое ощущение... очень сильное ощущение.

— Ах, Бет, я знаю, что у тебя бывают такие ощущения. Признаю, что однажды ты оказалась права, но сейчас совершенно другое дело! Я не одна. Грегори ночует дома. Все двери будут закрыты. Со мной ничего не случится.

Бет пристально смотрела куда-то за спину Бет и щурила глаза, словно пыталась

разглядеть что-то.

Айви быстро обернулась, но увидела лишь кудрявого мужчину в ярко-желтой рубашке для боулинга. Мужчина игриво подмигнул ей, и Айви поспешила отвернуться.

— Можно мне переночевать у тебя? — спросила Бет.

— Что? Нет. Только не сегодня, — отрезала Айви. — Мне нужно выспаться, а ты должна закончить начатый рассказ. Я угощаю, — заявила она, отодвигая счет.

На парковке Айви пришлось несколько раз попрощаться с Бет, прежде чем та нехотя отпустила ее домой.

По дороге Айви размышляла над рассказом Бет. Детали самоубийства Каролины были скрыты от прессы, поэтому Бет никак не могла узнать о фотографиях, которые Каролина разорвала перед тем, как застрелиться.

Как странно... Произведения Бет всегда изобиловали мелодраматическими деталями, казавшимися ее друзьям надуманными и притянутыми за уши, и вдруг теперь эти подробности оказались чистой правдой.

Когда Айви подъехала к дому, там было уже темно, свет горел только в комнате Грегори. Айви не хотела, чтобы он слышал, как она вернулась, поэтому оставила машину перед гаражом. Если он вдруг начнет беспокоиться, то выглянет в окно и сразу увидит, что она приехала.

Айви решила подняться к себе по парадной лестнице, чтобы не проходить мимо комнаты Грегори. Вечером он дважды звонил ей в магазин. Айви знала, что Грегори хочет с ней поговорить, но не была готова к этому разговору.

Летний вечер был упоительно теплым, луна еще не взошла, но мириады звезд усеяли небо. Некоторое время Айви молча стояла, глядя на звезды, а потом тихо пошла к дому по траве внутреннего дворика.

— Где была?

Айви так и подскочила от неожиданности. Она не заметила Грегори, сидевшего в тени дома.

— Ч-что?

— Где ты была?

Айви не понравился его тон.

— Гуляла, — ответила она.

— Я ждал, что ты перезвонишь мне. Почему ты не перезвонила?

— Я была занята с покупателями.

— Я думал, ты вернешься домой сразу после работы.

Айви с грохотом бросила ключи на чугунный столик.

— А я думала, что меня не будут допрашивать насчет того, где и почему я задержалась на час! Тем более, я не ждала этих расспросов от тебя, Грегори. Я устала от всего этого!

Она слышала, как он переменял позу, но по-прежнему не видела его лица.

— Я устала от того, что все следят за каждым моим шагом! Бет мне не мать, а ты, Грегори — не старший брат!

Он негромко рассмеялся.

— Я рад это слышать. Я боялся, что ты воспримешь слова Эрика всерьез.

Айви опустила голову и глухо сказала:

— Наверное, так и есть.

Повернувшись, она сделала шаг в сторону дома. Грегори поймал ее за руку.

— Нам нужно поговорить.

— Мне нужно подумать, Грегори.

— Думай вслух, — предложил он.

Айви покачала головой.

— Выслушай меня, Айви. Мы не делаем ничего плохого!

— Тогда почему я чувствую себя... так плохо? В таком смятении? И такой гадкой? Нечестной. Неверной.

— По отношению к кому? — спросил он. — К Сюзанне?

— Сюзанна уверена, что ты увлекся другой девушкой, — сказала Айви.

— И она права, — тихо ответил Грегори. — Только я не уверен, что она увлеклась мною... А ты?

Айви прикусила губу.

— Дело не только в Сюзанне.

— В Тристане?

Она кивнула.

Грегори взял ее за руку и притянул к себе.

— Присядь.

— Грегори, я не хочу об этом говорить.

— Тогда просто послушай. Выслушай меня. Ты любишь Тристана. Ты любишь его так, как не любишь никого другого.

Айви слегка отодвинулась, но Грегори крепко сжал ее пальцы.

— Слушай! Если бы ты погибла в той аварии, чего бы ты хотела для Тристана? Ты хотела бы, чтобы его больше никто никогда не любил? Ты хотела бы, чтоб он до конца дней своих остался один?

— Нет! Конечно же, нет, — ответила Айви.

— Конечно же, нет, — тихо повторил Грегори. Он потянул ее за руку и усадил рядом с собой.

Сидение скамейки было холодным и жестким.

— Я думаю о тебе днем и ночью, — прошептал Грегори.

Он принялся нежно гладить ее лицо и шею. Потом поцеловал ее — нежно, как ребенок. Айви не сопротивлялась, но и не ответила на его поцелуй.

— Я ждал тебя здесь весь вечер, — сказал Грегори. — Мне нужно уехать ненадолго. Не хочешь прокатиться со мной?

— Мы не можем оставить Филиппа одного, — напомнила Айви.

— Еще как можем, — тихо ответил Грегори. — Он крепко спит. Мы запрем дом, и включим сигнализацию снаружи. И немного покатаемся. Даю слово, что не буду приставать к тебе с разговорами!

— Мы не можем оставить Филиппа, — повторила Айви.

— С ним все будет в порядке! Что плохого в небольшой ночной поездке? Что плохого в том, чтобы включить музыку и погонять по пустым дорогам? Что плохого в том, чтобы немного развеяться?

— Я не хочу ехать, — отрезала Айви.

Она почувствовала, как Грегори напрягся.

— Не сегодня, — поспешно добавила она. — Я устала, Грегори. Мне нужно поскорее лечь. Может быть, в другой раз?

— Хорошо. Как скажешь, — сипло ответил он и откинулся на спинку стула. — Тогда иди спать.

Айви оставила его во дворе, вошла в темный дом и ощупью двинулась в свою комнату. Она заглянула к Филиппу, поправила ему одеяло, а потом прошла через смежную ванную в свою комнату, где ее встретили горящие глаза Эллы. Айви включила маленькую лампочку на комод, и Элла тут же принялась мурлыкать.

— Это мурлыканье для меня или для него? — спросила Айви.

Фотография Тристана, подаренная его матерью, стояла в желтом круге света, отбрасываемом лампой.

Айви взяла ее в руки. Тристан улыбался ей. На нем была старая бейсболка, надетая козырьком назад, и распахнутый школьный пиджак. Казалось, он спешил ей навстречу.

Иногда Айви просто не могла поверить в то, что он мертв. Умом она знала это, понимала, что его жизнь оборвалась навсегда в одно мгновение, но сердце отказывалось верить.

— Люблю тебя, Тристан, — сказала она, целуя фотографию. — Спокойной ночи.

Айви проснулась от собственного крика. Она охрипла, как будто кричала несколько часов не переставая. На часах было пятнадцать минут второго.

— Все хорошо. Ты в безопасности. Все хорошо, Айви.

Грегори обнимал ее. Филипп стоял возле кровати, прижимая к себе Эллу.

Несколько мгновений Айви смотрела на них, потом снова откинулась на плечо Грегори.

— Когда это прекратится? Когда закончится этот кошмар?

— Ш-ш-ш-ш. Все хорошо.

Но это была неправда. Кошмар не только не переставал ей сниться, но становился все страшнее.

Казалось, он жил своей жизнью. Обрастал новыми деталями, выбрасывал все новые и новые щупальца страха, копошившиеся в самых темных уголках сознания Айви. Она закрыла глаза, уронив голову на грудь Грегори.

— Почему ей все время снятся кошмары? — спросил Филипп.

— Я не знаю, — ответил Грегори. — Наверное, это последствия той аварии.

— Иногда сны посылают ангелы, — сказал Филипп. Слово «ангелы» он произнес очень быстро и с опаской покосился на Айви, словно боялся, что она накричит на него. — Так они шлют нам свои послания.

Грегори внимательно посмотрела на Филиппа, а потом вдруг спросил:

— Ангелы ведь хорошие, правда?

Филипп кивнул.

— Но если они хорошие, то почему посылают Айви плохие сны?

Филипп ненадолго задумался, а потом покачал головой.

— Нет... Наверное, это делают злые ангелы!

Айви почувствовала, как Грегори вдруг напрягся.

— Никакие ангелы тут ни при чем, — устало сказала она. — Это все мое сознание. Так оно пытается привыкнуть к смерти Тристана. Все пройдет со временем. Я привыкну, и кошмары прекратятся.

Но она знала, что говорит неправду. Айви боялась, что эти сны никогда не прекратятся. В последнее время ей стало казаться, что эти сны были не просто попыткой бессознательно

свыкнуться со смертью Тристана. Возможно, в них таилось нечто большее...

— Филипп, я придумал план, — объявил Грегори. — До тех пор, пока эти кошмары не прекратятся, мы с тобой будем по очереди дежурить в комнате у Айви. Сегодня с ней посижу я. А завтра — твоя очередь. Идет?

Филипп недоверчиво посмотрел на Грегори, потом на Айви.

— Ладно, — решил он, наконец. — Айви, можно я возьму Эллу к себе?

— Конечно. Она любит спать с тобой.

Айви проводила братишку взглядом — он прижимал Эллу к животу, склонив к ней голову и смешно морща брови.

— Филипп! — окликнула она. — Когда я завтра вернусь домой с работы, мы с тобой устроим что-нибудь особенное. Хочешь, поедем куда-нибудь вдвоем, только ты и я. Подумай, чего бы тебе хотелось. Все, что хочешь. Честное слово. Все будет хорошо, вот увидишь.

Филипп кивнул, но Айви видела, что он ей не поверил.

— Спи спокойно, — сказала она. — Элла будет стеречь твой сон. И твой ангел тоже, — добавила она.

Филипп обернулся и изумлено посмотрел на нее.

— Ты его тоже увидела?

Айви опустила глаза.

— Нет, конечно! — ответил за нее Грегори.

«Нет, конечно!» — повторила про себя Айви, и вдруг ей показалось, что это неправда. Она почти готова была поверить в то, что ангелы существуют — пусть не для нее, но для Филиппа.

— Спокойной ночи, — тихо проговорила Айви.

Когда Филипп ушел, Грегори прижал Айви к себе и стал баюкать, как маленькую.

— Все тот же старый сон? — спросил он.

— Да.

— И Эрик опять был в нем?

— Был красный мотоцикл, — ответила Айви.

— Как бы я хотел избавить тебя от этих кошмаров! — прошептал Грегори. — Если бы я мог, я согласился бы каждую ночь видеть их вместо тебя. Если бы я только мог избавить тебя от этой пытки!

— Мне кажется, они никогда не закончатся, — сказала Айви.

Грегори поднял голову.

— Что ты хочешь сказать?

— Сегодня в этом сне появилось кое-что новое, — проговорила Айви. — Точно так же, как раньше появился мотоцикл, сегодня прибавился еще один эпизод. Ты знаешь, Грегори, мне кажется, что с помощью этого сна я пытаюсь что-то вспомнить. И еще я думаю, что обречена видеть этот кошмар до тех пор, пока не вспомню это что-то.

Грегори слегка откинул голову, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Что же нового добавилось сегодня?

— Я была за рулем. И я снова увидела окно, за которым виднелась смутная тень. Это было то же самое окно, только на этот раз я не шла к нему, а ехала на машине.

Айви помолчала. Она не хотела думать о том, что могла означать эта деталь.

Грегори крепче прижал ее к себе.

— А в остальном все осталось, как было?

— Нет. Я ехала на машине Тристана.

Айви услышала, как Грегори резко глотнул воздух.

— Когда я увидела окно, то попыталась остановиться. Я нажала на тормоз, но машине не замедлила ход! А потом я услышала его голос. «Айви, остановись! Остановись! Неужели ты не видишь, Айви? Остановись, Айви!» Но я не могла остановиться. Я не могла сбросить скорость. Я снова и снова жала на педаль тормоза. Но тормоза не работали!

Внезапно ей стало холодно. Руки Грегори по-прежнему обнимали ее, но его кожа вдруг покрылась липким холодным потом.

— Почему же там не работали тормоза? — прошептала Айви. — Неужели я что-то вспоминаю, Грегори? Но что я вспоминаю?

Грегори ничего не ответил. Его била дрожь.

— Побудь со мной, — взмолилась Айви. — Я боюсь засыпать.

— Я останусь, но ты должна уснуть.

— Я не могу! Я боюсь снова увидеть этот сон! Мне страшно! Я не знаю, что будет дальше!

— Я буду с тобой. Я разбужу тебя, как только тебе начнет сниться кошмар, но ты должна уснуть. Подожди, я сейчас принесу тебе что-нибудь, чтобы ты крепче уснула.

Грегори встал.

— Куда ты? — в панике вскрикнула Айви.

— Ш-ш-ш-ш, — успокоил он. — Я только спущусь вниз и приготовлю тебе теплого питья.

Перед тем, как уйти, Грегори взял с комода фотографию Тристана и переставил ее на ночной столик возле постели Айви.

— Я сейчас вернусь. Я тебя не оставлю, Айви. Обещаю, что не оставлю тебя, — шепнул Грегори, глядя ее по волосам. — Я буду с тобой до тех пор, пока эти кошмары не прекратятся навсегда.

«Айви, остановись! Остановись! Неужели ты не видишь, Айви? Остановись, Айви!»

Но она не могла остановиться. Она продолжала рассказывать Грегори свой сон, и теперь он знал, что она вспомнила еще больше. Может быть, в следующий раз она вспомнит все — в том числе и то, что Грегори хотел навсегда скрыть от всех. Если у нее будет этот следующий раз. Тристан лежал в комнате Айви. Он едва не сошел с ума, крича на нее. Он израсходовал огромный запас энергии. И ради чего? Айви сидела на постели — дрожащая, напуганная — и с надеждой ждала возвращения Грегори.

Тристан заставил себя встать. Выбежав из спальни, они ринулся по темной лестнице вниз и инстинктивно свернул на кухню, где нашел Грегори. В кухне тоже было темно, горела лишь одна лампочка над плитой. В чайнике тихо шипела вода. Грегори сидел на табурете за стойкой и смотрел на чайник. Он был бледен, его кожа блестела от испарины.

Грегори вертел в пальцах целлофановый пакетик, который только что вытащил из кармана. Тристан знал, что лежит в пакетике, и догадался, что Грегори собирается сделать дальше. И еще он знал, что даже если соберет все свои силы, то не сможет его остановить. Он не мог использовать сознание Грегори, как проделывал это с Уиллом. Грегори будет сопротивляться до конца, а физические возможности его живого тела в сотни раз превосходили силу пальцев Тристана.

«Но материализованные пальцы могут быть очень ловкими! — подумал Тристан. — Если маленькая красная таблетка куда-нибудь закатится, планы Грегори могут сорваться!»

Грегори выбрал малиновый чай — очевидно, он все продумал заранее и надеялся, что сильный запах напитка заглушит вкус наркотика. Тристан подошел к Грегори вплотную и приготовился материализовать пальцы в нужный момент.

Грегори осторожно раскрыл пакетик и вытащил оттуда две из трех капсул. Тристан вытянул светящуюся руку и сосредоточился на кончиках пальцев. Рука Грегори застыла над чашкой с дымящимся чаем.

В тот момент, когда он готов был разжать пальцы, Тристан выбил капсулы. Они упали на стойку и разлетелись в стороны. Грегори выругался и взмахнул рукой, но Тристан оказался проворнее и ловким движением смел наркотика в раковину. Они скатились на влажную поверхность, и Тристан поспешно сбросил их в слив.

В тот же миг Грегори бросил в чай третью таблетку.

Тристан рванулся к кружке, но Грегори крепко держал ее. Он помешал ароматную жидкость ложечкой, дождался, когда таблетка полностью растворится, и понес питье наверх.

Айви... Она так обрадовалась, увидев его!

— Это тебе поможет, — сказал Грегори.

«Не пей, Айви!» — предупредил Тристан, хотя прекрасно понимал, что она его не слышит.

Айви отпила глоток, оставила кружку и опустила голову на плечо Грегори.

Тристан бросился к кружке, но Грегори поспешно схватил ее со столика.

— Слишком горячо? — заботливо спросил он.

— Нет, все замечательно. Спасибо тебе.

«Не пей!» — заорал Тристан.

Айви сделала еще один глоток, словно хотела доказать Грегори, что ей очень нравится приготовленный им чай.

— Я выбрал правильный сорт? Там их столько, что запутаешься!

«Поставь кружку, Айви!»

— Превосходный сорт, — кивнула Айви, сделав сразу несколько глотков.

«Лэйси, где ты? Почему тебя никогда нет, когда мне нужна твоя помощь? Мне нужен твой голос, ты ведь могла бы сказать ей!»

Каждый раз, когда Айви хотела отставить чай на столик, Грегори забирал у нее кружку. Он сидел на кровати рядом с Айви, обнимая ее одной рукой, а другой поднося кружку к ее губам.

— Еще немножко, — просил он.

«Хватит!» — надрывался Тристан.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Грегори через несколько минут.

— Меня клонит в сон. Я больше не боюсь... Но мне как-то не по себе. Какое-то странное ощущение... Как будто здесь в комнате кто-то есть, и он смотрит за нами, — пролепетала Айви, обводя взглядом комнату.

«Я здесь, Айви!»

Грегори поспешно подал ей остатки чая.

— Ничего не бойся, — сказал он. — Я с тобой, Айви.

Тристан попытался взять себя в руки и успокоиться. В конце концов, от одной таблетки не умирают. Но ведь неизвестно, что задумал Грегори! Вдруг он нашел те капсулы, которые Тристан выбросил за комод в его комнате? Что если он решил сначала слегка накачать Айви, а потом скормить ей все остальное?

«Лэйси! Я не могу спасти ее один!»

Но Лэйси не отзывалась.

«Уилл! — подумал Тристан. — Нужно разыскать Уилла! Но сколько времени это займет?»

У Айви уже закрывались глаза.

— Спи, — снова и снова твердил ей Грегори. — Тебе нечего бояться. Спи.

Айви закрыла глаза, голова ее упала. Грегори не стал ее поддерживать. Он отпихнул Айви, и она бессильно опрокинулась на подушки.

И тут Тристан начал кричать. Он обвил Айви руками, он прижимал ее к себе, хотя понимал, что все равно не сможет удержать. Она была где-то далеко, она уплывала и от него, и от Грегори, все глубже проваливаясь в наркотический сон. Тристан кричал и кричал, не замечая своего крика.

Грегори резко встал и вышел из комнаты.

Тристан знал, что должен найти помощь, но он боялся надолго оставить Айви одну.

Филипп! Это был его единственный шанс. Тристан бросился в соседнюю комнату.

Как только он вошел, Элла тревожно подняла голову.

«Помоги мне, Элла! Нужно разбудить его, чтобы он впустил меня».

Элла послушно вскочила Филиппу на грудь, обняла его лицо и коротко мяукнула.

Филипп открыл глаза. Потом сонно поднял руку и погладил Эллу. Тристан представил себе теплую кошачью шерсть под пальцами Филиппа. В следующий миг он легко скользнул в сознание мальчика.

«Это я, Филипп. Это я — твой друг, твой ангел. Это я — Тристан».

— Тристан, — прошептал Филипп, и внезапно они оказались друг перед другом за шахматной доской. Филипп перепрыгнул через шашку Тристана. — Ага, я в дамках!

Тристан провалился в воспоминание, уже вплетавшееся в ткань сна мальчика. Собрав силы, он забился, выталкивая себя и Филиппа в явь.

«Проснись, Филипп! Это Тристан. Проснись. Мне нужна твоя помощь. Айви нужна твоя помощь».

Тристан услышал громкое мурчание Эллы и увидел, что она смотрит ему в лицо, но перед глазами у него все расплывалось. Он понял, что Филипп медленно просыпается.

«Давай, Филипп! Вставай, дружище!»

Филипп посмотрел на статуэтки ангелов. Он был удивлен, но не боялся. Его руки и ноги все еще были слабыми после сна. Ничего, это поправимо.

Внезапно Тристан услышал шум, доносившийся из коридора. Он услышал шаги Грегори — но почему Грегори ступал так тяжело? Откуда у него эта странная, неуклюжая походка?

«Вставай, Филипп! Нужно посмотреть, что там происходит!»

Но Филипп еще не успел встать, когда Грегори начал спускаться по лестнице. Проскрипели ступеньки, потом хлопнула входная дверь.

«Надевай кроссовки. Давай же, быстрее!»

Снизу послышался шум двигателя. Тристан узнал звук старенького доджа, принадлежавшего Айви. У него оборвалось сердце. Значит, Грегори забрал с собой Айви. Не куда он ее везет? Куда?

— Не знаю, — сонно пролепетал Филипп.

«Думай, думай же! — простонал про себя Тристан. — Куда он может ее везти?»

— Не знаю, — снова пробормотал Филипп.

Если Айви одурманена наркотиками, Грегори ничего не стоит подстроить катастрофу. Но какую? Где и как он задумал это осуществить? Наверное, подсказки должны быть в его комнате... Может быть, в тех старых газетных заметках?

Внезапно Тристан вспомнил железнодорожное расписание. Он снова, как наяву, увидел, как перекосилось лицо Грегори, когда он увидел валявшееся на полу расписание. Потом Грегори обвел ручкой ночной поезд, который шел из Тассета! Да-да, он даже что-то подсчитал и записал на листочке время — 2:04. И дважды обвел эти цифры. Да-да, так оно и есть — Тристан знал, что этот поезд раз в два дня без остановки проносится через их маленькую станцию... Проносится без остановки! Ну конечно, маленький перрон станции Стоунхилл будет совсем пуст в это время ночи...

Нужно остановить его!

Тристан посмотрел на циферблат часов, стоявших у кровати Филиппа. 1:43.

«Филипп, вставай!»

Маленький мальчик уснул на стуле, едва зашнуровав один кроссовок. Его непослушные пальцы никак не могли справиться со шнурками.

Когда Тристан снова растолкал его, Филипп, пошатываясь, побрел по коридору. Тристан подвел его к парадной лестнице, потому что по ней можно было спускаться, держась за перила. Они осторожно сошли вниз, и Тристан повел мальчика к двери черного хода, которую Грегори оставил открытой. Ему казалось, что он сам превратился в часы, неумолимо отсчитывавшие секунды.

Они бы ни за что не успели вовремя добраться до станции пешком, тем более что длинная аллея, петлявшая по склону горы, вела в противоположную сторону. Машина!

Нужно попробовать найти ключи от машины Грегори. Если ему это удастся, то он сможет материализовать пальцы и... Но что если Грегори увез ключи с собой, и он лишь напрасно потратит драгоценное время?

«В другую сторону, Филипп».

Тристан взял мальчика за плечи и развернул. Это был очень рискованный путь, и в то же время, их единственный шанс — крутой и каменистый склон горы, ведущий прямо к станции.

Через несколько шагов прохладный ночной воздух окончательно разбудил Филиппа. Тристан видел его глазами серебристые ночные тени, слышал его ушами шорох камней под ногами мальчика. Постепенно он тоже почувствовал себя сильнее.

Понукаемый Тристаном, Филипп опрометью бросился бежать по траве. Они пронеслись мимо теннисного корта и остановились у границы владения Бэйнсов, за которой начинался крутой спуск вниз.

Тристан и Филипп объединили свои силы, поэтому бежали гораздо быстрее, чем позволяли ноги девятилетнего мальчика. Тристан не знал, насколько хватит его новых сил, и не был уверен, что они смогут благополучно спуститься с обрыва. Ему казалось, что прошла целая вечность, прежде чем они добрались до склона.

Он почувствовал оторопь Филиппа, и мгновенное колебание, охватившее мальчика перед каменной стеной, означавшей границу владения.

— Я не должен через нее заходить, — сказал Филипп.

«Все нормально, ты же со мной!»

Далеко внизу виднелась железнодорожная станция. Чтобы добраться туда, им нужно было спуститься со склона, где единственной опорой служили узкие каменные выступы, да корни редких чахлах деревьев. Кое-где среди камней росли кусты, но в основном отвесный земляной склон был испещрен лишь промоинами и осыпями мелких камней, того и гляди грозивших осыпаться под ногами.

— Я не боюсь, — сказал Филипп.

«Здорово, что хоть один из нас не трусит».

Они медленно и осторожно стали спускаться вниз. Луна этой ночью взошла поздно, бросая длинные неясные тени на землю. Тристану приходилось постоянно одергивать себя, напоминая, что сейчас в его распоряжении есть лишь короткие ножки девятилетнего мальчика и его слабые руки, которые не могут дотянуться так далеко, как ему бы хотелось.

Они были уже на середине склона, когда он все-таки ошибся. Он неправильно рассчитал прыжок, и они с Филиппом приземлились слишком далеко от узкого выступа скалы. Прямо под ними начинался отвесный обрыв не меньше двадцати пяти футов длиной, на дне которого не было ничего, кроме камней, за которыми начинался новый провал. Они зашатались на узком краю.

Тристан поспешно покинул Филиппа и заглушил все свои чувства, чтобы позволить мальчику собраться. Он знал, что Филипп не подкачает. Так оно и получилось — врожденное чувство равновесия мальчика спасло их обоих.

Во время спуска Тристан старался не думать об Айви, но перед глазами его то и дело вставала ее золотоволосая голова, бессильно запрокинутая назад, как у тряпичной куклы. И он постоянно ощущал бег неумолимо тикающего времени.

— Что такое? — спросил Филипп, почувствовав его тревогу.

«Спускайся. Потом расскажу»

Тристан не мог допустить, чтобы Филипп понял, какая опасность угрожает Айви. Он старательно затуманивал свои мысли, скрывая от Филиппа истинное лицо Грегори и его намерения. Он не знал, как Филипп отнесется к его рассказу — то ли насмерть перепугается за Айви, то ли бросится защищать Грегори.

Наконец они спустились со склона и опрометью понеслись по траве, спотыкаясь на камнях. Филипп подвернул ногу, но упрямо продолжал бежать. Впереди выросла высокая проволочная ограда. Сквозь нее была видна станция.

На станции было два пути — южный и северный — каждый со своей платформой. Обе платформы соединялись высоким мостом. На южной платформе, находившейся дальше от Филиппа и Тристана, находилось небольшое деревянное здание станции, за которым была парковка. Тристан знал, что ночной поезд проходит по южному пути.

Когда они добежали до ограды, колокола на городской церкви пробили два раза.

Два часа ночи.

— Ограда очень высокая! — сказал Филипп.

«Скажи спасибо, что не под током!»

— Можно передохнуть немножко?

Прежде чем Тристан успел ответить, вдалеке раздался далекий свисток поезда.

«Филипп, мы должны обогнать этот поезд!»

— Зачем?

«Должны, понимаешь? Лезь!»

Филипп повиновался. Сунув ноги в ячейки сетки, он полез вверх, ловко подтягиваясь и цепляясь пальцами за проволоку. Вскоре они были уже на вершине, в двадцати футах над землей. И тут Филипп спрыгнул. Они грохнулись на землю и покатались по траве.

«Филипп! С ума сошел?»

— Я думал, у тебя крылья! Разве бывают ангелы без крыльев?

«Но у тебя-то крыльев нет!» — напомнил Тристан.

Свисток повторился, на этот раз он был гораздо ближе. Они бросились на первую платформу. Взбежав по лестнице, они увидели перед собой всю станцию.

Айви.

— Айви! — охнул Филипп. — Ой, Тристан! С ней что-то не так!

Она стояла на краю противоположной платформы, прислонившись к столбу. Голова ее бессильно свесилась набок.

— Она может упасть! Тристан, поезд подъезжает и... — Филипп ахнул и закричал: — Айви! Айви!

Она его не слышала.

«На лестницу!» — скомандовал Тристан.

Они бросились к лестнице, промчались по мосту и спустились на другую платформу.

Теперь они слышали грохот приближающегося поезда. Филипп продолжал звать Айви, но она, словно замороженная, смотрела на рельсы. Тристан проследил за ее взглядом — и они с Филиппом оцепенели.

— Тристан! Тристан, ты где? — в страхе закричал Филипп.

«Здесь. С тобой. Я в тебе».

Но даже Тристану показалось, будто они с Филиппом внезапно очутились на противоположной платформе. Он не мог отвести глаза от своего отражения, стоявшего в тени деревьев на северной платформе.

Загадочная фигура была одета в школьный пиджак, похожий на тот, в котором Тристан был запечатлен на фотографии, и старую бейсболку козырьком назад. Тристан застыл, замороженный своим двойником, не меньше, чем Филипп и Айви.

«Это не я, — сказал он Филиппу, придя в себя. — Не дай себя одурачить. Это кто-то другой, одетый, как я».

Грегори!

Но разве он мог сказать об этом Филиппу?

— Кто это? Зачем он оделся, как ты?

И тут они увидели, как призрачная рука протянулась из тени в серебристый лунный свет. Двойник Тристана поманил Айви к себе, зовя ее через пути.

Поезд приближался, его яркие огни высветили серебристые рельсы, оглушительный свиток последним предупреждением разорвал ночную тишину.

Но Айви не замечала ничего этого. Бледная рука притягивала ее, как пламя свечи притягивает мотылька.

Рука продолжала тянуться к Айви. И вдруг Айви оторвалась от столба, протянула руку и шагнула вперед.

— Айви! — закричали Филипп и Тристан. — Айви! Нет, нет, Айви! Стой, не надо!

Продолжение следует.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

«Три урда» (“The Three Stooges”) — это знаменитые американские короткометражные комедии, вышедшие в первой половине прошлого века. Главные герои, три непутевых охломона, попадают в различные неприятности.